Пешехонов
Аграрная
проблема...
Спб. 3экз.
ГЖ120
П496

ГЖС 120
П 496

А. В. Пѣшехоновъ.

Аграрная проблема

въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.
1906.

3 т отд

П

Б.

1984

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЖ120р
П496

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

~~200~~ 68295
~~21~~
У

Вошедшія въ настоящее изданіе статьи написаны мною лѣтомъ 1905 года. Послѣ того крестьянское движеніе получило дальнѣйшее развитіе, и въ его исторію вписаны уже новыя яркія страницы. Говоря о немъ теперь, я долженъ былъ бы использовать новый и при томъ громадный фактическій матеріалъ, какой накопился въ текущей литературѣ по этому предмету. Но не исторію и не исчерпывающую характеристику крестьянскаго движенія намѣренъ я предложить читателямъ. Для этого, быть можетъ, не настало еще время. Выпуская свои статьи отдѣльнымъ изданіемъ, я имѣю въ виду не столько *крестьянское движеніе*, сколько *аграрную проблему*. Не столько на фактахъ, сколько на программныхъ вопросахъ, которые въ этихъ статьяхъ мною были затронуты, желалъ бы я остановить вниманіе читателей.

Въ виду цѣли, которую я ставлю, правильнѣе, конечно, было бы историческую часть, относящуюся главнымъ образомъ къ первымъ фазисамъ крестьянскаго движенія, вовсе исключить изъ настоящаго изданія. Но сдѣлать это очень трудно. Статьи были написаны въ формѣ журнальныхъ обозрѣній внутренней жизни, въ качествѣ каковыхъ онѣ и были напечатаны въ свое время въ «Русскомъ Богатствѣ» (іюнь — августъ 1905 г.). Программные вопросы въ нихъ связаны съ лѣтописью, и отдѣлить одну часть отъ другой, это значило бы, въ сущности, выполнить работу заново. Не имѣя для этого времени, я ограничился поэтому сравнительно небольшими измѣненіями. Возстановивъ, съ одной стороны, нѣкоторыя мѣста, вычеркнутыя въ свое время цензоромъ, я пополнилъ, съ другой стороны, свое изложеніе нѣкоторыми позднѣйшими фактами, но сдѣ-

лалъ это послѣднее лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ дополненія представлялись мнѣ необходимыми для сохраненія хотя какой-нибудь перспективы. Позднѣйшія вставки въ изложеніе, которое и безъ того не отличалось стройностью, сдѣлали, конечно, его еще болѣе шероховатымъ. Хорошо сознавая всѣ недостатки настоящаго изданія и извиняясь за нихъ передъ читателями, я, тѣмъ не менѣе, надѣюсь, что оно окажется не совсѣмъ безполезнымъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы уяснить себѣ одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблемъ русской жизни.

4 января 1906 г.

I. Крестьянское движеніе.

Въ широкомъ и глубокомъ движеніи, какимъ охвачена Россія, вопросу о землѣ, несомнѣнно, суждено сыграть очень видную роль. Между тѣмъ, какъ это ни странно, одно время аграрный вопросъ оказался какъ бы забытымъ. Въ высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 г. о земельныхъ нуждахъ деревни не было упомянуто ни слова. Дѣлая эту первую—правда, чисто словесную,—уступку „насущнымъ нуждамъ народнымъ", правительство сочло возможнымъ совершенно обойти самую насущную изъ нихъ. Впрочемъ, и о правовыхъ нуждахъ крестьянства въ названномъ указѣ было упомянуто лишь мимоходомъ. Хотя „мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія", по принятому уже въ такихъ актахъ порядку, и была поставлена „во главу заботъ", однако для ея развитія въ указѣ не было удѣлено ни одного „пункта". Комитетъ министровъ, придерживавшійся въ своихъ сужденіяхъ именно „пунктовъ" конечно, оставилъ крестьянскія нужды внѣ разсмотрѣнія. Не мудрено поэтому, что въ ряду „двадцати совѣщаній", къ учрежденію которыхъ собственно и свелась вся преобразовательная дѣятельность бюрократіи, „особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія" появилось однимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Оно было учреждено лишь 30 марта 1905 г. Но обратившись поздно къ этому предмету, правительство проявило, какъ увидимъ ниже, въ своихъ заботахъ о немъ особую нервность.

Крестьяне сами напомнили о себѣ и при томъ такъ, что игнорировать ихъ стало невозможно. Въ половинѣ февраля 1905 г. вспыхнули крестьянскія волненія въ нѣсколькихъ смежныхъ уѣздахъ Курской, Орловской и Черниговской губерній. Одновременно обострилось, принявъ форму почти открытаго возстанія, крестьян-

ское движеніе въ Гуріи, распространившееся затѣмъ почти на все закавказье. Въ томъ же февралѣ и началѣ марта крестьянское движеніе охватило нѣсколько уѣздовъ въ сѣверо-западномъ краѣ, весь прибалтійскій и значительную часть царства польскаго. Затѣмъ оно обнаружилось въ юго-западномъ краѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ губерній: въ Саратовской, Харьковской, Херсонской, Бессарабской, Таврической, Полтавской, Воронежской, Смоленской, Нижегородской, Московской, Тульской, Симбирской... Впрочемъ, въ настоящее время трудно указать тѣ губерніи, въ которыхъ въ большемъ или меньшемъ числѣ пунктовъ, въ болѣе или менѣе острой формѣ не наблюдалось бы крестьянское движеніе. Это еще не пожаръ, это безсчисленныя вспышки; но уже во многихъ мѣстахъ разгоравшіеся костры съ трудомъ лишь поддавались тушенію.

Съ внѣшней стороны наиболѣе характерными чертами крестьянскаго движенія являются его повсемѣстность и его всеобщность. Въ самомъ дѣлѣ, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Гурію отъ Лифляндіи, какая громадная разница наблюдается между латышемъ и грузиномъ! Что, далѣе, казалось бы, общаго между волгаремъ и полякомъ. Гдѣ же, наконецъ, разница между надѣляющими другъ друга ироническими кличками „хохломъ“ и „кацапомъ“? Всѣ они оказываются охваченными однимъ и тѣмъ же чувствомъ, однимъ и тѣмъ же движеніемъ. Мы, такимъ образомъ, воочію видимъ, какъ предъ соціальнымъ вопросомъ меркнутъ всѣ національныя различія...

Не менѣе характернымъ въ данномъ отношеніи представляется и другое обстоятельство. Всѣ имѣющіяся свѣдѣнія заставляютъ думать, что движеніемъ, особенно въ его первый періодъ, была охвачена вся деревня, всѣ слои ея, за самыми ничтожными, быть можетъ, исключеніями. Ссылаясь на мнѣніе какого-то „лица, прибывшаго изъ Глуховскаго уѣзда“, „Кіевлянинъ“ утверждалъ, что въ Черниговской губерніи „крестьянское земледѣльческое населеніе, въ особенности лучшіе хозяева сильно встревожены и, сознавая, что отъ этихъ грабежей и поджигателей имъ также грозитъ не меньшая опасность, они быстро пришли въ себя и рѣшили дать такой отпоръ, чтобы въ другой разъ не повадно было грабить“. Я цитирую по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени“ (отъ 4 марта) и не знаю, отъ себя ли эта послѣдняя газета, или передавая мысль „Кіевлянина“, прибавила: „Если таково дѣйстви-

гельное настроеніе хозяйственнаго крестьянства, то съ грабителями оно быстро справится и выдастъ виновныхъ, такъ какъ въ селеніи преступникъ долго не спрячется отъ своихъ сосѣдей". Однако этимъ надеждамъ на предательство сосѣдей, повидимому, не суждено было сбыться. Въ той же Черниговской губерніи лица, производившія слѣдствіе, для розыска виновныхъ должны были прибѣгать къ инымъ средствамъ, не останавливаясь даже передъ пыткой...

Попытку свалить всю вину въ безпорядкахъ на „отбросы" сдѣлала еще прибалтійская нѣмецкая печать, ревностно защищающая, какъ извѣстно, интересы бароновъ и всячески отстаивающая существующій аграрный строй. По ея словамъ „въ прибалтійскомъ краѣ революціонный соціализмъ, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, имѣетъ приверженцевъ только среди отбросовъ населенія, не желающихъ работать, а также среди незрѣлой молодежи". Однако латышская печать съ фактами въ рукахъ доказала, что въ безпорядкахъ на ряду съ безземельными крестьянами принимали участіе и „усадьбовладѣльцы", т. е. болѣе обезпеченная часть мѣстнаго крестьянства, которую создатели мѣстнаго аграрнаго строя считали въ теоріи наиболѣе надежнымъ оплотомъ порядка *). Впрочемъ, и нѣмецкія газеты должны были признать, что „нигдѣ не удается захватить распространителей прокламацій—никто не выдаетъ ихъ" („Mit Ztg".). По свидѣтельству г. Максимова, который былъ спеціально командированъ „Русскими Вѣдомостями" въ Орловскую и Курскую губерніи

„въ грабежѣ принимали участіе цѣлыя деревни—мужчины, женщины, подростки; въ числѣ арестованныхъ за грабежъ и сидящихъ въ сѣвской тюрьмѣ есть, между прочимъ, одинъ слѣпой нищій; сельчане снабдили его лошадью и подводой; помогли насыпать хлѣба, и онъ, такимъ образомъ, привезъ съ собой цѣлый возъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при первомъ походѣ на грабежъ изъ данной деревни отправлялась только часть крестьянъ, но затѣмъ, соблазненные первыми, и остальные отправлялись громить слѣдующую усадьбу. Какого-нибудь распредѣленія экономій между деревнями не было; всякій пріѣзжалъ, кто хотѣлъ, изъ какой бы ни было деревни, и пріѣзжали иногда очень издалека... Говорятъ, что были случаи принужденія отдѣльныхъ домохозяевъ и даже цѣлыхъ деревень къ участію въ грабежѣ подъ угрозой поджога, но насколько это вѣрно, трудно сказать, такъ какъ имѣющіяся теперь

*) „Русь", 10 марта.

показанія этого рода легко объясняются желаніемъ избѣжать отвѣтственности или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ее" *).

Въ позднѣйшихъ своихъ стадіяхъ крестьянское движеніе получило болѣе сложный характеръ. Такъ въ Поволжьѣ,—по свидѣтельству г. Тана, который лѣтомъ имѣлъ возможность посѣтить нѣкоторыя изъ приволжскихъ губерній,—замѣчался въ это время внутренній разладъ. Полицейскіе агенты при дѣятельномъ участіи „торговыхъ мужиковъ" успѣли пробудить въ части крестьянства „черносотенные" инстинкты. Интересно, что въ Саратовской, напримѣръ, губерніи крестьяне, охваченные движеніемъ составляютъ „сознательную" партію, и этимъ названіемъ, какъ бы подчеркивается недостатокъ политическаго самосознанія въ тѣхъ элементахъ деревни, которые занимаютъ по отношенію къ движенію враждебную позицію. Самый разладъ, можно думать, обусловленъ значительною уже въ этихъ мѣстахъ примѣсью къ движенію „политики", идущей въ разрѣзъ съ традиціями, которыми такъ долго жило населеніе. Это обстоятельство, повидимому, и дало возможность администраціи противопоставить одну часть населенія другой.

На ряду съ этими недоразумѣніями, раздѣлившими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно тождественные, быть можетъ, въ соціальномъ отношеніи элементы деревни, не лишне отмѣтить, что къ движенію, по свидѣтельству наблюдателей, примыкаютъ нерѣдко люди, соціальная позиція которыхъ рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ рядового крестьянства. „Движеніе—говоритъ г. Танъ—захватило даже административные элементы деревни. Я встрѣчалъ волостныхъ старшинъ, сельскихъ писарей, даже мелкихъ лавочниковъ и монопольныхъ сидѣльцевъ, которые стояли во главѣ сознательной партіи и часто выносили мелкое подвижничество". „Сельскіе сходы—говоритъ онъ далѣе—отстаивали свою независимость сдержанно, но безтрепетно и *въ полномъ составѣ* членовъ. Такъ называемые зачинщики возвращались домой послѣ временнаго отсутствія. Навстрѣчу имъ выѣзжали кортежи троекъ, украшенныхъ листьями и лентами. Группа дѣтей встрѣчала ихъ привѣтственной пѣсней; имъ говорились рѣчи, устраивались сельскіе банкеты. Ибо молодая деревня уже имѣетъ своихъ героевъ и умѣетъ чтить ихъ" **)...

*) „Русскія Вѣдомости" 3 марта.

**) Танъ. „По губерніи Безпокойной". „Русскія Вѣдомости", 3 августа.

Какъ бы то ни было, крестьяне, въ охватившемъ ихъ движеніи, проявляютъ несравненно больше солидарности, чѣмъ слѣдовало бы по теоріи нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, долго и упорно отрицавшихъ возможность общихъ чувствъ и общихъ движеній въ „дифференцированной“ деревнѣ,—и, пожалуй, въ общемъ счетѣ не меньше, чѣмъ проявляютъ въ однородныхъ случаяхъ городскіе рабочіе.

Во всякомъ случаѣ, никакого антагонизма между рядовымъ крестьяниномъ и деревенскимъ пролетаріемъ, между крестьянскими и рабочими нуждами, не замѣтно. И это необходимо сказать не только относительно внутреннихъ губерній, гдѣ крестьянинъ и сельско хозяйственный рабочій остаются объединенными въ одномъ дворѣ и нерѣдко даже въ одномъ лицѣ, но и про окраины, гдѣ эти „категоріи“ до извѣстной степени уже дифференцировались. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, на первый планъ, конечно, выдвигаются то крестьянскія, то рабочія нужды. Во внутреннихъ, напримѣръ, губерніяхъ движеніе имѣетъ, по преимуществу, если не исключительно, крестьянскій характеръ, въ прибалтійскомъ краѣ и царствѣ польскомъ, наоборотъ,—рабочій, при чемъ тамъ оно почти сливается съ городскимъ рабочимъ движеніемъ. Вездѣ, однако, крестьяне и рабочіе дѣйствуютъ параллельно и нерѣдко совмѣстно. Такъ, въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ движеніе началось забастовкй сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, предъявившихъ своимъ хозяевамъ рядъ требованій, охватывающихъ разныя стороны ихъ быта и труда. Послѣ сдѣланныхъ хозяевами уступокъ, работы возобновились, но „затѣмъ,—по сообщенію „Русскаго Слова“,—опять прекратились, вслѣдствіе возникшаго въ разныхъ пунктахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній аграрнаго движенія“... Въ прибалтійскомъ краѣ „въ безпорядкахъ принимаютъ участіе не только сельскіе рабочіе, предъявляющіе помѣщикамъ требованія объ уменьшеніи рабочихъ часовъ, увеличеніи заработной платы и т. д., но также дворохозяева арендаторы, требующіе уменьшенія арендной платы, и собственники усадебъ, предъявляющіе требованія о надѣленіи землей, лугомъ, лѣсомъ и пр.“... *) Въ имѣніи Алацкиви, напримѣръ, „въ безпорядкахъ“—по сообщенію „Eesti Postimees“—участвовали мызные рабочіе, ри-

*) „Русскія Вѣдомости“, 23 марта.

баки и крестьяне-дворохозяева. Мызные рабочіе требовали увеличенія поденной платы съ 40 на 60 коп.; рыбаки, платившіе по 30—36 рублей аренды за десятину песчаной земли, требовали пониженія арендной платы; крестьяне-дворохозяева требовали выдѣлить изъ общаго лѣса участки для каждой усадьбы". Въ юго-западномъ краѣ движеніе все время имѣетъ двойственный характеръ: борьба идетъ между помѣщиками, съ одной стороны, и крестьянами и рабочими—съ другой. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи оказались ошибочными предвидѣнія публицистовъ, которые въ своихъ построеніяхъ „сшибали лбами два разряда людей, жизнь которымъ въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія" *). Въ критическую эпоху народной жизни крестьяне и рабочіе,—какъ ни различны съ точки зрѣнія „производственныхъ отношеній" эти „категоріи",—оказались въ однихъ рядахъ. И въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Интересы *труда*, какъ ни разнообразны формы его эксплуатаціи, всегда были и всегда будутъ близки и понятны рабочему человѣку, кто бы онъ ни былъ. Эти интересы всколыхнули и объединили трудящіяся массы. Послѣ того, что пережито за послѣдніе мѣсяцы, это уже не „людская пыль" и не „безсвязныя толпы", а великая и единая соціальная сила. Когда соберется учредительное собраніе, то и въ немъ, конечно, представители крестьянскихъ и рабочихъ интересовъ займутъ мѣста рядомъ. Больше того: мы въ правѣ надѣяться, что они составятъ единую и великую партію, и что эта партія будетъ имѣть достаточную для соціальныхъ реформъ политическую силу.

Не смотря на разнообразіе захваченныхъ крестьянскимъ движеніемъ мѣстностей, оно и въ формахъ своихъ имѣетъ много общаго.

Въ Курской, Орловской и Черниговской губерніяхъ происходила, такъ называемая, „разборка" экономій, хорошо извѣстная уже со времени полтавскихъ безпорядковъ 1902 года.

„Конечно, не во всѣхъ мѣстностяхъ,—говоритъ по этому поводу г. Максимовъ,—безпорядки происходили одинаково, но главныя черты въ большинствѣ случаевъ приблизительно однѣ и тѣ же. Большею частью крестьяне предупреждали заранѣе владѣльца, что явятся къ нему тогда-то, при чемъ

*) Н. К. Михайловскій. Литература и жизнь. „Р. Б." 1897 г. № 6.

иногда приходила небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день. Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, костеръ или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами: подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Въ одномъ случаѣ (въ Романовкѣ) сигналъ былъ данъ набатнымъ звономъ. Собравшись, крестьяне направлялись на экономію, подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали. Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько ихъ не смущало; они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но въ то же время и не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Грабили, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ. Насилій никакихъ не дѣлалось, и только въ М.-Витичѣ былъ легко раненъ урядникъ... Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ"...

Эта картина спокойной и выдержанной „разборки" помѣщичьяго имущества (главнымъ образомъ, хлѣба, корма для скота и сельско-хозяйственныхъ орудій) рѣзко мѣнялась, по свидѣтельству цитируемаго автора, въ тѣхъ случаяхъ, когда „подъ вліяніемъ раздраженія, опьяненія или особенно обостренныхъ отношеній" разгорались страсти. „Тогда уже происходилъ разгромъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова".

„Въ Гламаздинѣ крестьяне не только разграбили хлѣбъ, но и сожгли всю усадьбу, жилой домъ, винокуренный заводъ и прочія постройки. Такая же участь постигла Хинельскій винокуренный и Михайловскій сахарный заводы, но и тутъ приходится отмѣтить, что на Хинельскомъ заводѣ крестьяне сперва въ ночь съ 20 на 21 февраля разграбили хлѣбъ, а потомъ уже, 22-го, явились вторично и сожгли самый заводъ... Отдѣльныя лица доходили прямо до озвѣрѣнія... На ряду съ этимъ происходили и нелѣпыя сцены... Таскали при этомъ все, что кому нравилось"... *).

Такой же въ общемъ характеръ носили безпорядки и въ другихъ губерніяхъ. Въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ „крестьяне появлялись въ экономіяхъ, забирали хлѣбъ, скотъ и другой сельско-хозяйственный инвентарь" **). Въ Двинскомъ уѣздѣ мѣстные крестьяне, доведенные до нищеты и голода, разграбили и разбили нѣсколько имѣній. Все, что можно было взять, взято и унесено, чего нельзя—уничтожено. Окна, двери, печи, мебель и

*) „Русскія Вѣдомости", 3 марта.
**) „Русь", 12 марта.

вся домашняя утварь поломаны и разбиты. Изъ нѣкоторыхъ имѣній угнанъ скотъ“ *). Въ прибалтійскомъ краѣ „толпы крестьянъ, доходящія до нѣсколькихъ сотенъ (300—400 человѣкъ) разрушали и жгли экономическія постройки, грабили скотные дворы, корчмы, винныя лавки“ **), „конторы разрушали до тла, документы сжигали; въ замкахъ разбивали дорогія зеркальныя стекла; старинную обстановку рвали и топтали ногами; корчмы, паровыя мельницы, лѣсопильни, склады хлѣба, сѣно въ сараяхъ и на поляхъ поджигали, тушить не позволяли“ ***).

Кромѣ разборки и разгрома усадебъ, повсемѣстно мы встрѣчаемъ самовольную рубку помѣщичьихъ лѣсовъ; съ весны же во многихъ и при томъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ начались захваты помѣщичьей, удѣльной и церковной земли подъ посѣвъ, сѣнокосъ и пастьбу скота; далѣе начались захваты хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Вновь вспыхнувши осенью, движеніе опять отлилось, главнымъ образомъ, въ форму разборки и разгрома усадебъ.

Такимъ образомъ, захватъ и уничтоженіе помѣщичьяго имущества являются наиболѣе общими и наиболѣе рѣзкими чертами аграрнаго движенія. Съ точки зрѣнія самихъ помѣщиковъ, да и всѣхъ, сжившихся съ современнымъ правомъ, это „грабежъ и разбой“. Къ этимъ терминамъ и прибѣгаютъ, какъ мы видѣли, многіе корреспонденты въ своихъ описаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ органахъ печати были предприняты попытки истолковать и все движеніе въ этомъ смыслѣ, а именно, какъ проявленіе самыхъ дикихъ и грубыхъ инстинктовъ недисциплинированной и вышедшей изъ повиновенія толпы. Что касается основной причины, то одни видятъ ее въ нищетѣ, доведшей крестьянскую массу до отчаянія, другіе—всецѣло и исключительно въ агитаціи „злонамѣренныхъ личностей“.

Не трудно, однако, понять,—и это видно даже стороннему наблюдателю, при тѣхъ даже чисто внѣшнихъ описаніяхъ, какими приходится довольствоваться, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ болѣе сложнымъ и болѣе глубокимъ явленіемъ изъ обла-

*) „Русскія Вѣдомости“, 1 марта.
**) „Русскія Вѣдомости“, 23 марта.
***) „Русь“, 26 марта.

сти народной психологіи. За „грабежами“ чувствуется опредѣленное правосознаніе, въ „разборкахъ“ и „разгромахъ“ имѣется, несомнѣнно, общая идея. Во всякомъ случаѣ, сами крестьяне не сознаютъ себя „преступниками“. Это видно уже изъ тѣхъ описаній, какія приведены выше. Возьмите хотя бы самый процессъ разборки, какъ онъ описанъ г. Максимовымъ: крестьяне дѣйствуютъ совершенно открыто и спокойно, они даже предупреждаютъ о днѣ, когда явятся; самая явка обставлена извѣстными обрядностями; ихъ нисколько не смущаетъ присутствіе владѣльца; самая „разборка“ при нормальныхъ условіяхъ ограничена извѣстными предѣлами... Можетъ быть, крестьянамъ и не чуждо чувство отвѣтственности передъ властью, но передъ собственною совѣстью и передъ людьми они, очевидно, чувствуютъ себя правыми.

Что же это за право? Въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ, забирая у помѣщиковъ хлѣбъ и скотъ, крестьяне „заявляли, что земля и продукты труда должны принадлежать имъ“. „На що ціи паны!“—говорили крестьяне въ Проскуровскомъ уѣздѣ Подольской губерніи. „Нѣкоторые полагали,—прибавляетъ корреспондентъ,—что, такъ какъ паны вообще живутъ за границей или въ городахъ, а земли сами не пашутъ, то и хорошо было бы, если бы всѣ они навсегда выѣхали за границу или въ города, а землей бы владѣли крестьяне“ *). „Въ Липовецкомъ уѣздѣ, въ с. Стрижаковѣ, бунтующіе крестьяне усадили владѣльца имѣнія въ запряженный экипажъ и предложили уѣзжать по-добру по-здорову на всѣ четыре стороны, говоря, что распоряжаться имѣніемъ они сами сумѣютъ“ **). Въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи „желаніе крестьянъ одно и выражено кратко: передача имъ всѣхъ земель. Если владѣлецъ не протестуетъ, его мирно усаживаютъ въ телѣгу и отправляютъ въ городъ. Если же онъ прячется или принимаетъ мѣры, то усадьба предается разграбленію или огню“ ***).

Въ Рязанской губерніи и уѣздѣ, въ деревнѣ Ш—вѣ къ землевладѣльцу Г—ву явились старики съ предложеніемъ „приводить дѣла въ порядокъ“.

— Какъ только поля просохнутъ,—заявили депутаты,—мы твою землю дѣлить будемъ.

---

*) „Слово“. Цитирую по перепечаткѣ въ „Сынѣ Отеч.“ отъ 24 апрѣля.

**) „Русскія Вѣдомости“, 9 іюня.

***) „Новое Время“, 3 марта.

До этихъ поръ отношенія были прекрасныя, дружескія. Имѣніе давно въ роду владѣльца.

— Да вѣдь у меня земля заложена и долги еще другіе есть,—пробовалъ возражать г. Г—въ,—кто же платить ихъ будетъ?

— Эка! Кто? Кому же, какъ не казнѣ. Она съ насъ беретъ, пусть и платитъ за мужичковъ.

— Мнѣ-то вы оставите что-нибудь? Ну, хоть надѣлъ?

— А на что онъ тебѣ? Вѣдь ты бездѣтный. Жилъ въ городѣ—и живи Кормился по письменной части—и кормись.

— Ну, а дачу (усадьбу)?

— Дачу бери, Богъ съ тобой. Жилъ по хорошему сколько лѣтъ—и впредь обиды не увидишь.

Обѣщаютъ также вернуть сѣмена за посѣянное озимое поле, и за навозъ, и за работу.

— Намъ твоего не надо!—заявляютъ они наивно *).

То же самое желаніе отдѣлить „свое“ отъ „чужого“ сквозитъ и въ приведенныхъ фактахъ дѣленія помѣщичьяго имущества на подлежащее и не подлежащее разборкѣ,—на подлежащее захвату и на подлежащее уничтоженію.

Въ Гуріи, гдѣ крестьянамъ была предоставлена возможность открыто формулировать свои нужды, и гдѣ движеніе, благодаря большей сознательности, имѣетъ вообще отчетливый характеръ, тезисъ о передачѣ всѣхъ земель трудящимся, мы съ самаго начаго встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ требованій, предъявленныхъ къ правительству.

По мѣрѣ развитія крестьянскаго движенія, эта основная его тенденція и въ другихъ мѣстахъ пріобрѣтала все большую и большую отчетливость. Можно было бы привести цѣлый рядъ крестьянскихъ приговоровъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, въ которыхъ ясно и опредѣленно формулировано требованіе о передачѣ всей земли трудящимся. Эта общая идея, несомнѣнно, и лежитъ въ основѣ всего аграрнаго движенія. Захватъ помѣщичьяго имущества съ точки зрѣнія крестьянъ—это только осуществленіе ихъ вѣковѣчнаго права, разгромъ — это только средство разъ навсегда покончить съ наболѣвшимъ вопросомъ. „На що ціи паны?“—ставятъ, какъ мы только что видѣли, вопросъ крестьяне; землею вѣдь они и сами распорядиться сумѣютъ. И вотъ они сажаютъ помѣщика на телѣгу и отправляютъ его въ городъ. „Кормился

*) „Биржевыя Вѣдомости“, 31 марта.

во письменной части—и кормись". Если же кто упорствуетъ, то... разворяютъ „гнѣзда" въ надеждѣ, что птицы сами разлетятся.

Не вездѣ, конечно, вопросъ особенно въ началѣ ставился такъ радикально, и не вездѣ безпорядки принимали столь острую форму. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне предъявляли „требованія" къ помѣщикамъ и иногда старались подѣйствовать на нихъ тѣмъ же средствомъ, къ какому прибѣгаютъ и городскіе рабочіе, т. е. забастовкой.

Эти требованія касались, главнымъ образомъ, пониженія арендныхъ цѣнъ, повышенія заработной платы и иногда передачи помѣщичьей земли въ аренду или въ постоянное пользованіе.

Весною и лѣтомъ движеніе въ этой формѣ получило широкое распространеніе во многихъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянамъ удалось достигнуть болѣе или менѣе значительныхъ уступокъ. Успѣшный исходъ забастовокъ не вездѣ, однако, оказывался обезпеченнымъ.

Особенно малодѣйствительной, какъ показали факты, забастовка оказывается въ сферѣ арендныхъ отношеній, такъ какъ у владѣльца почти всегда остается возможность использовать землю инымъ путемъ. Иногда же забастовка въ этомъ случаѣ оказывается и вовсе не доступной, тамъ какъ владѣльцы и безъ того отказываются сдавать землю крестьянамъ, предпочитая эксплоатировать ее при посредствѣ наемныхъ рабочихъ или обращаться къ услугамъ всякаго рода посредниковъ. Чтобы поддержать свои требованія относительно необходимой для ихъ хозяйства земли, у крестьянъ часто не оказывается иного средства, кромѣ угрозы разгромомъ или самовольнымъ захватомъ. Не удивительно поэтому, если „мирныя" требованія нерѣдко очень быстро смѣнялись насильственными дѣйствіями.

Болѣе дѣйствительной на первый взглядъ забастовка представляется въ вопросахъ, касающихся заработной платы. Но и въ этомъ случаѣ владѣльцы широко пользуются возможностью мѣстнымъ рабочимъ противопоставить пришлыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стачечное движеніе благодаря этому обострилось и крестьянамъ пришлось силой „снимать" не только рабочихъ, но и прислугу въ экономіяхъ. А это неизбѣжно влекло за собою самое энергичное вмѣшательство администраціи. Впрочемъ, и помимо этого, администрація даже при самой мирной забастовкѣ неиз-

мѣнно оказывалась на сторонѣ помѣщиковъ, оказывая имъ самую дѣятельную поддержку въ борьбѣ съ крестьянами. По отношенію къ южнымъ губерніямъ, гдѣ пришлые изъ внутренней Россіи рабочіе, въ своей массѣ не организованные и не могущіе сорганизоваться, легко могли быть противопоставлены другъ другу и мѣстнымъ крестьянамъ, успѣшное развитіе и мирное теченіе стачечнаго движенія оказалось особенно затрудненнымъ.

Съ другой стороны, среди мѣстнаго крестьянскаго населенія разъ начавшееся рабочее движеніе легко переходитъ въ аграрное. Такъ, напримѣръ, въ Подольской губерніи вспыхнувшая въ Проскуровскомъ уѣздѣ „забастовка“ начала быстро распространяться... Движеніе приблизилось къ Каменецъ-Подольску. По пути, во владѣніяхъ Фишмана, крестьяне уже перешли границу дозволеннаго: они уничтожили пограничныя канавы и перепахали посѣвы“ *). Затѣмъ немедленно всплылъ, конечно, и коренной вопросъ: „на що ціи паны?“ Такой же оборотъ стачечное движеніе получило и въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Даже въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ сельскій рабочій классъ въ теченіе уже столѣтія воспитывается въ неизбѣжности выпавшей ему батрацкой доли, вопросъ о заработной платѣ нерѣдко переходитъ въ вопросъ о землѣ. „Кромѣ облегченій условій труда—писалъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“—во многихъ мѣстностяхъ батраки (по преимуществу помѣщичьи) подняли вопросъ о возвращеніи земли крестьянамъ. Движеніе это началось среди крестьянъ помимо всякой агитаціи и потому носитъ довольно своеобразный характеръ. Завѣтная мечта о возвращеніи къ землѣ давно живетъ въ массѣ безземельнаго крестьянства. Событія послѣдняго времени не могли не отразиться на деревнѣ, породивъ въ ней разные волненія и толки. И вполнѣ естественно, что масса деревенскаго пролетаріата подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій и толковъ совершенно инстинктивно, безсознательно пришла къ убѣжденію, что теперь пришло время осуществить завѣтный идеалъ крестьянства, что въ этомъ—единственный и вѣрный исходъ изъ его бѣдственнаго положенія“ **).

Такимъ образомъ, крестьянское движеніе, по мѣрѣ развитія

*) «Сынъ Отечества», 24 апрѣля.

**) „Русскія Вѣдомости“, 4 іюля.

въ той или иной мѣстности, имѣетъ тенденцію все къ болѣе радикальной постановкѣ вопросовъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и склонность—отливаться все въ болѣе острыя формы.

Вполнѣ понятна поэтому и та нервность, какую съ развитіемъ крестьянскаго движенія начало проявлять правительство.

II. Мѣры, предпринятыя правительствомъ.

30 марта 1905 г., какъ я уже сказалъ, было учреждено „особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія" подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упразднено другое „особое совѣщаніе"—„о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности", работавшее подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте. Произошло это совершенно неожиданно. Говорятъ, что статсъ-секретаремъ Витте были даже разосланы повѣстки на слѣдующее засѣданіе. Во всякомъ случаѣ, труды упраздненнаго совѣщанія, хотя оно и работало слишкомъ три года, не были закончены. „Производившіяся въ немъ дѣла" повелѣно было передать подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному особому совѣщанію „по принадлежности".

Уже упраздненіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности представляется въ данномъ случаѣ въ высшей степени характернымъ. „Производившіяся въ немъ дѣла" въ послѣднее время относились къ крестьянскому вопросу, и ссылкой на это именно обстоятельство въ указѣ 12 декабря 1904 г. было мотивировано исключеніе „важнѣйшихъ вопросовъ устроенія крестьянской жизни" изъ числа намѣченныхъ въ этомъ указѣ преобразованій. Широкая анкета, произведенная въ свое время особымъ совѣщаніемъ, при посредствѣ мѣстныхъ комитетовъ, и личные взгляды его предсѣдателя, поскольку таковые были изложены въ опубликованной имъ „Запискѣ по крестьянскому дѣлу", давали, казалось, право надѣяться, что крестьянскій вопросъ, хотя бы только въ правовой его части, получитъ теченіе, согласное съ указаніями общественнаго мнѣнія. Въ свое время *) я отмѣтилъ, однако, какъ шатки эти надежды и какъ

*) См. Крестьянскій вопросъ (По поводу новаго его превращенія). «Русское Богатство», 1904 г. № 12.

легко можетъ ожить „непогребенный мертвецъ“, прежде чѣмъ вырастетъ „только еще зачатый младенецъ“. Произошло это даже скорѣе, чѣмъ можно было предполагать. Младенецъ не успѣлъ и родиться, какъ его уже похоронили...

Не менѣе характернымъ представляется въ данномъ случаѣ и то, что новое особое совѣщаніе было учреждено по вопросамъ... какъ бы не существующимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же это за „вопросы о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія“? Крестьяне такъ крѣпко держатся за землю, что въ мѣрахъ къ укрѣпленію ихъ землевладѣнія до сихъ поръ никогда не возникало надобности. Дѣло, очевидно, было не въ этомъ. Изъ рескрипта, даннаго на имя И. Л. Горемыкина, видно, что особому совѣщанію „надлежитъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуществленію намѣчаемой задачи при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“. „Въ связи съ симъ—говорится далѣе въ рескриптѣ—слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности“. Такимъ образомъ, въ виду имѣлось не буквальное, а условное укрѣпленіе крестьянскаго замлевладѣнія,—укрѣпленіе, если можно такъ выразиться, отрицательное. Въ положительной же формѣ задача особаго совѣщанія сводилась къ укрѣпленію не крестьянскаго, а „частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“. Въ этомъ смыслѣ порученные совѣщанію вопросы представлялись, конечно, отнюдь не праздными, особенно въ виду тѣхъ фактовъ, которые изложены мною на предыдущихъ страницахъ...

Изъ сказаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что новое направленіе, какое правительство дало крестьянскому вопросу, ни въ коемъ случаѣ нельзя было разсматривать, какъ уступку общественному мнѣнію и, тѣмъ болѣе, народнымъ желаніямъ. Скорѣе наоборотъ: взято назадъ даже то, что было обѣщано. Такъ, упоминавшаяся въ указѣ 12 декабря, задача обезпеченія за крестьянами „положенія полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“, съ передачей дѣлъ „въ надлежащія вѣдомства“, должна была исчезнуть, ибо, насколько извѣстно, ни одно изъ вѣдомствъ этимъ не озабочено. Съ другой стороны, обойденная въ томъ же

указѣ молчаніемъ, аграрная проблема получила направленіе радикально-противоположное той постановкѣ, какую дало ей крестьянское движеніе. Явному стремленію крестьянскаго населенія сдѣлаться обладателемъ всѣхъ земель—правительство противопоставило твердое намѣреніе оградить частное землевладѣніе отъ всякихъ на него посягательствъ. „На що ціи паны?"—спрашивали волнующіеся крестьяне. „Частная собственность неприкосновенна"—отвѣчало правительство.

Не трудно, конечно, понять, почему именно въ данномъ вопросѣ правительство проявило такую твердость. Всякая уступка въ сферѣ аграрныхъ отношеній можетъ быть сдѣлана лишь за счетъ правящаго слоя, какимъ въ россійскомъ государствѣ является дворянско-землевладѣльческій классъ. Въ рабочемъ, напримѣръ, вопросѣ однородныя уступки могутъ быть сдѣланы за счетъ, такъ сказать, „третьихъ лицъ",—за счетъ фабрикантовъ и заводчиковъ, которые непосредственнаго участія во власти не имѣютъ. Этимъ, конечно, и объясняется возможность такихъ, напримѣръ, явленій, какъ „зубатовщина", вся суть которой—во всевозможныхъ ея видахъ— и заключается въ томъ, чтобы экономическими (дѣйствительными или кажущимися) уступками за чужой счетъ предотвратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить требованія политическихъ правъ, какія безъ этого могутъ быть предъявлены къ правительству. Въ аграрномъ же вопросѣ „зубатовщина" не возможна, ибо третьихъ лицъ не имѣется...

Вопросъ о мѣрахъ къ охраненію частнаго землевладѣнія для русской бюрократіи далеко не новый, и въ жизни можно было бы указать не мало уже порожденныхъ ею и до сихъ поръ „непогребенныхъ мертвецовъ", въ родѣ кредитныхъ мѣръ и льготъ или всякаго рода мѣръ и проектовъ по насажденію частнаго землевладѣнія въ Сибири. Но въ настоящій разъ правительству пришлось считаться съ исключительными обстоятельствами, ибо ограждать частное землевладѣніе приходилось не отъ медленныхъ теченій экономической эволюціи, а отъ бурнаго потока всякихъ посягательствъ. Нужны были мѣры особаго рода, нужно было дѣйствовать, какъ и указано въ рескриптѣ, на „народное сознаніе"... Для этого есть, конечно, прямой путь—непосредственное обращеніе къ уму и сердцу крестьянина. И онъ, дѣйствительно, не былъ упущенъ изъ виду правительствомъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предложилъ губернаторамъ „разъяснить“ населенію, какъ „безмѣрно преступны крестьяне, производящіе безпорядки въ нынѣшнюю тяжелую годину, когда государство напрягаетъ всѣ силы, чтобы отразить упорнаго внѣшняго врага“.

„Конечно, нарушителей порядка—говорилось, между прочимъ, въ циркулярѣ—среди крестьянъ немного. Громадное большинство сельскаго населенія не вѣритъ обманнымъ рѣчамъ злонамѣренныхъ личностей, хорошо понимая, что нельзя составить себѣ состояніе посредствомъ грабежа и насилія. Населеніе это, кромѣ того, памятуетъ постоянныя заботы о немъ русскихъ государей. Дѣйствительное улучшеніе земельнаго быта крестьянъ составляетъ главную задачу правительства. Такъ, даже нынѣ, не взирая на переживаемую Россіей тяжелую войну, государь императоръ приказалъ особо избраннымъ имъ лицамъ, подъ руководствомъ опытнѣйшаго въ крестьянскомъ дѣлѣ члена государственнаго совѣта д. т. с. Горемыкина, возможно скорѣе установить тѣ мѣры, которыя необходимы для улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ... Каждому, затѣмъ, понятно,—говорилось далѣе,—что успѣшное исполненіе мѣропріятій, указанныхъ его императорскимъ величествомъ на пользу земледѣльческаго крестьянства, возможно только при полномъ спокойствіи въ сельскихъ мѣстностяхъ. Нельзя одновременно заниматься устройствомъ земельнаго быта крестьянъ и водворять нарушенный ими же порядокъ“.

Эти разъясненія заканчивались призывомъ, обращеннымъ къ крестьянамъ, чтобы они, „для собственной своей пользы, соединились въ дружномъ содѣйствіи правительству и сами охраняли порядокъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“. *).

Около этого же времени „неутомимый работникъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія“, какъ его назвали „Московскія Вѣдомости, извѣстный генералъ Богдановичъ выпустилъ листокъ, озаглавленный: „Новый змій-искуситель и его злодѣйское дѣло“. На листкѣ помѣщены двѣ картинки и напечатано соотвѣтствующее къ нимъ разъясненіе.

На одной изъ картинокъ изображена благоустроенная помѣщичья усадьба.

Взгляни, добрый человѣкъ,—говорится въ листкѣ,—на эту усадьбу. Вѣдь глазъ не нарадуется, смотря на этотъ человѣческій муравейникъ, гдѣ всякій трудится у своего дѣла, гдѣ всѣ живутъ по-Божьи и довольны скромною своей долей. Вонъ баринъ-хозяинъ слѣзаетъ съ лошадки. Онъ сейчасъ вотъ

*) „Сынъ Отечества“, 26 апрѣля.

только-только вернулся съ поля, куда выѣхалъ чуть свѣтъ, чтобы своимъ глазомъ осмотрѣть колосящіеся хлѣба. А тутъ вотъ барыня-хозяйка выходитъ изъ птичника, гдѣ хлопотала съ курочками-крикушками, что яйца несутъ сотнями и цыплятъ выводятъ десятками. А вотъ здѣсь и взрослая дочь барина, краса-дѣвушка, выслушиваетъ бабъ деревенскихъ съ дѣточками, что пришли къ ней полѣчиться... А вотъ тамъ подальше, тамъ, на гумнѣ, работаютъ весело люди. То—крестьяне изъ сосѣдняго села, что видно вдали. Они споконъ-вѣка, изъ поколѣнія въ поколѣніе живутъ душа въ душу съ бариномъ-сосѣдомъ и около него кормятся... И всѣ тутъ, и хозяева и работники, и мужчины и женщины, всѣ покойны, живутъ—не тужатъ, кормятся отъ своихъ трудовъ праведныхъ, Бога не забываютъ, царю служатъ, кто чѣмъ можетъ, а царь о всѣхъ печется, радуясь миру и порядку въ своей русской землѣ...

На картинку, дѣйствительно, можно заглядѣться, особенно въ связи съ данными къ ней разъясненіями... Лошадки, курочки... да и какія еще курочки!—„яйца несутъ сотнями“. Барышня-красавица... и вѣдь „ужъ добрыхъ два часа она съ ними (съ бабами-то) возжается“. Главное же, какъ „весело работаютъ люди!“ Но замѣчательнѣе, конечно, всего, какъ дружно и бодро они молотятъ хлѣбъ, который еще колосится въ полѣ...

На другой картинкѣ изображена та же помѣщичья усадьба, но уже разрушенная, „крамольнымъ бунтомъ“. Къ ней тоже дано соотвѣтствующее разъясненіе.

А теперь, добрый человѣкъ, посмотри ты вотъ на эту скорбную ужасную картину жестокаго раззоренія и человѣческой печали. Смотри, вѣдь это та же самая усадьба, что и слѣва; но отъ веселенькаго красиваго домика остались лишь черныя обгорѣлыя балки. Хозяйственныхъ строеній, что тѣсно ютились вокругъ, какъ не бывало. И пусто среди этихъ грустныхъ развалинъ, потому что и жить-то тутъ некому! Добрая хлопотунья барыня-хозяйка Богу душу отдала, баринъ-хозяинъ спалилъ себѣ очи на пожарѣ и ослѣпъ, а красавица-дочь, вотъ видишь, у той церковки, вдали у села, молится на погостѣ у могилы матери... Но что это за люди сидятъ тутъ, пригорюнившись, сбоку? Истощенныя лица ихъ скорбны, одежда ихъ убогая и въ лохмотьяхъ, такъ и чувствуешь, что они еле-еле могутъ двигаться, до того они истощены или отъ голода, или болѣзнью, или отъ чего другого пришиблены. Что же это за люди такіе? А это—видишь, добрый человѣкъ,—тѣ же самые крестьяне изъ сосѣдняго села, что слѣва такъ весело и дружно работали на гумнѣ...

Въ листкѣ, далѣе, подробно объяснено, какъ добился такого результата, „змій-искуситель“, „волкъ въ овечьей шкурѣ, одинъ изъ тѣхъ нехристей что подослали враги государства нашего, дабы смутить людъ православный“.

Съ „разъясненіями“ къ крестьянамъ дважды обращался и предсѣдатель особаго совѣщанія д. т. с. Горемыкинъ, при чемъ обѣщалъ, что осенью будутъ вызваны выборные отъ крестьянъ представители. Путь непосредственнаго обращенія къ народному сознанію, былъ, такимъ образомъ, правительствомъ использованъ. Но средство это оказалось малодѣйствительнымъ. Правда, „Московскія Вѣдомости“ полагали, что мысли г. Богдановича „появляются какъ нельзя болѣе своевременно и окажутъ правительству несомнѣнную пользу въ предпринятыхъ имъ мѣрахъ къ успокоенію крестьянскаго населенія“. „Желательно,—говорила газета,—самое широкое распространеніе этихъ картинъ во всѣхъ деревняхъ и селахъ Россіи... Этимъ будутъ спасены отъ раззорительнаго погрома сотни помѣщичьихъ усадебъ, владѣтели которыхъ обязаны будутъ этимъ спасеніемъ Евгенію Васильевичу Богдановичу, который своими прекрасными изданіями уже сдѣлалъ столько добра русскому народу“. Сами владѣльцы, однако, повидимому, не очень раздѣляли эти оптимистическія надежды. Да и бюрократіи, какъ видно изъ приведеннаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, очевидно, не чуждо было сознаніе, что кромѣ разъясненій и обѣщаній, необходимы еще какія-либо мѣры, „скорыя“ мѣры „для улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ“, иначе всѣ увѣщанія могутъ остаться безплодными. Но изыскать такія мѣры, „при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія“ было не легко.

Послѣ нѣкотораго, какъ бы, раздумья, продолжавшагося со дня учрежденія особаго совѣщанія болѣе мѣсяца, была произведена, наконецъ, органическая реформа и при томъ, можетъ быть, самая радикальная, на какую только способна бюрократія. 6 мая, „въ видахъ успѣшнаго исполненія предуказанной особому совѣщанію задачи, требующей, независимо отъ законодательныхъ мѣропріятій, обширной и постоянной распорядительной дѣятельности въ порядкѣ управленія“ былъ учрежденъ особый комитетъ по земельнымъ дѣламъ, а министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было преобразовано въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія, при чемъ измѣнены предѣлы вѣдомства и нѣкоторыхъ другихъ министерствъ. Произошло это опять-таки совершенно неожиданно, такъ что многіе даже высокопоставленные сановники и въ частности министръ земледѣлія, какъ утверждаютъ газеты, узнали о состоявшихся преобразованіяхъ только изъ газетъ. Что

касается остальныхъ чиновниковъ упраздненнаго министерства, то они долго не могли разобраться, кто изъ нихъ въ какомъ вѣдомствѣ находится. Насколько поспѣшно была произведена реформа, видно уже изъ того, что государственныя имущества были забыты и ни къ какому вѣдомству не причислены. Понадобился особый указъ, состоявшійся лишь 6 іюня, коимъ были разрѣшены, наконецъ, всѣ эти недоумѣнія: всѣ учрежденія и чины министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ высочайше повелѣно переименовать въ учрежденія и чины главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, сохранивъ всѣ дѣйствующіе инструкціи, штаты и оклады. Такимъ образомъ, произведенная съ невиданною поспѣшностью реформа ограничилась въ сущности простымъ переименованіемъ.

Какъ бы то ни было, не только для „законодательныхъ мѣропріятій“, но и для „обширной и постоянной распорядительной дѣятельности“ по земельнымъ дѣламъ—въ лицѣ особаго совѣщаніи, особаго комитета и главнаго управленія—теперь уже имѣлись всѣ необходимые органы, съ присвоенными имъ штатами и окладами. Дѣло оставалось только за мѣрами. Къ изысканію ихъ и приступило особое совѣщаніе. Закипѣла лихорадочная работа, начались чуть не ежедневныя засѣданія. Изъ архивовъ были вынуты всѣ дѣла, трактовавшія о мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго положенія. На сценѣ появились: крестьянскій банкъ, размежеваніе, кустарные промыслы, техническія улучшенія и тому подобные, много уже разъ обсуждавшіеся бюрократіей вопросы. Стряхнувъ пыль съ производившихся въ разное время дѣлъ, особое совѣщаніе на томъ и кончило свои изысканія. Утомленные сановники разъѣхались на вакаціи.

Между тѣмъ въ крестьянскомъ движеніи наступило какъ бы затишье, и возвратившіеся къ осени изъ заграничныхъ курортовъ сановники, повидимому, полагали, что ихъ лѣтними трудами аграрный вопросъ окончательно и безповоротно приведенъ къ благополучному концу. Насколько далеко въ это время правительство было отъ всякихъ заботъ о крестьянахъ, видно уже изъ того, что въ манифестѣ 17 октября ихъ требованія были вовсе обойдены. Дѣлая уступку городу, правительство, повидимому, опять забыло про деревню.

На этотъ разъ однако крестьяне напомнили о себѣ еще

быстрѣе и энергичнѣе. Въ 20-хъ числахъ октября вспыхнули съ невиданною еще силою аграрные безпорядки въ Саратовской, Тамбовской и Черниговской губерніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они приняли форму открытаго возстанія. Быстро распространяясь они черезъ 2—3 недѣли охватили уже громадную часть Россіи. Въ то же время во многихъ мѣстностяхъ, по виду оставшихся еще спокойными, начался массовый отказъ отъ платежа податей. Правительство опять занервничало. 3 ноября столь же неожиданно, какъ и всѣ предыдущія мѣры, послѣдовалъ манифестъ о сложеніи выкупныхъ платежей.

Но и эту мѣру, которая въ свое время могла бы произвести громадное впечатлѣніе, бюрократія не сумѣла провести, какъ слѣдуетъ. Запоздавъ съ нею, она надумала еще поторговаться съ крестьянами. Вмѣсто того, чтобы сложить немедленно всѣ платежи со всѣми недоимками, она прибѣгла къ своему излюбленному пріему: „въ разсрочку“. Одна половина выкупныхъ платежей по манифесту должна быть сложена въ 1906 г., другая—лишь въ 1907 году. Впечатлѣніе отъ манифеста было тѣмъ меньше, что на главное требованіе крестьянъ—на требованіе земли—у бюрократіи не нашлось другого отвѣта, кромѣ крестьянскаго банка.

Есть, однако, и еще одинъ путь къ народному сознанію, и имъ правительство широко все время пользовалось и пользуется въ борьбѣ съ крестьянскими безпорядками. Я имѣю въ виду репрессіи,—въ сущности единственное вполнѣ доступное для полицейскаго государства средство воздѣйствія на народную психику. На нихъ самодержавное правительство и возложило главныя свои надежды. Насильственный характеръ крестьянскаго движенія не только позволялъ, но и какъ бы обязывалъ правительство на силу отвѣчать силой. Въ правительственныхъ актахъ такой взглядъ на задачи государственной власти излагался уже неоднократно. „Злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ—читаемъ мы, напримѣръ, въ указѣ 10 апрѣля—не можетъ быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна, и сохраненіе ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ насилія, составляетъ первѣйшую обязанность правительства и необходимое условіе мирнаго и спокойнаго преуспѣянія общественной жизни“.

Подавить безпорядки—такова задача, которую съ самаго начала поставило себѣ правительство. При первомъ же извѣстіи о

вспышкѣ и даже только о броженіи среди крестьянъ, прежде всего, отправлялись войска. Читая телеграммы: „въ такой-то уѣздъ отправлены двѣ сотни казаковъ“, „въ такой-то—баталіонъ пѣхоты“,— мы уже знали, что, стало быть, произошли или ожидаются крестьянскіе безпорядки. Спросъ на воинскія части для подавленія безпорядковъ настолько усилился, что для удовлетворенія этой потребности нѣсколько разъ производилась спеціальная мобилизація и сформировано много новыхъ казачьихъ полковъ. Мѣстныя власти прибѣгали къ содѣйствію воинской силы и въ тѣхъ случаяхъ, когда не было не только „насилія“, но и „незаконнаго посягательства“. Такъ нерѣдко войска высылались, напримѣръ, при стачкахъ, которыя сама администрація называла „мирными“. „Первѣйшая обязанность“, какою правительство, какъ мы видѣли, считаетъ охраненіе частной собственности, настолько твердо усвоена агентами власти, что они готовы были скорѣе пересолить въ этомъ случаѣ, чѣмъ оказаться непредусмотрительными или неисправными. И нужно сказать, что въ этомъ направленіи давно уже утеряна всякая перспектива. Исторія крестьянскаго движенія заключаетъ безчисленное число прискорбныхъ фактовъ, когда на алтарь *имущества* приносились въ жертву *люди*. Неприкосновенность частной собственности настолько усердно подчеркивалась все время правительствомъ, что неприкосновенность человѣческой личности, и безъ того не пользовавшуюся престижемъ, приходится считать по отношенію къ крестьянамъ какъ бы вовсе аннулированной...

Съ самаго начала перспектива была потеряна и въ другомъ направленіи. Призываемыя для водворенія порядка, войска сами нерѣдко являлись источникомъ новыхъ безпорядковъ, новыхъ посягательствъ и на личность, и на имущество. Въ особенности это необходимо сказать про казачьи части, которыя считаются наиболѣе подходящимъ родомъ оружія для усмиреній, какъ въ виду ихъ большой подвижности, такъ и въ виду неизмѣнной готовности расправиться самымъ энергичнымъ образомъ съ бунтовщиками. Поощряемая готовность переходила всякіе предѣлы. На страстной недѣлѣ—какъ сообщили въ свое время „Кіевскіе Отклики“—стоявшіе въ Ромнахъ казаки были распущены по селамъ для „прелиминарной реквизиціи“. Казаки шатались по Красному, Колядину, а также другимъ селеніямъ и довольно настойчиво требовали яицъ, колбасъ, денегъ. Въ день самой Пасхи въ сел. Тирз-

ники (Горійскаго уѣзда) разыгралась другая еще болѣе печальная исторія.

„Въ эту деревню было послано полъ-сотни казаковъ, которые и прибыли въ первый день Пасхи. Казаки подвыпили и пошли грабить жителей и дома. Одинъ 20-лѣтній крестьянинъ сталъ на порогѣ дверей своего дома и отказался впустить казаковъ, но сію же минуту палъ пронизанный пулями. Мѣсто его занялъ младшій братъ (16 лѣтъ), но онъ также былъ убитъ. Престарѣлаго же отца убитыхъ избили до полусмерти. Потомъ пошли гулять по всей деревнѣ и въ результатѣ 7 убитыхъ и 10 раненыхъ. По этому же поводу „Иверіи“ сообщаютъ, что главною причиною битвы послужили женщины, которыя не пошли въ церковь, а остались дома. Казаки и хотѣли воспользоваться отсутствіемъ мужчинъ, но мужчины выбѣжали изъ церкви и заступились за своихъ дочерей и женъ“ *).

Власти настолько уже увлечены выполненіемъ своей „первѣйшей обязанности“, что имъ трудно и замѣтить, когда она переходитъ въ свое отрицаніе.

Кромѣ подавленія безпорядковъ, видное мѣсто въ борьбѣ съ ними заняли розыскъ зачинщиковъ и наказаніе виновныхъ. Придавая этимъ мѣрамъ профилактическое значеніе, правительство удѣляло имъ не меньше вниманія, чѣмъ и „усмиреніямъ“. При этомъ опять-таки терялась всякая перспектива. Такъ, напримѣръ, въ началѣ марта смоленскій губернаторъ

„обратился циркулярно ко всѣмъ земскимъ начальникамъ, съ предложеніемъ объѣхать немедленно свои участки съ цѣлью ознакомленія съ настроеніемъ крестьянъ и отношеніемъ ихъ къ текущимъ событіямъ... Въ циркулярномъ предложеніи губернатора давались и подробныя инструкціи, какъ производить это „ознакомленіе“, при чемъ отнюдь не рекомендовалось это дѣлать открыто путемъ опроса отдѣльныхъ крестьянскихъ группъ или бесѣдъ на сходахъ „во избѣжаніе превратныхъ толкованій“, а предполагался другой, болѣе осторожный путь: собирать свѣдѣнія о крестьянскомъ современномъ настроеніи чрезъ лицъ, пользующихся „особымъ уваженіемъ и довѣріемъ“, при чемъ, обнаруживая, такимъ образомъ, подстрекателей и агитаторовъ, предъявлять ихъ полиціи“ **).

Однородное распоряженіе было сдѣлано въ то же время и по Владимірской губерніи ***), при чемъ тамъ оно было поставлено въ связь съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, изъ чего

*) „Сынъ Отечества“, 8 мая.
**) „Русскія Вѣдомости“, 22 мая.
***) „Сынъ Отечества“, 6 апрѣля; „Русскія Вѣдомости“, 28 апрѣля.

можно заключить, что эта мѣра была общей для всей Россіи. Огласка же, какую получила она въ названныхъ губерніяхъ, всецѣло объясняется тѣмъ, что въ нихъ нашлись единичные земскіе начальники (г. Кишкинъ во Владимірской и г. Рустицкій въ Смоленской губ.), которые рѣшились протестовать противъ унизительныхъ и непредусмотрѣнныхъ въ законѣ обязанностей, неизбѣжно подрывающихъ при томъ престижъ близкой къ народу власти и вызывающихъ враждебное отношеніе къ ней населенія. Вообще же эти обязанности такого рода, что о нихъ люди даже не проговариваются. Вполнѣ, поэтому, возможно, что и другіе представители свѣтской и духовной власти были превращены въ органы сыска. Извѣстны такъ же попытки привлечь къ этому дѣлу и добровольцевъ. Такъ новосильскій предводитель дворянства обратился ко всѣмъ землевладѣльцамъ уѣзда съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Какъ вамъ извѣстно изъ газетъ—писалъ онъ—въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской, Курской и Воронежской губерній, крестьяне производили нападенія на экономіи г.г. дворянъ и частныхъ владѣльцевъ. Въ виду того, что препятствовать подобному злу можно только въ томъ случаѣ, если полиція будетъ освѣдомлена заблаговременно о разныхъ случаяхъ, которые всегда предшествовали подобному явленію въ народѣ, убѣдительно прошу васъ сообщать полиціи неотлагательно о всякихъ подобныхъ случаяхъ, дабы она могла своевременно производить дознаніе и принимать соотвѣтствующія мѣры. Только при вашей помощи для своевременнаго предупрежденія, полиція будетъ способна принимать мѣры и не дать развиться злу".

Съ другой стороны, къ дѣлу розыска зачинщиковъ нерѣдко привлекались войска. Такъ, движеніе генерала Алиханова съ войсками въ Гурію имѣло главною своею цѣлью захватъ „агитаторовъ". При этомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, практиковались крайне своеобразные пріемы.

„Въ первыхъ числахъ апрѣля,—сообщаютъ подцензурной грузинской газетѣ „Иверіа",—помощникъ тіонетскаго уѣзднаго начальника и мировой посредникъ лично объявили крестьянамъ долины Эрно, что они могутъ собраться, потолковать о своихъ нуждахъ и представить таковыя начальству. 4-го апрѣля 300—400 человѣкъ крестьянъ собрались въ село Толатъ-Сопели, совершенно не подозрѣвая, что въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда скрываются приставъ и казаки въ ожиданіи извѣстія, что въ такомъ-то мѣстѣ крестьяне бунтуютъ. Назначенные для этого развѣдчики дали объ этомъ знать приставу и добавили, что между крестьянами находятся рабочіе-агитаторы. Крестьяне увидѣли приближающихся казаковъ, но не разошлись, такъ какъ сходка была

разрѣшена. Приставъ приблизился и на русскомъ языкѣ отдалъ краткій приказъ разойтись. Грузины-крестьяне въ большинствѣ ничего не поняли и стояли въ ожиданіи передачи своихъ требованій. Спустя минуту приставъ отдаетъ распоряженіе разогнать толпу. Казачій офицеръ первый бросается верхомъ въ толпу, за нимъ слѣдуютъ казаки и начинается давка. Одинъ крестьянинъ, обороняясь, задѣлъ палкой офицера, который сперва отдаетъ приказъ отступить, потомъ выстраиваетъ отрядъ въ лаву и, крикнувъ—„шапки на-голо!“, летитъ карьеромъ на убѣгающую безоружную толпу. Казаки за нимъ. И на полѣ битвы остается пять убитыхъ и десять раненыхъ, изъ которыхъ двое безнадежно. На второй день явился уѣздный начальникъ Леонтьевъ съ ротой пѣхоты и полъ-сотней казаковъ, собралъ сходъ, оцѣпилъ солдатами, съ 11 час. утра до поздняго вечера держалъ ихъ и обѣщалъ не выпускать и изморозить ихъ, если они не выдадутъ агитаторовъ. Вечеромъ агитаторы явились сами и были задержаны“.

Въ Курской, Орловской и Черниговской губерніяхъ для той же цѣли, какъ я уже упоминалъ, были пущены въ ходъ розги. „На заявленіе крестьянъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены закономъ, никакого вниманія,—пишетъ г-жа Линтварева,—обращено не было *).

Наконецъ, въ тѣхъ же цѣляхъ розыска и наказанія виновныхъ,—или, какъ сказано въ высочайшемъ указѣ,—„въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія, какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности“,—были предприняты и въ порядкѣ верховнаго управленія экстраординарныя мѣры. Министру внутреннихъ дѣлъ, указомъ 10 апрѣля, предоставлено учреждать въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя коммиссіи съ участіемъ должностныхъ лицъ и земскихъ гласныхъ: во-первыхъ, для выясненія лицъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, и во-вторыхъ, „для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все, безъ изъятія, движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи“. Послѣдняя задача была формулирована въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя даже сказать, кого предлагалось привлекать къ имущественной отвѣтственности:

*) „Русскія Вѣдомости“, 10 мая.

отдѣльныхъ ли крестьянъ или цѣлыя сельскія общества, члены которыхъ принимали участіе въ скопищахъ. Какъ ни противорѣчатъ современному правосознанію наказанія, подобныя „дикой вирѣ“, однако и они возможны,—тѣмъ болѣе, что, по иниціативѣ покойнаго В. К. Плеве, уже былъ сдѣланъ опытъ возвращенія къ правовымъ порядкамъ временъ Ярослава Мудраго и даже болѣе раннимъ. Имущественная отвѣтственность за полтавскіе безпорядки 1902 г. какъ извѣстно, была возложена не на отдѣльныхъ лицъ, а на цѣлыя общества. Во всякомъ случаѣ, даже при ограничительномъ толкованіи указа 10 апрѣля, имущественную отвѣтственность должны нести не только тѣ, которые непосредственно участвовали въ грабежахъ и разгромахъ, но и всѣ тѣ, которые принимали участіе въ „скопищахъ“. Съ обращеніемъ же взысканія „на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество“, такая мѣра должна была повести полному раззоренію массы семей.

Не трудно, такимъ образомъ, видѣть, что и въ данномъ отношеніи „первѣйшая обязанность“ не только совершенно заслонила всѣ остальныя обязанности государственной власти, но и доразвилась уже въ первый періодъ движенія до самоотрицанія. Профилактическія средства, которыми такъ широко пользовалось правительство, въ дѣйствительности, представляли не что иное, какъ болѣзнетворныя начала. „Законный порядокъ“ возстановлялся незаконными средствами. Для того, чтобы поддержать поколебавшееся уваженіе къ власти, еще болѣе подрывали престижъ ея. Желая умиротворить населеніе, сѣяли рознь и недовѣріе между сосѣдями. Движеніе, порожденное нищетой, думали предупредить раззореніемъ...

Главное же, увлекшись розыскомъ зачинщиковъ и агитаторовъ, власти все время обнаруживали склонность въ нихъ однихъ видѣть основную и даже единственную причину всѣхъ безпорядковъ. Заарестовавъ зачинщиковъ, они успокоивались, считая свое дѣло сдѣланнымъ, населеніе—умиротвореннымъ. Но еще Диккенсъ, со свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ, уподобилъ такія власти человѣку, который, желая отдалить минуту смерти и задержать для этого быстро бѣгущее время, разорвалъ бы календарь и уничтожилъ бы всѣ имѣющіеся въ домѣ часовые механизмы. Зачинщики и агитаторы, если на ихъ зовъ откликаются

массы.—это только часы, даже только стрѣлки, показывающія, что время уже приспѣло. И если бы всѣ они были выловлены и отправлены въ ссылку, въ тюрьмы или на висѣлицу, то и въ такомъ случаѣ исторія не остановила бы своего хода.

Правда, власти не разъ уже объявляли тѣ или иныя мѣстности успокоенными и окончательно замиренными. Иначе, однако, относилось къ этому спокойствію само населеніе. „Волненія—писали „Сыну Отечества“ изъ Двинскаго уѣзда—утихли, но, какъ передаютъ сами крестьне, едва ли совсѣмъ. Въ окончательное успокоеніе крестьянъ не вѣрятъ и помѣщики, которые ѣдутъ въ городъ“. „Не вѣчно же будутъ стоять солдаты“—говорили крестьяне въ другомъ мѣстѣ, когда ихъ спрашивали насчетъ будущаго. „Если къ осени не будетъ какой-нибудь перемѣны—говорили крестьяне въ Тамбовской губерніи—тогда крышка и намъ и господамъ: все равно погибать!“ *) „Düna Zeitung“ передавала въ свое время далеко не безынтересный въ этомъ отношеніи эпизодъ изъ подавленнаго весной и вновь возобновившагося лѣтомъ движенія въ прибалтійскомъ краѣ.

„Въ лѣсу одинъ изъ роненбургскихъ крестьянъ,—разсказывала газета, описывая одну изъ демонстрацій,—держалъ антиправительственную и антинѣмецкую рѣчь. Онъ совѣтовалъ хозяевамъ усадебъ не платить болѣе долговъ владѣльцамъ имѣній, а рабочимъ требовать 300 рублей платы въ годъ и работницамъ 200 рублей. По окончаніи рѣчи приступили къ собиранію денегъ въ пользу революціи, при чемъ ораторъ увѣрялъ, что къ осени всѣ три губерніи прибалтійскаго края будутъ находиться въ революціонномъ положеніи. Слова эти были встрѣчены громкимъ ура“ **).

Послѣдующія событія показали, что это были не пустыя угрозы...

На новую—осеннюю—вспышку крестьянскаго движенія правительство отвѣтило еще болѣе жестокими, прямо неслыханными, репрессіями. Для усмиренія крестьянъ были командированы генералъ-адъютанты съ неограниченными полномочіями. Для характеристики того, что творилось въ это время въ охваченныхъ волненіями мѣстностяхъ, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ корреспонденціи г. Студенецкаго, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ отъ 16 ноября.

---

*) „Сынъ Отечества“, 16 ноября.

**) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 4 іюня.

Изъ телеграммы, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 8 ноября читатели уже знаютъ, какое напутствіе далъ г. Богдановичъ борисоглѣбскому исправнику Ламанскому. Его слова: „меньше арестовывайте, больше стрѣляйте“, по своей жестокости и цинизму могутъ сравниться только съ знаменитымъ треповскимъ приказомъ: „патроновъ не жалѣть“. И эти слова были сказаны не конфиденціально, а во всеуслышаніе. Они были произнесены въ присутствіи депутаціи отъ борисоглѣбскаго биржевого общества, которая и довела ихъ до свѣдѣнія общества въ публичномъ засѣданіи 7 ноября. Значитъ,—это не слухъ, а фактъ, неопровержимый фактъ!

Въ своемъ подчиненномъ г. Богдановичъ нашелъ вѣрнаго исполнителя своихъ предначертаній. Исправникъ Ламанскій немедленно отдалъ приказъ становымъ приставамъ: „Убѣжденія оставьте, дѣйствуйте огнемъ. *Чѣмъ больше у васъ будетъ убитыхъ, тѣмъ больше у васъ заслугъ передъ начальствомъ.* Оставьте по себѣ впечатлѣніе! И вѣрные слуги, въ чаяніи награды, начали усердствовать...

Что творилось эту недѣлю въ уѣздѣ, врядъ ли сможетъ себѣ представить читатель...

Крестьяне были отданы въ полное и безграничное распоряженіе озвѣрѣлой полиціи, солдатъ и казаковъ. Всѣ законы были уничтожены. Манифестъ 17 октября, казалось, былъ изданъ гдѣ-то на другой планетѣ. „Дѣйствительная неприкосновенность личности“ звучала здѣсь самой убійственной ироніей... Въ воздухѣ царилъ только одинъ кличъ: „бить!“.

И люди-звѣри били, истязали, убивали. Били плетьми (многихъ — въ 6 плетей!!!), сѣкли розгами, нагайками съ вплетенными проволоками и свинцовыми наконечниками, увѣчили ружейными прикладами, резиновыми хлыстами.

Били взрослыхъ, били подростковъ, *женщинъ* и стариковъ. Засѣкали всѣхъ до безчувствія, многихъ до смерти. Въ селѣ Александровкѣ были переполоты всѣ домохозяева, начиная съ крайняго двора. И это только за одну *попытку* свезти хлѣбъ у сосѣдняго помѣщика! Старосту этого села, который телеграммой просилъ у губернатора (!) защиты противъ казацкой орды, г. Богдановичъ приказалъ арестовать; теперь его пытаютъ, кто его научилъ послать телеграмму.

И все это дѣлалось не при нападеніи крестьянъ на усадьбы помѣщиковъ, а послѣ, когда, по указанію полиціи, помѣщиковъ и міроѣдовъ заподозрѣнныхъ въ „грабежѣ“ крестьянъ выхватывали по одиночкѣ изъ избъ и, не смотря на отсутствіе уликъ, предавали звѣрскому истязанію. Въ селѣ Павлодарѣ замучено такимъ образомъ до смерти 7 крестьянъ, въ селѣ Алешкахъ—5, въ с. Липягахъ—9. Это—все достовѣрныя, основанныя на показаніяхъ очевидцевъ, свѣдѣнія. Зловѣщіе слухи называютъ еще многія другія села, обагренныя кровью убитыхъ, называютъ десятки и даже сотни замученныхъ...

Въ селѣ Алешкахъ крестьянъ истязали въ присутствіи самого исправника Ламанскаго. Истязуемымъ внушалось, что они „предаются тѣлесной казни по указу Его Императорскаго Величества Государя Императора“.

Истязали не только крестьянъ, не только заподозрѣнныхъ, въ „грабежѣ“

но и всѣхъ, въ комъ истязатели не встрѣчали или не предполагали себѣ сочувствія. Въ томъ же селѣ Алешкахъ былъ схваченъ и подвергнутъ экзекуціи случайно проходившій мимо волостного правленія, гдѣ производилась порка, жел.-дор. машинистъ г. Апол. Полянинъ-Подболотовъ. При видѣ порки г. Подболотовъ позволилъ себѣ напомнить, что „тѣлесныя наказанія отмѣнены еще въ прошломъ году Высочайшимъ манифестомъ". Отвѣтомъ на его замѣчаніе былъ приказъ Ламанскаго: „Показать ему, отмѣнены ли тѣлесныя наказанія или нѣтъ". И несчастнаго заступника подвергли тутъ же самому безпощадному истязанію. Ему было нанесено 150 ударовъ резиновымъ хлыстомъ! Полубезчувственнаго его взвалили на телѣгу и повезли на станцію Мучканъ (за 50 верстъ отъ с. Алешекъ). Дорогою его опять принялись бить,—и онъ скончался, не доѣхавъ до Мучкана...

Если такія звѣрства творились съ вѣдома и по приказанію исправника Ламанскаго, то можно себѣ представить, что творилось въ тѣхъ селахъ, гдѣ разнузданная полицейская и казацкая орда была предоставлена сама себѣ! Въ селѣ Павлодаръ казаки врывались въ избы и вытаскивали всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые раньше были на примѣтѣ у полиціи, какъ наиболѣе развитые. Несчастные спасались, гдѣ кто могъ. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Павелъ Зайцевъ, пытался скрыться на чердакѣ земскаго училища. Тамъ его все-таки нашли и, вытащивъ наружу, стали бить прикладами и плетьми. Когда онъ захрипѣлъ, мучители сказали: „Собакѣ—собачья смерть!" и выстрѣломъ изъ ружья прикончили его...

Злодѣйства подчиненныхъ не оставались незамѣченными ихъ начальствомъ. *Каждому изъ участниковъ выдано въ награду 5 рублей, не считая угощенія водкой; убійцамъ же пожалована двойная награда*: деньги и повышеніе по службѣ. Рядовые производились въ унтеръ-офицеры, младшіе унтеръ-офицеры производились въ старшіе...

Такой же характеръ усмиреніе носило и въ другихъ мѣстностяхъ. Творились, хотя это трудно себѣ представить, и болѣе жестокія вещи. Въ газетахъ былъ оглашенъ, напримѣръ, цѣлый рядъ фактовъ, когда войска разстрѣливали крестьянъ, созванныхъ по приказанію властей на сходъ и даже поставленныхъ ими на колѣни,—разстрѣливали за то только, что тѣ не хотѣли или не могли выдать зачинщиковъ. Звѣрства, чинившіяся въ прибалтійскомъ краѣ, не поддаются даже описанію.

На ряду съ жестокостью правительство проявило и особую изобрѣтательность: г. Дурново придумалъ, напримѣръ, донять крестьянъ голодомъ и распорядился, чтобы заподозрѣнныя въ безпорядкахъ селенія были лишены продовольственной ссуды. Курляндскій генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы въ отместку за сожженныя усадьбы войска выжигали деревни. И рядъ деревень дѣйствительно былъ выженъ...

Такъ правительство выполняло и выполняетъ свою „первѣйшую обязанность“. Охраняя „неприкосновенность собственности“, оно готово ее уничтожить. Едва ли нужны болѣе яркіе примѣры „самоотрицанія“, о которомъ я говорилъ выше.

Говоря о полицейскихъ успокоеніяхъ, нельзя не вспомнить исторіи Кавказа, который въ теченіе пятидесяти лѣтъ тоже считался замиреннымъ. Однако—по признанію, какое сдѣлала весною 1905 г. мѣстная оффиціальная газета,—„замиреніе Кавказа оказалось оптическимъ обманомъ. Дѣйствія разрушительныхъ элементовъ стали обнаруживаться давно, еще въ восьмидесятыхъ годахъ... Съ возникшимъ зломъ пробовали бороться по старой системѣ. Полицейскія мѣры, высылки, круговыя поруки, организація цѣлаго корпуса земской стражи, все это, казалось, должно было напомнить Кавказу желѣзную руку Ермолова, но неожиданными оказались результаты, къ которымъ привела система репрессалій. Кавказское движеніе на нашихъ глазахъ приняло форму всеобщаго кавказскаго пожара, и пожаръ грозитъ перейти въ революцію“ *).

Несомнѣнно такой же „оптическій обманъ“ представляетъ и замиреніе деревни.

По словамъ „Гражданина“, одинъ важный сановникъ въ мартѣ 1905 г. въ сельско-хозяйственномъ совѣщаніи сказалъ:

— Не пройдетъ года, какъ въ этой самой залѣ мы будемъ обсуждать проектъ новаго передѣла земли.

Правда, сельско-хозяйственное совѣщаніе уже упразднено, на что съ восторгомъ и указали тогда же „Московскія Вѣдомости“, перепечатывая эту реплику. Едва ли, однако, съ упраздненіемъ совѣщанія исчезла и самая возможность событій.

Напротивъ, почти всѣ знакомые съ настроеніемъ деревни считаютъ ихъ неизбѣжными. Въ успокоеніе деревни не вѣритъ теперь даже и правительство. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 декабря 1905 г. на имя губернаторовъ предусматривается *не только* возможность, но и вѣроятность массового захвата весною 1906 г. помѣщичьихъ земель крестьянами. И правительство дѣятельно готовится къ возобновленію гражданской войны послѣ перемирія, достигнутаго неслыханными репрессіями.

*) „Кавказъ.“ Цитирую по телеграммѣ въ „Руси“ отъ 5 мая.

Въ томъ же циркулярѣ губернаторамъ предложено подъ видомъ комитетовъ умиротворенія заняться открытой организаціей всѣхъ черносотенныхъ элементовъ деревни...

III. Анархическій и государственный элементы въ крестьянскомъ движеніи.

Сановникъ, о которомъ разсказываетъ „Гражданинъ“, несомнѣнно, большой оптимистъ. Онъ сказалъ: *въ этой залѣ мы* дѣлить землю будемъ, разумѣя, конечно, не себя лично, а тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые будутъ въ то время править государственными дѣлами. Предвидя, такимъ образомъ, неизбѣжность крупныхъ перемѣнъ въ аграрныхъ отношеніяхъ, названный сановникъ, очевидно, полагалъ, что реформа будетъ произведена *государствомъ*. Въ дѣйствительности, однако, обстоятельства могутъ сложиться гораздо хуже. Передѣлъ можетъ произойти или попытка передѣлить землю можетъ быть сдѣлана помимо государства, внѣ его регулирующаго и нормирующаго посредничества. Указывая на эту опасность, я имѣю въ виду не то, что государство въ лицѣ нынѣшнихъ его дѣятелей никогда не пойдетъ на подобную реформу. Нѣтъ! въ составѣ дѣятелей могутъ еще произойти большія перемѣны. Я имѣю въ виду совсѣмъ другія обстоятельства.

Крестьянское движеніе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ его формахъ, какія мы разсматривали до сихъ поръ,—а онѣ, несомнѣнно, являются преобладающими,—имѣетъ рѣзко выраженный аполитическій или—что, конечно, правильнѣе будетъ въ данномъ случаѣ,—анархическій характеръ. Государственной власти для охваченныхъ движеніемъ крестьянъ какъ бы не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, не къ ней они обращаютъ свои требованія и не при ея посредствѣ разсчитываютъ удовлетворить свои нужды. Громадные и сложные вопросы они пытаются разрѣшить исключительно—какъ ихъ назвалъ Г. И. Успенскій—„своими средствіями“.

Психологія крестьянства до извѣстной степени, конечно, понятна. Государство, не смотря на свою тысячелѣтнюю давность,

остается для крестьянина чисто внѣшнею организаціею. Его цѣли онъ не знаетъ, его нормъ не понимаетъ. Въ созданіи писанаго права, которымъ живетъ или, по крайней мѣрѣ, должно бы жить государство, ни его мысль, ни его воля не принимали участія. Да и есть ли такое право? Развѣ крестьянство не видитъ на каждомъ шагу, что воля любого начальства выше всякаго закона. „Законъ, что дышло: куда повернулъ, туда и вышло". Во всякомъ случаѣ, это право имущихъ классовъ, а не трудящихся массъ. По собственному признанію государства, какъ мы только что видѣли, охраненіе частной собственности составляетъ его „первѣйшую обязанность". „Съ богатымъ не судись"—вотъ выводъ, который далъ на этотъ счетъ народный опытъ. Крестьянству же писаный законъ навязанъ извнѣ, навязанъ силой, — и ничего, кромѣ силы, въ массѣ своей оно въ немъ не видитъ. Это не бремя удобоносимое, добровольно имъ на себя взятое; это тяжелый крестъ, взваленный на него другими. Оно безропотно его несетъ, пока можетъ; когда же становится не въ мочь, оно пытается его сбросить. Поэтому-то крестьянинъ такъ легко и дѣлается „преступникомъ"...

Силу государственной организаціи крестьяне, конечно, хорошо знаютъ. Но они уже свыклись съ тѣмъ, что эта сила *чужая*. Въ эпохи, подобныя настоящей, это особенно сильно должно чувствоваться. О томъ, что этой силой и они могутъ воспользоваться, что „дышло" можетъ оказаться въ ихъ рукахъ,—имъ, какъ будто, не приходитъ и въ голову. Во всякомъ случаѣ, они добиваются не закона, который обезпечилъ бы ихъ интересы, и не власти, которая осуществила бы ихъ право. Они, какъ мы видѣли, стараются захватить лишь реальныя блага. Говоря иначе, право, которое выработало и сохранило ихъ сознаніе, они стремятся осуществить какъ фактъ, а не какъ государственную норму.

Этотъ „анархическій" характеръ крестьянскаго движенія и представляетъ его самую опасную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую слабую сторону.

Мы видѣли, какъ трудно этому движенію удержаться въ мирныхъ формахъ. Для преобразованій въ общественныхъ отношеніяхъ, даже и менѣе радикальныхъ, чѣмъ какія составляютъ задачу аграрнаго движенія, всегда нужна сила. Такою силою обладаетъ, напримѣръ, государство, пользующееся принудительною

властью. Такою силою, можетъ быть экономическое преобладаніе надъ тѣмъ классомъ, за счетъ котораго реформируются отношенія. Такою силою, наконецъ, является, какъ напримѣръ, для городскихъ рабочихъ, ихъ сплоченность, позволяющая имъ, если не реформировать отношенія, то, по крайней мѣрѣ, отстаивать свои интересы въ рамкахъ даннаго строя. Крестьянство находится въ исключительномъ отношеніи. Принудительная власть, какъ мы видѣли, занимаетъ рѣзко отрицательную позицію по отношенію къ его правосознанію. Экономическаго преобладанія надъ тѣмъ классомъ, за счетъ котораго оно можетъ улучшить свою участь, оно не имѣетъ и даже находится въ прямой отъ него зависимости. Наконецъ, съорганизоваться въ предѣлахъ и размѣрахъ, необходимыхъ для аграрной реформы, оно не можетъ. Для этого нужно было бы сплотиться крестьянамъ и рабочимъ на всемъ необъятномъ пространствѣ имперіи, т. е. въ сущности создать новую государственную организацію. Остается, такимъ образомъ, физическая сила, „свои средствія“ — и эти средствія: разгромъ, грабежъ, поджоги, и только въ лучшемъ случаѣ—стачка съ затаенною или нескрываемою угрозою и всегда съ явною склонностью перейти въ насиліе. Для того, чтобы отнять у крестьянскаго движенія издревле свойственный ему характеръ пугачевщины, есть только одно средство: необходимо ввести его въ русло государственности. Для этого же нужно двѣ вещи: нужно чтобы крестьяне поняли, что силы государства—это ихъ силы, и нужно, чтобы они получили возможность управлять ими. Говоря иначе, нужны политическое самосознаніе крестьянской массы и цѣлесообразная государственная организація.

Съ другой стороны, пока государство остается внѣшней и чуждой крестьянскому правосознанію силой, всѣ попытки крестьянъ осуществить свое право неизбѣжно будутъ оказываться безрезультатными. Мы уже познакомились съ фактами. Послѣ захватовъ и разгромовъ, какъ deus ex machina, являются власти, войска, полиція и быстро возстановляютъ status quo ante. Крестьяне безропотно склоняются передъ этой, стихійной для нихъ, силой: они покорно возвращаютъ захваченное имущество, покорно ложатся подъ розги, покорно садятся въ тюрьмы. Какъ побѣжденная сторона, они покорно платятъ и „контрибуцію“. Этимъ, конечно, не устраняется возможность новыхъ безпорядковъ: они, въ сущности,

неизбѣжны, пока законъ и правосознаніе массъ такъ или иначе не будутъ приведены къ одному знаменателю. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же все время держать на цѣпи стомилліонную массу. Но какъ бы часто, какъ бы долго и съ какою бы силой ни волновались крестьяне, создаваемые ими факты не будутъ долговѣчны, пока рядомъ существуютъ идущія въ разрѣзъ съ ними нормы

Кое-гдѣ у крестьянъ, повидимому, мелькаетъ надежда, что государство, въ концѣ концовъ, отступится или окажется безсильнымъ. Я уже приводилъ эту многозначительную реплику: „не вѣчно же будутъ тутъ стоять солдаты“. По словамъ г. Максимова, въ курскихъ и орловскихъ безпорядкахъ „извѣстную роль, повидимому, сыграло убѣжденіе крестьянъ, что войскъ теперь въ Россіи мало, такъ какъ, молъ, всѣ они на Дальнемъ Востокѣ“. Едва ли, однако, нужно говорить, какъ шатки эти разсчеты, основанные при томъ же на временномъ и случайномъ соотношеніи силъ. Во всякомъ случаѣ, государство не отступится до тѣхъ поръ, пока его силы не будутъ исчерпаны.

Нельзя, однако, отрицать возможности, что оно окажется, въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ—на время, безсильнымъ. Уже теперь власти далеко не всегда могутъ своевременно выполнить свою „первѣйшую обязанность“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ приходится прямо отказывать въ своей защитѣ землевладѣльцамъ Напримѣръ, при безпорядкахъ въ им. Кокора, Юрьевскаго уѣзда. „прибывшій къ вечеру младшій помощникъ уѣзднаго начальника заявилъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для защиты собственности и личности помѣщика“ *). Въ Нигенѣ, Лифляндской губ., когда возникли безпорядки, „обратились за помощью къ уѣздному начальнику, но такъ какъ тотъ уѣхалъ вмѣстѣ съ солдатами въ им. Луніа, то никакой помощи оказать не могъ“ **). Если батраки,—пишетъ по этому же поводу корреспондентъ „Руси“ изъ Риги,—„сговорятся учинить демонстрацію противъ владѣльца и догадаются, при этомъ, оборвать телефонные провода, предусмотрительно соединяющіе здѣсь всѣ крупныя имѣнія между собою и уѣзднымъ центромъ, то положеніе помѣщика становится критическимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно становится прямо

*) «Новое Время», 2 марта.
**) «Русскія Вѣдомости», 14 марта.

ужаснымъ. Нельзя вѣдь въ каждое имѣніе наряжать воинскую команду,—а требованія на нихъ поступаютъ почти отъ всѣхъ имѣній. За отсутствіемъ такого количества свободныхъ войскъ отъ военнаго начальства въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже послѣдовали отказы" *). Мы знаемъ, далѣе, цѣлый край—Гурію, которая въ теченіе довольно продолжительнаго періода находилась цѣликомъ во власти волнующихся крестьянъ. Наконецъ, предупреждать безпорядки и теперь власти не въ силахъ, иначе вѣдь они не возникали бы. Стоитъ, поэтому, себѣ представить, что волненія сразу охватятъ большую мѣстность,—а вѣдь они могутъ, какъ мы видѣли, охватить одновременно почти всю Россію,—и государство, дѣйствительно, окажется безсильнымъ. Конечно, постепенно оно справится съ движеніемъ, но страна перенесетъ тяжкія потрясенія и, въ концѣ концовъ, они окажутся безцѣльными.

Допустимъ даже, что государство отступится, что оно предоставитъ крестьянамъ самимъ установить земельныя отношенія. Они вывезутъ помѣщиковъ, захватятъ всѣ земли... Но и послѣ того, задачи крестьянскаго движенія, если оно сохранитъ анархическій характеръ, останутся не осуществленными. Установить фактъ—еще не значитъ обезпечить свое право. Послѣднее необходимо еще изо дня въ день охранять и защищать—и этого нельзя въ данномъ случаѣ сдѣлать безъ организаціи принудительной власти. Допустимъ даже, что никто прямо посягнуть на крестьянское право не рѣшится, но оно можетъ быть расхищено по мелочамъ, незамѣтными и нечувствительными для неорганизованной массы дозами. Борьба за землю начнется среди самихъ крестьянъ, между сосѣдями, между селеніями, между мѣстностями, и изъ ихъ собственной среды постепенно вырастутъ опять „ціи паны". Идти этимъ путемъ—это значило бы начать русскую исторію сначала и рано или поздно вновь придти къ тому пункту, на которомъ мы сейчасъ находимся. Для того, чтобы крестьянское право получило мѣсто въ жизни, необходимо ввести его въ систему пріобрѣтенныхъ правъ и поставить подъ защиту государственной власти. При данномъ уровнѣ культуры и при данныхъ формахъ хозяйства перепрыгнуть черезъ правовое государство немыслимо.

*) «Русь», 24 марта.

Нельзя и думать, что теперь же можно начать новую жизнь безъ организованной принудительной власти *).

Смутное сознаніе необходимости государственной санкціи до извѣстной степени присуще и самимъ крестьянамъ. Оно сказывается, между прочимъ, въ сопровождающихъ безпорядки слухахъ о какомъ-то манифестѣ или указѣ, разрѣшающемъ будто бы передѣлить землю или обязывающемъ помѣщиковъ платить не меньше рубля рабочему. Но самое появленіе подобныхъ слуховъ и довѣріе къ нимъ уже свидѣтельствуютъ о недостаткѣ политическаго самосознанія въ крестьянскихъ массахъ. Рано или поздно имъ придется убѣдиться, что указы появляются на свѣтъ не произвольно, что они диктуются тою или иною политическою силой и что тѣ указы, которыхъ ждутъ крестьяне, появятся не прежде, чѣмъ они сдѣлаются сознательными участниками политической жизни. Вопросъ можетъ быть въ томъ лишь, когда и какимъ путемъ крестьяне убѣдятся въ этой простой истинѣ.

Крайне поучительна въ этомъ случаѣ эволюція крестьянскаго движенія въ Гуріи. Аграрные безпорядки тамъ начались еще три

---

*) Мы еще долго должны будемъ оставаться государственниками. И эту мысль я считаю необходимымъ подчеркнуть особенно энергично, такъ какъ чувствую, что среди друзей по направленію появилась струя аполитизма. Какъ и крестьяне, нѣкоторые изъ нихъ не довѣряютъ государству,—„буржуазному“ государству, и слишкомъ переоцѣниваютъ хозяйственный союзъ-общину. «Соціализацію» они склонны понимать не какъ одну изъ формъ «націонализаціи», а какъ нѣчто особое, до извѣстной степени противоположное и, во всякомъ случаѣ, предшествующее послѣдней. Я не думаю, чтобы иниціаторы новаго термина такъ далеко заходили въ своемъ недовѣріи къ государству и отрицали роль, какую оно должно сыграть въ аграрной реформѣ. Лично я этотъ терминъ считаю не особенно удачнымъ и потому воздержусь въ дальнѣйшемъ изложеніи отъ его употребленія. Для меня важно подчеркнуть лишь, что въ аграрной реформѣ необходимо использовать организующую и творческую силу государства. Ссылка на буржуазный характеръ послѣдняго для меня не имѣетъ значенія. Степень буржуазности опредѣлится какъ результатъ борьбы соціальныхъ силъ, имѣющихся въ странѣ. Государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленную сторону—въ особенности, если оно это сдѣлаетъ не только подъ давленіемъ насильственныхъ актовъ, но и въ силу свободнаго самоопредѣленія массъ,—не страшно и въ качествѣ земельнаго собственника. Какъ бы то ни было, исторію нужно продолжать, а не начинать сызнова. Продолжать же ее можно не иначе, какъ въ государственныхъ формахъ.

года тому назадъ и въ началѣ были направлены исключительно противъ помѣщиковъ и духовенства. Въ послѣднее время они получили, однако, рѣзко политическую окраску. Сами крестьяне такъ объяснили т. с. Султанъ-Крымъ-Гирею эту эволюцію:

По божескимъ и человѣческимъ законамъ—говорили они—слѣдовало бы, чтобы земля, обрабатываемая крестьяниномъ, ему и принадлежала. Но мы вынуждены арендовать чужую землю; мы умоляемъ землевладѣльцевъ: „Берите себѣ $^1/_3$, оставьте намъ двѣ“, но на это они не соглашаются. Мы вынуждены были оказать неповиновеніе, а за это на насъ обрушилась полиція, казаки, старшины, писарь, священникъ. Насъ бьютъ, не даютъ сказать слова. Въ полѣ у насъ насильно забираютъ часть землевладѣльцевъ. Правосудіе существуетъ только для дворянъ... Старшины продаютъ наше движимое имущество, а вырученныя деньги передаютъ все тѣмъ же землевладѣльцамъ. Если случайно окажется честный старшина, его арестовываютъ и даже ссылаютъ... У насъ отнято право выбирать старшинъ; ихъ назначаютъ къ намъ на жалованье, и съ насъ же взыскиваютъ эти деньги... Молчимъ мы—насъ обманываютъ и грабятъ, заговоримъ—насъ бьютъ и арестовываютъ. Пріѣхалъ къ намъ губернаторъ какъ-то. Мы собирались подать ему жалобу, но онъ закричалъ на насъ и велѣлъ арестовать 30 нашихъ товарищей... Нынче въ первый разъ намъ дозволили собраться въ такомъ большомъ количествѣ, чтобы заявить о нашихъ нуждахъ, но ранѣе за всякую попытку собраться насъ били и истязали... Мы просимъ права сходиться свободно и по совѣсти высказываться о своихъ дѣлахъ, а также и доводить до свѣдѣнія другихъ о нашихъ нуждахъ, т. е. намъ нужна свобода печати. Кромѣ того, мы просимъ освободить и вернуть всѣхъ нашихъ сельчанъ, пострадавшихъ за свои убѣжденія, за участіе въ сходкахъ... Мы понимаемъ, что требованія наши могутъ быть удовлетворены только при участіи избранныхъ народомъ представителей. Пусть въ выборахъ принимаютъ участіе мужчина и женщина, татаринъ и христіанинъ, русскій, армянинъ и грузинъ *)...

Впрочемъ и кромѣ Гуріи, политическое самосознаніе крестьянства сдѣлало за послѣдніе годы громадные успѣхи. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ Прибалтійскій край, гдѣ движеніе, по признанію самого правительства, направлено не только противъ даннаго экономическаго строя, но и противъ даннаго политическаго режима. Постепенно развиваясь и усиливаясь, оно вылилось, въ концѣ концовъ, въ совершенно опредѣленную форму: латыши низложили установленныя правительствомъ власти и организовали свое революціонное управленіе...

---

*) „Цнобисъ-Пурицели“. Цитирую по перепечаткѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 12 марта.

Въ Поволжьѣ крестьянское движеніе тоже имѣетъ уже довольно ярко выраженную политическую окраску.

„Я видѣлъ—разсказываетъ г. Танъ—въ каждомъ уѣздѣ сотни интеллигентныхъ крестьянъ, свободно разбиравшихся во всѣхъ необходимыхъ терминахъ, оживленно разсуждавшихъ о цензовомъ правѣ и всеобщей подачѣ голосовъ, о прогрессивной и реакціонной партіяхъ, о семи свободахъ и четырехъ избирательныхъ хвостахъ. Я видѣлъ многолюдныя крестьянскія собранія, сходившіяся въ зданіи земской управы при какомъ-нибудь экономическомъ или санитарномъ совѣтѣ, въ сельскомъ народномъ домѣ, при школьной библіотекѣ или прямо подъ открытомъ небомъ. Я видѣлъ семидесятилѣтнихъ стариковъ, приходившихъ на такія сборища съ дѣтьми и взрослыми внуками, древнихъ николаевскихъ солдатъ, болѣе рѣшительныхъ, чѣмъ молодые люди. Я слышалъ страстныя рѣчи на тѣ же темы, которыя волнуютъ и наши сердца, пренія, происходившія въ такомъ образцовомъ порядкѣ, какой дай Богъ имѣть и нашимъ собраніямъ, стройные сельскіе хоры, распѣвавшіе наши молодыя пѣсни и провозглашавшіе наши собственные крылатые призывы. Я видѣлъ у молодой деревни трогательное уваженіе къ интеллигенціи, равносильное развѣ той ненависти, которую питаетъ къ ней черная сотня“ *).

Осенью крестьянское движеніе въ Поволжьѣ получило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ организованнаго возстанія и при томъ не только противъ помѣщиковъ, но и противъ предержащихъ властей. Здѣсь такъ же, какъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, хотя въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, были сдѣланы попытки съорганизовать революціонное правительство. Такимъ образомъ, не ограничиваясь уже установленіемъ факта, крестьяне считали необходимымъ поставить свое право подъ защиту организованной принудительной власти. Анархическое движеніе стало уже отливаться въ государственныя формы.

Съ этой точки зрѣнія крайне важной представляется другая волна крестьянскаго движенія, которая съ самаго начала направилась въ сторону правительства. Движеніе получило такимъ образомъ сразу государственный характеръ. Началось оно въ совершенно мирныхъ формахъ и на первыхъ порахъ сказывалось, главнымъ образомъ, въ приговорахъ объ усовершенствованіи государственнаго строя, какіе составлялись крестьянами въ силу предоставленнаго указомъ 18 февраля права, а также въ ходатайствахъ и заявленіяхъ о своихъ нуждахъ, какія они представляли прави-

*) „Русскія Вѣдомости“, 3 августа.

тельству. Движеніе быстро, однако, наростало въ своей интенсивности и къ осени получило ярко выраженный боевой характеръ. Отказъ отъ уплаты податей и смѣна должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія получили къ этому времени широкое распространеніе. И въ борьбѣ за землю появились новыя формы. Крестьяне стали, напримѣръ, воспрещать помѣщикамъ рубку лѣса и продажу земли впредь до рѣшенія аграрнаго вопроса учредительнымъ собраніемъ.

Особенно большую роль въ дѣлѣ развитія крестьянскаго движенія въ этомъ направленіи съиграло учрежденіе всероссійскаго крестьянскаго союза, который совершенно опредѣленно на ряду съ „землей“ поставилъ въ своей программѣ „волю“ и при томъ не только въ смыслѣ свободы, но и въ смыслѣ „власти“.

Не можетъ быть сомнѣнія, что политическое движеніе зародилось въ крестьянской средѣ не самостоятельно, а въ связи съ общимъ движеніемъ въ странѣ и подъ вліяніемъ общественной мысли, разными путями проникавшей въ массу. Развиваясь безпрепятственно въ этомъ направленіи, крестьянское дриженіе, несомнѣнно, очень быстро утратило бы свой анархическій, какъ я его назвалъ, характеръ. Сознательная мысль обобщила бы крестьянскія нужды, оформила бы крестьянскія требованія и дала бы цѣлесообразное направленіе крестьянской энергіи. Громадный успѣхъ крестьянскаго союза наглядно показалъ, какъ легко и быстро могла бы совершиться эта въ высшей степени важная эволюція. Но и на этомъ пути крестьянское движеніе съ самаго начала встрѣтило преграды.

„Мнѣ извѣстенъ—писалъ корреспондентъ „Кіевскихъ Откликовъ“ изъ Черниговской губ.—лишь одинъ случай сознательнаго отношенія крестьянъ въ нашей округѣ къ правительственнымъ актамъ послѣдняго времени,—случай, обязанный своимъ возникновеніемъ не благодаря, а вопреки мѣстнымъ властямъ. Я говорю о постановленіи конышевскихъ крестьянъ (Борзенскаго уѣзда), рѣшившихъ на сходѣ, согласно указу 18 февраля, изложить свои нужды и взгляды на государственное благоустройство и отправить въ совѣтъ министровъ. Но, увы, въ результатѣ земскій начальникъ, проглядѣвшій сходъ, получилъ репримандъ, а „зачинщики“ постановленія, какъ передавали мнѣ, попали даже подъ арестъ при волости“...

Не менѣе характерный случай передавалъ въ свое время корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ изъ Волчанскаго уѣзда

Харьковской губерніи. Крестьяне сел. Хотомли, услыхавъ объ указѣ 18 февраля, рѣшили подать заявленіе о своихъ нуждахъ.

„Прежде всего крестьяне обратились за разъясненіями по поводу указа къ мѣстнымъ властямъ (сельскимъ и волостнымъ), желая узнать, какимъ путемъ надо сдѣлать представленіе о своихъ нуждахъ. На этотъ запросъ низшая администрація отвѣтила, что она ничего не знаетъ и ничего не слыхала. Подобный же отвѣтъ крестьяне получили и отъ мѣстнаго земскаго начальника, къ которому обратились за разъясненіями на сельскомъ сходѣ 20 апрѣля. Однако же, послѣ настоятельныхъ требованій со стороны крестьянъ огласить на сходѣ высочайшій указъ, земскій начальникъ велѣлъ принести газету и прочиталъ на сходѣ не указъ, а высочайшій манифестъ отъ того же числа, сдѣлавъ соотвѣтствующія разъясненія по поводу „смуты“ и „крамолы“. Такое упорное нежеланіе со стороны земскаго начальника прочитать на сходѣ указъ вызвало со стороны крестьянъ ропотъ и разговоры, что мѣстное начальство желаетъ скрыть отъ народа царскій указъ. Въ концѣ концовъ, земскій начальникъ вынужденъ былъ прочитать указъ, но читалъ такъ, что, по словамъ присутствовавшихъ на сходѣ ничего разобрать нельзя было: читалъ „еле шевеля губами“ и „не отдѣляя слова отъ слова“. Окончивъ чтеніе, земскій начальникъ заявилъ, что этотъ указъ данъ только правительствующему сенату и до крестьянъ не касается“.

Крестьяне все-таки выбрали уполномоченныхъ и поручили имъ составить проектъ заявленія. Послѣднее въ нѣсколькихъ копіяхъ функціонировало затѣмъ по селу, въ цѣляхъ предварительнаго ознакомленія.

„Копіи, однако, полиціей были отобраны, и уполномоченные были вызваны къ земскому начальнику, который еще разъ пытался убѣдить ихъ во вредѣ подобнаго заявленія, доказывалъ уполномоченнымъ преимущество земскихъ начальниковъ передъ мировыми судьями, пользу исключительныхъ законовъ для крестьянскаго сословія, ненужность высшаго образованія, вредъ происходящій отъ свободы печати, и проч. Уполномоченные были, однако тверды въ своихъ рѣшеніяхъ. 15 мая въ Хотомлѣ собрался сельскій сходъ для окончательнаго принятія составленнаго заявленія. Земскій начальникъ на сходъ не пріѣхалъ, и его роль увѣщателя исполнялъ въ данномъ случаѣ мѣстный урядникъ, убѣждавшій крестьянъ, что они затѣяли пустяки, что никакого указа, дающаго право крестьянамъ дѣлать представленія о своихъ нуждахъ, нѣтъ, „и что все это выдумка штунды“, т. е. мѣстныхъ сектантовъ. Въ то же время лица, „приближенныя къ властямъ и духовенству“, пытались запугать присутствовавшихъ на сходѣ тѣмъ, что имъ предлагаютъ подписать „прокламацію“, за которую будетъ порка отъ казаковъ. Тѣмъ не менѣе заявленіе было принято огромнымъ большинствомъ схода,—не соглашались на него лишь мѣстные „богатѣи“. 17 мая въ Хотомлю пріѣхалъ земскій начальникъ и заявилъ, что онъ приговора схода не утвердитъ. Сходъ былъ

признанъ не состоявшимся и перенесенъ на 22 мая. Когда на этомъ сходѣ крестьяне вновь высказали непремѣнное желаніе подать заявленіе, земскій начальникъ, дабы припугнуть грозящей отвѣтственностью, заставилъ каждаго въ отдѣльности выходить изъ круга и подписывать заявленіе, хотя передъ тѣмъ сельскій сходъ поднятіемъ рукъ высказался почти единогласно за принятіе заявленія. Въ то же время на сходъ явился жандармъ, который расхаживалъ по толпѣ и какъ бы помѣчалъ „бунтовщиковъ", а мѣстный волостной судъ пытался силою воспрепятствовать подписывать заявленіе и побуждалъ толпу бить штундистовъ, какъ зачинщиковъ всего этого незаконнаго дѣла. Передъ такимъ давленіемъ нѣкоторые убоялись давать свои подписи, но дѣло, тѣмъ не менѣе, не разстроилось, такъ какъ изъ 260-ти человѣкъ болѣе 160-ти подписалось подъ заявленіемъ. Послѣ этого земскій начальникъ уѣхалъ, и приговоръ схода остался не подписаннымъ и не утвержденнымъ. Въ такомъ положеніи находится дѣло и въ настоящее время. Въ послѣдующіе дни сельскій староста ходилъ по селу и пугалъ людей, что вызваны казаки, которые будутъ пороть тѣхъ, кто подписалъ заявленіе" *).

Кромѣ „первѣйшей обязанности" власти не упускали такимъ образомъ изъ виду и „наипервѣйшую". Онѣ во что бы то ни стало желали поддержать плотину даже въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ сверху она была уже промыта...

Возникновеніе крестьянскаго союза правительство сначала какъ бы просмотрѣло. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ существовалъ въ качествѣ открытой организаціи и сравнительно свободно развивалъ свою дѣятельность. Въ Москвѣ открыто функціонировало бюро, и въ концѣ іюля безпрепятственно состоялся учредительный съѣздъ союза. Пользуясь возвѣщенными 17 октября свободами, дѣятели союза успѣли собрать и второй съѣздъ, состоявшійся 6—10 ноября. Посвященный по преимуществу тактическимъ вопросамъ, онъ обнаружилъ готовность союза вступить въ прямую борьбу съ правительствомъ за землю и волю. По времени этотъ съѣздъ совпалъ съ новой, уже упоминавшейся мною, вспышкой аграрнаго движенія. Съ этого же момента началось и систематическое преслѣдованіе союза.

Бюро было немедленно послѣ съѣзда арестовано. Въ то же время на мѣстахъ были произведены многочисленные аресты присутствовавшихъ на съѣздѣ делегатовъ и другихъ наиболѣе видныхъ дѣятелей союза. Когда я пишу эти строки, всѣ усилія прилагаются къ тому, чтобы разрушить крестьянскую организацію.

*) „Русскія Вѣдомости", 2 іюня.

Такимъ образомъ возможность для крестьянскаго движенія отлиться въ организованныя и правомѣрныя формы представляется до нельзя затрудненною.

Едва ли, однако, правительству удастся подавить движеніе крестьянства. Волны этого движенія—и порожденная народной нуждой, и порожденная сознательною мыслью,—поднялись уже высоко и едва ли ихъ удержитъ плотина, хотя бы и самыхъ жестокихъ репрессій. Новый приливъ въ сущности неизбѣженъ и его предвидитъ, какъ я уже упоминалъ, само правительство.

Трудно однако въ настоящее время, когда я пишу эти строки, предусмотрѣть, какой характеръ получитъ новый и, быть можетъ, рѣшительный напоръ крестьянства. Двѣ волны, которыя можно было различать въ движеніи, начали уже сливаться, но какая изъ нихъ окажется сильнѣе,—сказать съ увѣренностью въ данный моментъ я бы не рѣшился. Не исчезла еще опасность, что анархическій элементъ возьметъ перевѣсъ надъ государственнымъ. Въ такомъ случаѣ прокатится новая, еще болѣе сильная, но столь же безплодная волна захватовъ и разгромовъ, которые достаточны, чтобы потрясти существующій строй, но безсильны сами по себѣ создать новый.

Можно однако надѣяться, что захватами и разгромами дѣло не ограничится. Сознательная мысль не опередила стихійнаго движенія, но она можетъ еще въ него влиться. Остановить стихію, конечно, не мыслимо, но измѣнить направленіе движенія еще возможно. Во всякомъ случаѣ всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы въ борьбѣ за землю съорганизовать народную волю. Иначе народъ останется и безъ земли, и безъ воли.

IV. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы.

Я указалъ „самую опасную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую слабую сторону“ крестьянскаго движенія. „Пока государство,—сказалъ я,—остается внѣшней и чуждой крестьянскому правосознанію силой, всѣ попытки крестьянъ осуществить свое право, неизбѣжно будутъ оказываться безрезультатными“. Это не значитъ, однако,

что развертывающееся на нашихъ глазахъ крестьянское движеніе пройдетъ безслѣдно въ русской жизни. Я отнюдь не склоненъ приравнивать его въ этомъ отношеніи къ тѣмъ, неоднократно уже наблюдавшимся въ прежніе вѣка, „чисто крестьянскимъ движеніямъ", которыя „рождаются какъ бы изъ ничего, внезапно разростаются въ грозное явленіе и угасаютъ, не оставляя, повидимому, слѣда" *)

Безплоднымъ нынѣшнее крестьянское движеніе могло бы остаться лишь въ томъ случаѣ, если бы государство сохранило на неопредѣленное время свой авторитарный, чуждый народному правосознанію, характеръ. Въ качествѣ примѣра, я могу сослаться на полтавское крестьянское движеніе 1902 г. Теперь, конечно, очевидно, что это былъ прологъ къ общерусскому движенію. Но въ предѣлахъ данной территоріи и даннаго времени оно, можно сказать, совершило только что указанный циклъ: „родившись какъ бы изъ ничего, оно внезапно разрослось въ грозное явленіе и угасло, не оставивъ, повидимому, слѣда". Если представить, что нынѣшнее крестьянское движеніе въ его цѣломъ оказалось бы лицомъ къ лицу съ такимъ же сильнымъ и непоколебимымъ режимомъ, какимъ явился для Полтавской губерніи режимъ покойнаго В. К. Плеве, то легко будетъ понять, что оно было бы подавлено и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, прошло бы въ русской исторіи столь же безслѣдно, какъ прошли въ свое время движенія, связанныя съ именами Разина и Пугачева. Я говорю „безслѣдно", конечно, въ условномъ смыслѣ, имѣя въ виду основныя цѣли, къ какимъ стремились въ такихъ случаяхъ волнующіеся крестьяне. Противопоставленныя же крестьянскому правосознанію нормы обыкновенно оказывались послѣ этого не только не поколебимыми, но и еще болѣе укрѣпленными. Не лишне будетъ на-

*) С. Н. Южаковъ. „Политика". „Русское Богатство" 1905 г., № 3. Во избѣжаніе недоразумѣнія я долженъ напомнить, что и С. Н. Южаковъ отнюдь не безнадежно смотритъ на нынѣшнее крестьянское движеніе. „Русская умственная жизнь,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—создала могучее и широкое теченіе, сочувственное мужику и его трудовому началу въ правѣ. Когда мужицкая „правда" будетъ просвѣтлена и цѣлесообразна направлена этимъ уже готовымъ, но еще не дошедшимъ до мужика, истолкованіемъ его идеаловъ, тогда наступитъ время выхода на историческую арену и мужицкой идеи. Я убѣжденъ,—прибавляетъ онъ—что, это время не за горами".

помнить, что и безпорядки 1902 года завершились установленіемъ круговой имущественной отвѣтственности для крестьянъ и введеніемъ института земскихъ стражниковъ. Въ настоящее время всѣ усилія государственной власти, какъ мы видѣли, такъ же направлены къ „вящшему развитію въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія, какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности". Едва ли, однако, попытка реагировать на крестьянское движеніе, исключительно въ этомъ направленіи, можетъ быть доведена, при данныхъ условіяхъ, до своего логическаго конца, т. е. до новаго и полнаго торжества чуждаго крестьянскому правосознанію гражданскаго уклада.

Крестьянское движеніе совпало—и, конечно, не случайно—съ критическимъ моментомъ въ жизни самого государства. На горизонтѣ уже обрисовался новый государственный порядокъ. Вопросъ, стало быть, заключается уже въ томъ, найдетъ ли себѣ выраженіе въ этомъ новомъ порядкѣ крестьянское правосознаніе, или же реформированное государство сохранитъ по отношенію къ нему прежнее отрицательное отношеніе, т. е. останется, какъ и бюрократическій строй, внѣшней и чуждой для крестьянства организаціей. Съ этой точки зрѣнія совпаденіе крестьянскаго соціальнаго движенія съ общеполитическимъ представляетъ въ высшей степени важный фактъ, который, несомнѣнно, на исходъ того и другого окажетъ очень сильное вліяніе. Активное состояніе крестьянства въ моментъ переустройства политическихъ формъ лучше, чѣмъ-либо другое, можетъ обезпечить демократичность послѣднихъ и, стало быть формальную возможность для крестьянства принять органическое участіе въ государственной жизни. Такъ, крестьянское движеніе для многихъ является однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

Во всеобщемъ избирательномъ правѣ,—говоритъ г. Кокошкинъ, — мы имѣемъ незамѣнимое средство, чтобы аграрный вопросъ не принялъ опаснаго характера. Только чрезъ привлеченіе всѣхъ къ участію въ законодательствѣ можно вселить увѣренность крестьянству, что не насиліемъ можно достигать улучшенія своей участи, а путемъ законнымъ... Угрозой для пред-

ставительныхъ учрежденій могла бы служить крестьянская масса въ томъ случаѣ, если бы она была оставлена за предѣлами законнаго представительства. Въ недовольствѣ ея можно черпать матеріалъ, которымъ воспользуются всѣ враги новыхъ свободныхъ учрежденій. Абсолютизмъ и революція оттуда будутъ брать каменья, чтобы ими побить тѣхъ, кто сталъ на ихъ дорогѣ *).

Если бы крестьянское недовольство не проявилось уже съ достаточной силой, то сторонники „умѣреннаго прогресса“, можетъ быть, и не стали бы во всеобщемъ избирательномъ правѣ искать гарантіи противъ такого „врага новыхъ свободныхъ учрежденій“, какимъ въ ихъ представленіи является „революція“. Что касается „абсолютизма“, то они, вѣроятно, удовлетворились бы земской палатой, которая имъ представляется, какъ извѣстно, несравненно болѣе надежной, въ этомъ отношеніи, гарантіей, чѣмъ всеобщность избирательнаго права. Такъ или иначе, но при установленіи новыхъ формъ государственной жизни, всѣмъ партіямъ неизбѣжно придется теперь считаться съ крестьянствомъ, какъ съ активной силой, уже появившейся на исторической аренѣ.

Съ другой стороны, новыя, не только еще не отвердѣвшія, но и не сложившіяся формы государственной жизни сравнительно легко могутъ воспринять новое содержаніе, какого требуютъ крестьянскіе идеалы и интересы. Если бы крестьяне пришли въ движеніе послѣ того, какъ новый государственный порядокъ уже консолидировался бы въ чуждыхъ имъ нормахъ, то со стороны послѣдняго они встрѣтили бы, вѣроятно, отпоръ и при томъ, быть можетъ, даже болѣе энергичный и, во всякомъ случаѣ, болѣе умѣлый, чѣмъ какой въ состояніи оказать нынѣшній, уже одряхлѣвшій, порядокъ. Изъ химіи мы знаемъ, что in statu nascendi, т. е. въ моментъ зарожденія (выдѣленія) даже съ трудомъ дѣйствующіе другъ на друга элементы сравнительно легко вступаютъ въ соединеніе между собою. И въ данномъ случаѣ стремленіе къ землѣ можетъ слиться со стремленіемъ къ волѣ и въ результатѣ можетъ получиться, дѣйствительно, новый, не только по внѣшнему своему виду, но и по внутреннимъ тенденціямъ, соціально-политическій порядокъ. Во всякомъ случаѣ, всматриваясь въ черты нарождающагося общественнаго строя, мы должны исходить изъ

*) „Русскія Вѣдомости“, № 149.

факта, что не только городъ, но и деревня въ его созданіи принимаютъ активное участіе *). Уже теперь очевидно, какой громадный слѣдъ нынѣшнее крестьянское движеніе оставитъ и въ общественной мысли, и въ народной жизни. Говоря это, я имѣю въ виду, прежде всего, аграрную проблему, которая получила, благодаря ему, совершенно новую постановку.

Уже девяностые годы, съ ихъ непрекращавшимися голодовками, въ конецъ подорвали вѣру въ „малыя дѣла", съ какими выступили восьмидесятники. Съ очевидностью выяснилось, что ни крестьянскій банкъ, ни переселенія, ни даже „прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ" не въ состояніи не только устранить, но и смягчить земельныя нужды деревни, дошедшей до полнаго обнищанія и уже вступившей въ эпоху вымиранія. Съ другой стороны, начавшійся въ 1899 году торгово промышленный кризисъ съ неменьшею очевидностью обнаружилъ всю эфемерность выращенной подъ защитой таможенной стѣны и взлелѣянной на казенныхъ заказахъ капиталистической промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю невозможность для сто-тридцатимилліоннаго народа выйти на путь хозяйственнаго развитія въ одни ворота—черезъ фабрику. Выяснилась, такимъ образомъ, необходимость идти черезъ деревню при очевидной, въ то же время, невозможности удовлетвориться тѣми калитками, какія соблаговолила открыть восьмидесятникамъ—да и то послѣ долгихъ препирательствъ—бюрократія.

Для прогрессивной части русскаго общества въ лицѣ наиболѣе активныхъ его представителей вполнѣ естественъ былъ возвратъ на ту широкую и прямую дорогу, которую проектировало и начало прокладывать въ свое время соціалъ-народничество **). И

*) Это представляетъ, несомнѣнно, одну изъ крупныхъ особенностей русскаго преобразовательнаго движенія, отличающагося вообще своею экстенсивностью. Въ этомъ отношеніи оно больше всего напоминаетъ великій не только политическій, но и соціальный переворотъ, какой пережила Франція въ концѣ XVIII столѣтія. Но и тамъ движеніе концентрировалось, главнымъ образомъ, въ крупныхъ городахъ и не охватывало значительной части деревни. Парижъ и Марсель—съ одной стороны, Вандея—съ другой. У русскаго движенія Вандеи, можно думать, не будетъ. Во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ уже Гурію.

**) Извиняюсь передъ читателями за этотъ, можетъ быть, неуклюжій терминъ, но я не нахожу другого слова, которымъ можно было бы объеди-

дѣйствительно къ этому именно времени относится его возрожденіе. Живя въ качествѣ „направленія“, оно сохранило,—не утративъ даже за долгіе годы безвременья,—свои традиціи и идеалы, и теперь вновь появилось на политической аренѣ. Правда, на первое время оно привлекло общественное вниманіе не столько, быть можетъ, своими программными особенностями, сколько своей активной тактикой. Надъ программою же продолжалъ еще висѣть упрекъ въ утопизмѣ. Историческая неудача бросила длинную и густую тѣнь на все направленіе, и даже долгіе годы не могли изгладить произведеннаго ею впечатлѣнія. Подъ этимъ впечатлѣніемъ сложилось и затѣмъ было воспринято широкими кругами общества программное построеніе, вовсе выкинувшее крестьянство, какъ негодный обломокъ прошлаго, изъ своихъ разсчетовъ, и признавшее „землю“ не только ненужнымъ, но, пожалуй, и вреднымъ для массъ въ ихъ развитіи балластомъ. Хотя жизнь, какъ я уже сказалъ, не замедлила подчеркнуть необходимость именно „земли“, безъ коей не только развитіе, но и жизнь сдѣлались невозможными, однако, за опороченіемъ крестьянства, въ виду вовсе не оказывалось соціальной силы, которая могла бы реализовать включавшую ее въ себя программу. Теперь жизнь аннулировала это нареканіе въ утопизмѣ и вновь озарила такъ долго остававшееся въ тѣни направленіе. Послѣднее имѣетъ теперь себѣ оправданіе не только въ далекихъ идеалахъ коллективизма, къ которымъ страстно стремилась и стремится русская интеллигенція, и не только въ ближайшихъ задачахъ народно-хозяйственной жизни, которая властно требовала и требуетъ аграрнаго преобразованія,

---

нить извѣстныя общественныя группировки, хотя и носившія разныя названія, но неизмѣнно полагавшія въ основу своихъ программъ землю на ряду съ волей. Совершенно опредѣленно эти основанія были формулированы въ освободительную эпоху, — напомню „Современникъ“ и его борьбу за освобожденіе крестьянъ съ землею,—но ихъ можно прослѣдить и въ болѣе раннихъ программахъ, начиная съ радищевской. Но я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, программы семидесятыхъ годовъ, и думаю, что по отношенію къ нимъ употребленный мною терминъ не можетъ вызвать возраженій,—тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ созвучную, если и не вполнѣ тождественную терминологію. Напомню, что программа Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“, начиналась словами: „мы соціалисты и народники“.

но и въ самосознаніи трудящихся массъ, которыя въ этомъ именно направленіи уже ищутъ улучшенія своей доли.

Крестьянское движеніе не только вновь подчеркнуло первенствующее значеніе аграрной проблемы, но и наглядно показало ея острый и неотложный характеръ. Оно прояснило вмѣстѣ съ тѣмъ для общественной мысли затуманенныя годами безвременья перспективы и обнаружило представлявшіяся до того загадочными соціальныя силы. Крестьянство,—этотъ, не имѣющій, какъ еще недавно представлялось многимъ, соціальнаго значенія, историческій обломокъ,—въ дѣйствительности оказалось далеко еще не вывѣтрившейся и не потерявшей своей связности громадной глыбой, способной въ своемъ движеніи произвести цѣлую соціальную катастрофу. „Камень преткновенія“, камень, „его же небрегоша зиждущіе“, оказался столь значительнымъ, что игнорировать его стало совершенно невозможнымъ.

Крестьянское движеніе не только засвидѣтельствовало жизненность программы, считающей необходимымъ и возможнымъ этотъ именно камень положить „во главу угла“ общественнаго устроительства, но и повліяло на всѣ остальныя. Вновь появившійся „Пролетарій“, не въ примѣръ прежнему „Соціалъ-демократу“, вынужденъ начать съ признанія наличности разрастающагося крестьянскаго движенія,—и это, конечно, уже не мало для тѣхъ, кто еще недавно отрицалъ самую возможность такихъ движеній въ дифференцированной деревнѣ. Правда, марксисты всѐ еще не рѣшаются—хотя попытки въ этомъ направленіи уже и есть—включить „землю“, какъ органическую часть, въ свою программу, однако они оказались уже вынужденными къ пресловутымъ „отрѣзкамъ“ сдѣлать очень большую прирѣзку, заявивъ, что готовы идти „вплоть“ до всей земли. Отъ потухающей „Искры“, можетъ быть, и возгорится пламя, хотя объ этомъ пока можно догадываться лишь по усилившемуся чаду. Съ другой стороны, программа исключительно политическихъ реформъ, на каковой почвѣ возникло освободженское теченіе, уже осложнилась „дополнительнымъ надѣленіемъ“. Едва ли нужно даже говорить, какъ трудно многимъ участникамъ этого движенія согласиться хотя бы на принудительный выкупъ. Безъ „земли“, однако, и самая „воля“ стала представляться очень уже непрочной, ибо въ недовольствѣ крестьянской массы—какъ говоритъ цитированный мною выше г. Кокошкинъ

могутъ черпать матеріалъ „всѣ враги новыхъ свободныхъ учрежденій“. Крестьянское движеніе и въ этомъ направленіи довольно далеко уже продвинуло столь важную для типичныхъ представителей даннаго теченія границу „умѣренности“.

Программы, конечно, важны не сами по себѣ. Суть въ томъ, что эти программы уже циркулируютъ въ жизни и подготовляютъ необходимыя для аграрной реформы политическія силы. Наибольшее значеніи въ данномъ случаѣ будетъ имѣть, конечно, большій или меньшій успѣхъ этой организующей роли различныхъ программъ въ средѣ самого крестьянства, ибо поскольку оно успѣетъ оформить, обобщить и поддержать въ рѣшительную минуту свои требованія, постольку лишь послѣднія и найдутъ себѣ выраженіе въ новомъ государственномъ порядкѣ. Крестьянское движеніе представляетъ въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ важныхъ, если можно такъ выразиться, „предварительныхъ гарантій“. Облегчая появленіе и циркуляцію обобщающихъ идей въ народной средѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени гарантируетъ успѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которыя наиболѣе полно и точно выражаютъ сущность крестьянскихъ пожеланій. И мы знаемъ, что такія идеи дѣйствительно проникаютъ въ массы и дѣйствительно воспринимаются ими. Это-то обстоятельство я и имѣлъ въ виду, говоря въ предыдущей главѣ, что если сознательная мысль не опередила стихійнаго движенія, то она можетъ еще въ него влиться.

Еще болѣе значительными представляются результаты крестьянскаго движенія, какими оно скажется непосредственно въ жизни, помимо даже участія притекающей извнѣ мысли. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важными представляются тѣ слѣды, какіе оставятъ переживаемыя нынѣ крестьянствомъ событія въ его психологіи. Мнѣ уже пришлось отмѣтить солидарность, какую проявляютъ въ своемъ движеніи крестьяне: деревня чувствуетъ въ эти дни свое единство и сознастъ общность своихъ нуждъ и интересовъ. Въ крестьянской средѣ происходитъ въ сущности то же, что и въ рабочей при однородныхъ обстоятельствахъ.

Всмотритесь въ первоначальную психологію рабочаго, выкинутаго на рынокъ. Онъ долженъ думать только о себѣ и собственными усиліями долженъ разрѣшать задачу своего благополучія. Онъ ищетъ получше мѣстечка, радъ подвернувшейся сверхурочной работѣ, готовъ подслужиться мастеру и, въ случаѣ чего,

даже подставить ножку такому же, какъ и онъ самъ, пролетарію. Онъ всецѣло втянутъ въ атмосферу индивидуальной борьбы, проникающей данный хозяйственный порядокъ, и даже не замѣчаетъ, какъ мало значатъ его личныя усилія и его личныя заслуги на службѣ у такого безсердечнаго и жестокаго хозяина, какимъ является рынокъ. Divide et impera. И рынокъ дѣйствительно раздѣляетъ, надъ рабочими дѣйствительно властвуютъ,—и эта власть тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше раздѣлены они.

Вдумайтесь въ психологію того же рабочаго, когда онъ захваченъ, допустимъ, стачкой. Сведенные на очную ставку, личные интересы оказываются противорѣчащими: выигрышъ одного не рѣдко является ущербомъ для всѣхъ, да и самый выигрышъ оказывается, въ концѣ концовъ, призрачнымъ. Рабочій сунулъ мастеру рублевку и тѣмъ, быть можетъ, обезпечилъ благосклонное отношеніе съ его стороны на случай браковки. Пожертвовавъ рублемъ, онъ, можетъ быть, увеличилъ свою ближайшую получку на три. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ поводъ тому же мастеру добиваться взятки отъ всѣхъ остальныхъ рабочихъ, и ему самому, въ концѣ концовъ, придется платить рубль уже не за особую благосклонность, а ради того только, чтобы избѣжать излишней придирчивости. Чтобы сохранить рублевый заработокъ, онъ согласился—далѣе—поступиться изъ него гривенникомъ. Но этимъ самымъ онъ заставилъ сдѣлать то же и всѣхъ остальныхъ рабочихъ. Въ слѣдующій разъ, чтобы добиться того же результата, ему придется уступить, быть можетъ, и еще 10 коп. Въ предварительныхъ разговорахъ и спорахъ не только вскрываются отрицательныя стороны взаимной конкурренціи, но и выясняется для рабочаго единственный дѣйствительный путь для улучшенія его доли—путь коллективныхъ усилій. Начинается стачка. Работаетъ не только мысль; функціонируютъ и чувство, и воля. Рабочіе живутъ въ атмосферѣ общественности: вырабатываются новые взгляды, переживаются новыя эмоціи, создаются новыя правила поведенія. Стачка кончится но сознаніе общности интересовъ уже не исчезнетъ, пробившійся родникъ общественныхъ чувствъ уже не изсякнетъ, готовность дѣйствовать сообща теперь уже легче вспыхнетъ. Рабочій, пережившій стачку, уже не прежній рабочій. Пусть условія его жизни даже не измѣнились,

но измѣнился онъ самъ и измѣнились его отношенія къ хозяину, съ одной стороны, и къ товарищамъ—съ другой.

Жизнь, конечно, затуманитъ сильныя ощущенія, какія заставила пережить стачка, но новой психилогіи она уже не вытравитъ. Классовое самосознаніе будетъ нарастать и развиваться,—и не только въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, но и въ работѣ надъ внутренними отношеніями. Солидарность будетъ крѣпнуть, а въ ней вѣдь и заключается не только главный залогъ успѣшной борьбы въ рамкахъ даннаго строя, но и непремѣнное условіе переустройства его на новыхъ, отвѣчающихъ интересамъ труда, началахъ.

Въ крестьянской средѣ, уже подпавшей подъ власть рынка и проникнутой тенденціями индивидуальнаго хозяйства, идея классовой солидарности въ обычное время представляется, пожалуй, еще сильнѣе затуманенной. Здѣсь больше, если можно такъ выразиться, соблазновъ, способныхъ увлечь личность на путь исключительно индивидуальной борьбы,—на путь не только взаимной конкурренціи, но и взаимной эксплоатаціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда хуже видѣнъ сложный общественный механизмъ, благодаря которому для массы крестьянства эта борьба не только неизбѣжно остается безплодной, но и оказывается въ конечномъ счетѣ безусловно пагубной. Для деревни обнажены лишь нѣкоторыя части этого механизма... Однако, и по нимъ можно составить понятіе о междуклассовой эксплоатаціи, для которой она является объектомъ.

Несомнѣнно, что эта идея, хотя и въ смутномъ видѣ, была все время присуща деревнѣ. Крестьянская душа въ этомъ отношеніи была отнюдь не tabula rasa. Многовѣковый рядъ лишеній и униженій оставилъ глубокій слѣдъ въ крестьянской психикѣ и издавна пріучилъ уже деревню противополагать себя всему остальному соціальному міру. Но активность крестьянской массы представлялась какъ бы исчерпанной. Можно было ожидать, что новый, усложнившійся и реформированный на мѣновыхъ началахъ, общественный порядокъ разложитъ вѣковые устои деревенской солидарности и обратитъ крестьянство въ пыль прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣться и сознать общность своихъ интересовъ въ новомъ положеніи. Этого, однако, не случилось и

именно потому, быть можетъ, что, не ослабивъ почти эксплоатаціи массы, новый механизмъ сразу придавилъ и личность.

Въ сферѣ земельныхъ отношеній пагубныя послѣдствія взаимной конкурренціи оказались особенно тяжкими, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность разрѣшить задачу личными усиліями выяснилась уже съ особой очевидностью. Вполнѣ понятно, что въ этой именно сферѣ и сказалось, прежде всего, крестьянское классовое самосознаніе. Предусмотрѣть послѣдствія вспышки общественныхъ чувствъ въ деревнѣ въ настоящее время, конечно, трудно. Несомнѣнно, однако, что все передуманное и перечувствованное ею въ эти дни оставитъ неизгладимый слѣдъ въ ея психологіи. Отправляясь къ помѣщику „насчетъ земли“ или „насчетъ работы“, крестьянинъ отнынѣ особенно живо будетъ чувствовать себя частицей великаго цѣлаго, и онъ будетъ уже думать не о своихъ только интересахъ. Надъ нимъ особенно властно будетъ тяготѣть контроль общественнаго мнѣнія,—и это мнѣніе будетъ уже не то, что было раньше. Измѣнятся отношенія не только къ помѣщику, но и ко всему внѣшнему міру. Получившая толчокъ въ опредѣленномъ направленіи, мысль не остановится, пока не пересмотритъ ихъ съ новой точки зрѣнія. Рано или поздно она вскроетъ общность многихъ другихъ интересовъ, и крестьянская масса не менѣе энергично проявитъ въ нихъ свою солидарность.

Этотъ процессъ въ сущности уже начался въ деревнѣ, и послѣдняя даже въ отношеніяхъ своихъ къ государству далеко не представляетъ сейчасъ такой пассивной и покорной стороны, какою она была раньше.

Измѣнятся отношенія и внутри крестьянства. Рѣшая вопросъ о землѣ вообще, крестьяне тѣмъ самымъ предрѣшаютъ вопросъ и о той, которая находится въ ихъ распоряженіи. Осуждая эксплоатацію извнѣ, они тѣмъ самымъ осуждаютъ и ту, которая имѣетъ мѣсто въ ихъ собственной средѣ. Послѣ этого общественное мнѣніе не допуститъ уже многаго такого, съ чѣмъ оно сравнительно легко мирилось раньше,—не допуститъ тѣмъ болѣе что кромѣ общихъ этическихъ постулатовъ оно будетъ опираться и на тѣ требованія, которыя вытекаютъ изъ классовой солидарности. Это, конечно, не предотвратитъ появленія кулаковъ и міроѣдовъ, какъ классовое самосознаніе рабочихъ не можетъ предотвратить появленія выходящихъ изъ ихъ собственной среды

мастеровъ и десятниковъ. Но... когда мы говоримъ о классѣ, нужно принимать въ разсчетъ массу, а не отдѣлившихся отъ нея персонажей. Впрочемъ, и эти послѣдніе, когда масса сознаетъ свою солидарность, теряютъ значительную долю своей силы. Послѣ забастовокъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ не сумѣвшіе примириться съ новымъ положеніемъ мастера должны были, какъ извѣстно, совершить путешествія на тачкахъ.

Учитывая эти послѣдствія крестьянскаго движенія, я исхожу изъ предположенія, какъ видитъ читатель, что основныя условія крестьянской жизни останутся прежними. Я имѣю въ виду высказанныя мною соображенія, что, если крестьянское движеніе сохранитъ свой нынѣшній аполитическій характеръ, то основныя задачи его останутся неосуществленными. Захватами и разгромами, какъ говорилъ я, нельзя разрѣшить великой проблемы. Но... не слѣдуетъ забывать, что и рабочее движеніе на первыхъ порахъ не рѣдко отливалось въ ту же форму разгромовъ. Это не помѣшало, однако, рабочему классу очень скоро найти болѣе дѣйствительный путь для борьбы за свои интересы. И если аграрная проблема, какъ думаю я, можетъ быть разрѣшена только въ государственныхъ формахъ, то крестьянство, при данномъ уровнѣ его развитія и при той помощи, какую мысль его получитъ извнѣ, конечно, найдетъ эту дорогу.

Я не знаю, придется ли ему принять болѣе активное, чѣмъ сейчасъ, участіе въ борьбѣ за политическую реформу. Можетъ быть, послѣдняя будетъ осуществлена раньше, чѣмъ крестьянская масса убѣдится въ ея необходимости. Во всякомъ случаѣ, когда народному правосознанію откроется, наконецъ, путь къ участію въ государственномъ творчествѣ, крестьянская масса—по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе важномъ для нея аграрномъ вопросѣ—окажется уже достаточно объединенной силой.

V. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы.

(*Продолженіе*).

Оцѣнивая роль, какую крестьянское движеніе можетъ сыграть въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, мы не должны упускать изъ виду, что подъ его вліяніемъ измѣняется психологія не только крестьянства.

„Помѣщиками Верхней Карталиніи,—читаемъ мы въ телеграммѣ С.-Петербургскаго агентства отъ 7 іюля,—организуется артель. По уставу она составляется изъ дворянъ Горійскаго уѣзда; членами принимаются всѣ желающіе безъ различія сословія. Цѣль товарищества—пріучить членовъ къ самостоятельному труду и физической работѣ, пріобрѣтенію необходимыхъ познаній настолько, что каждый могъ бы обходиться безъ прислуги и обрабатывать свое имѣніе съ помощью членовъ семьи“.

Эта артель—конечно своего рода раритетъ; раритетомъ она и останется, если,—что еще вѣроятнѣе,—не распадется раньше, чѣмъ хотя бы одного изъ своихъ членовъ пріучить „обходиться безъ прислуги и обрабатывать свое имѣніе съ помощью членовъ семьи“. Столь сильное впечатлѣніе крестьянское движеніе могло произвести, конечно, на тѣхъ лишь „помѣщиковъ“, которые были настроены идеалистически или которые по складу своей жизни и раньше были близки къ трудовому крестьянству. Нужно, однако, замѣтить, что у гурійскихъ крестьянъ—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—имѣлась, повидимому, мысль немедленно водворить въ своей странѣ основанный на общемъ трудѣ порядокъ. Къ помѣщикамъ и священникамъ ими были предъявлены требованія, чтобы тѣ лично выходили на общественныя работы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корреспонденты, дѣйствительно, видѣли ихъ работающими на ряду съ крестьянами.

„Въ с. Джурухветы Озургетскаго уѣзда,—писалъ, напримѣръ, корреспонентъ „Цнобисъ-Пурцели“,—на первой недѣлѣ великаго поста общество приступило къ ремонту сельскихъ дорогъ. Въ работѣ приняли участіе всѣ сословія—крестьянство, дворянство, духовенство, купечество, учителя и пр., и такіе дворяне, которые никогда въ рукахъ не держали мотыги, нынѣ работаютъ вмѣстѣ съ крестьянами. Съ ними трудятся также священники, а тамъ копаются и учитель, и мѣстный торговецъ. Всюду общее веселье,

всюду раздаются „надури“ (пѣсни страднаго времени), „гуріантулаи“, „кобулетури“, „саджаухури“, „баилетури“, и погода благопріятствуетъ имъ. Въ продолженіе недѣли всѣ дороги были исправлены, отремонтированы“... *)

Обратить цѣлый классъ къ физическому труду и сразу водворить новый соціальный порядокъ—это, конечно, мечта, которою могли увлечься гурійцы, но которую мы не въ правѣ вводить въ свои разсчеты. Я привелъ эти два факта лишь въ качествѣ примѣра наиболѣе сильныхъ впечатлѣній, какія могло произвести на помѣщиковъ крестьянское движеніе. Къ такой же категоріи исключительныхъ, но тѣмъ не менѣе характерныхъ фактовъ мы должны отнести и тѣ случаи, когда „кающіеся“ или перепуганные помѣщики безвозмездно уступали часть своей земли крестьянамъ. Изъ газетныхъ сообщеній мы знаемъ уже довольно много такихъ фактовъ.

„Не безъинтересно сообщить,—писалъ корреспондентъ „Сѣвернаго Края“ изъ Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи—о слѣдующемъ: землевладѣлецъ С. В. Бунинъ, въ виду недостаточности надѣла, даннаго его предками крестьянамъ, подарилъ имъ прекраснѣйшей земли по одной десятинѣ на каждый дворъ, изъ коихъ половина усадебной и половина пахатной близъ ихъ надѣла и подалъ уже въ уѣздную земскую управу заявленіе о немедленномъ перечисленіи земли на имя крестьянъ, мотивируя свою просьбу желаніемъ добровольно пойти навстрѣчу приподнятому и возбужденному ихъ настроенію, обостренному сильнымъ малоземельемъ“ **).

Однородный случай, хотя, повидимому, и на другой нѣсколько подкладкѣ, имѣлъ мѣсто, по сообщенію „Сына Отечества“, въ Подольской губерніи. Пришедшіе въ движеніе, крестьяне вызвали на сходъ мѣстнаго землевладѣльца (г. Щеніовскаго) и предъявили къ нему требованіе объ уступкѣ земли. Онъ обѣщалъ выполнить это требованіе, „пока же“ согласился отвести крестьянамъ 70 морговъ. Дмитріевскій предводитель дворянства, какъ сообщили газеты, тоже часть своей земли отдалъ крестьянамъ.

Извѣстны, далѣе, факты, что раздавались деньги и при томъ не въ видѣ только „контрибуціи“, которую, какъ извѣстно, нерѣдко требовали крестьянскія толпы, но и въ видѣ предупредительной мѣры. Такъ, по словахъ „Одесскихъ Новостей“,

„одинъ изъ управляющихъ крупнаго днѣпровскаго землевладѣльца на-

*) Цитирую по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени“ отъ 26 марта.

**) Цитирую по перепечаткѣ въ „Нашей Жизни“ отъ 21 мая.

шелъ умѣстнымъ даже на свой страхъ и рискъ раздать окрестнымъ крестьянамъ, подъ видомъ безвозвратной субсидіи, кому въ формѣ ссуды, до 3.000 руб. Провѣдавшій объ этомъ, землевладѣлецъ поблагодарилъ управляющаго за предупредительную предпріимчивость и не только утвердилъ расходъ, но увеличилъ ассигновку на этотъ предметъ до 5.000 рублей.

Несравненно болѣе многочисленными и уже потому болѣе важными представляются случаи удовлетворенія другихъ крестьянскихъ требованій, въ родѣ пониженія арендной или повышенія заработной платы, а также улучшенія другихъ условій труда. Въ этомъ отношеніи крестьянамъ удалось добиться довольно существенныхъ уступокъ и при томъ въ довольно многихъ мѣстностяхъ, охватывающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлые уѣзды.

Въ имѣніи гр. Толстыхъ (Острогожскаго уѣзда),—сообщаетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ изъ Воронежа,—крестьяне упорно отказывались арендовать землю на томъ основаніи, что земля все равно скоро будетъ ихъ собственной. Экономія должна была очень понизить арендныя цѣны, и только тогда крестьяне сняли землю. Въ экономіи г. Звягинцева, Бобровскаго уѣзда, послѣ отказа крестьянъ снять землю по прежней высокой арендной цѣнѣ, арендная плата была понижена и кромѣ того каждому арендатору выдано безплатно по одной десятинѣ земли на одинъ посѣвъ. Крестьяне Новой-Чиглы, Бобровскаго уѣзда, также добились пониженія арендной платы *) у владѣлицы г-жи Шевлягиной: вмѣсто прежней высокой арендной платы земля отдана въ количествѣ 1½ тысячи десятинъ по 8 р. 50 к. за десятину **).

Въ довольно многихъ случаяхъ помѣщики поспѣшили сами улучшить положеніе крестьянъ и рабочихъ, даже не ожидая съ ихъ стороны какихъ-либо оказательствъ. Такъ, „въ цѣляхъ предупрежденія аграрныхъ недоразумѣній, вслѣдъ за днѣпровскими помѣщиками и херсонскіе землевладѣльцы пошли на нѣкоторыя уступки въ смыслѣ нормировки рабочаго времени для сельскохозяйственныхъ рабочихъ и улучшенія ихъ продовольствія и жилищныхъ нуждъ“ ***)

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ, — писалъ корреспондентъ „Сѣвернаго Края“, изъ Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи, — отразились и на сельскихъ хозяевахъ нашего уѣзда, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали уже для своихъ рабочихъ, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы, слѣдующія улуч-

*) Въ Бобровскомъ уѣздѣ арендная плата,—пишетъ корреспондентъ,—въ послѣдніе годы поднялась до 20—30 руб. за десятину.

**) „Русскія Вѣдомости“, 6 іюня.

***) Цитирую по „Новому Времени“, отъ 9 іюля.

шенія: прибавили жалованье, улучшили харчи и уменьшили время работы въ предпраздничные дни. Однимъ словомъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—среди нашихъ аграріевъ видно стремленіе предупредить возможные при настоящемъ настроеніи крестьянства конфликты и сдѣлать что-либо для избѣжанія ихъ.

Мотивы, заставляющіе землевладѣльцевъ удовлетворять крестьянскія требованія и даже съ „предупредительною предпріимчивостью“ идти имъ навстрѣчу, конечно, понятны. На первомъ планѣ, несомнѣнно, стоитъ страхъ передъ разгромами, какими грозитъ, какъ мы видѣли, крестьянское движеніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно начинается въ мирныхъ формахъ. Это чувство, можно думать, преобладаетъ сейчасъ надъ всѣми другими въ средѣ помѣстнаго сословія. Опасенія за свое имущество и даже за собственную жизнь имѣютъ для землевладѣльцевъ тѣмъ большее значеніе, что власти, какъ выяснилось уже, нерѣдко безсильны предупредить безпорядки. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда своевременной присылкой войскъ или усиленіемъ полицейскихъ мѣръ удается предупредить вспышку, опасность нельзя считать устраненною. Подавленное движеніе не рѣдко принимаетъ скрытую и при томъ не менѣе опасную форму: учащаются случаи поджоговъ, кражъ и преднамѣренной порчи помѣщичьяго имущества. Надъ многими мѣстностями въ сущности уже нависла самая тяжелая, быть можетъ, угроза, какую только можетъ таить въ себѣ доведенная до отчаянія деревня, а именно аграрный терроръ. Помѣщики, конечно, чувствуютъ это и волей-неволей становятся уступчивыми.

Можно, однако, думать, что многимъ землевладѣльцамъ не чужды и другія чувства. Крестьянское движеніе заставило ихъ вдумчивѣе отнестись къ положенію крестьянской массы, понять всю его невозможность и сознать въ своей душѣ справедливость, если не всѣхъ, то очень многихъ изъ крестьянскихъ требованій.

— „Какъ можно удивляться, что крестьяне волнуются?—говорилъ помѣщикъ изъ с. Сальнаго *).—Если бы мы очутились въ тѣхъ же условіяхъ что крестьяне, мы волновались бы еще больше. Вы представьте себѣ только положеніе нашего мужика. Нашъ уѣздъ крупновладѣльческій, есть имѣнія въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ. И вотъ среди этихъ владѣній затеря-

*) Дмитріевскаго у. Курской губ.; съ этого села и начались въ данномъ уѣздѣ безпорядки.

лись сѣрыя, нищія, темныя деревни. Положеніе ихъ невозможное. Выгонитъ мужикъ лошадь—неизбѣжная потрава... и штрафъ. Выгонитъ корову, овецъ—то же. Курицу, кажется, и ту некуда выгнать. Въ морозы, напримѣръ, хату продуваетъ насквозь, а лѣсу у крестьянъ нѣтъ и топить, значитъ, нечѣмъ А пойдетъ въ лѣсъ собирать хворостъ,—опять штрафъ. И все штрафы, да штрафы. Теперь попробуйте поставить себя на мѣсто мужика и вообразить себѣ его настроеніе...“ *)

Подобные голоса изъ помѣщичьей среды слышатся все чаще и чаще. Они раздаются въ печати, въ общественныхъ и земскихъ собраніяхъ. Въ начавшихся судебныхъ процессахъ по поводу крестьянскихъ безпорядковъ помѣщики—иногда даже изъ пострадавшихъ—нерѣдко даютъ показанія въ пользу подсудимыхъ и въ яркихъ краскахъ рисуютъ всю безвыходность крестьянскаго положенія. Не только страхъ, но и совѣсть, повидимому, заставляетъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ идти на уступки.

Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія въ психологіи помѣстнаго сословія, несомнѣнно, долженъ произойти крупный переломъ. Я позволю себѣ и въ данномъ случаѣ сослаться на аналогію изъ промышленной жизни. Было время, когда наши фабриканты и заводчики каждую стачку разсматривали, какъ бунтъ, и знали противъ нея лишь одно средство—вооруженную силу. Они не хотѣли допустить и мысли, что рабочіе могутъ предъявлять къ нимъ какія-то требованія. Еще труднѣе было имъ примириться съ мыслью о государственномъ вмѣшательствѣ въ защиту интересовъ рабочихъ. Однако, теперь сами фабриканты ходатайствуютъ о ненаказуемости стачекъ, да и правомѣрность государственнаго вмѣшательства отрицать они уже не рѣшаются.

Въ средѣ помѣстнаго сословія крестьянское право также до сихъ поръ не только не пользовалось признаніемъ, но и отрицалось, если это только возможно, еще рѣшительнѣе. Достаточно напомнить, что не только стачки, но и уходъ съ работы даже единичнаго рабочаго по отношенію къ сельскому хозяйству въ нашемъ законодательствѣ до сихъ поръ квалифицируется, какъ уголовное преступленіе. Даже мысль о томъ, что помѣщики, какъ классъ, могутъ имѣть какія-то обязанности предъ крестьянствомъ, и что послѣднее можетъ предъявлять къ нимъ какія-то требова-

*) „Русскія Вѣдомости“, 25 апрѣля.

нія, для большинства, несомнѣнно, показалась бы дикой. Да и какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть обязанности? Крѣпостныя отношенія, когда помѣщикъ дѣйствительно какъ будто имѣлъ ихъ, уже ликвидированы, выкупныя свидѣтельства получены и проѣдены... Практика же жизни убѣждала все время нашихъ землевладѣльцевъ какъ разъ въ обратномъ, а именно, что не они, а крестьяне предъ ними обязаны и не въ правѣ уклониться отъ работы въ ихъ хозяйствахъ. Достаточно напомнить, что переселенія тормазились и воспрещались изъ-за того только, чтобы помѣщикъ не лишился рабочихъ или арендаторовъ. Впрочемъ, для характеристики помѣщичьей психологіи можно напомнить, пожалуй, еще болѣе характерный фактъ: московскіе землевладѣльцы усмотрѣли нарушеніе своего права въ томъ, что крестьяне ввели травосѣяніе, благодаря чему цѣны на помѣщичьи луга понизились... Даже либеральные землевладѣльцы въ своихъ воззрѣніяхъ не шли дальше экономической свободы: гражданская равноправность— это, по ихъ мнѣнію, былъ максимумъ того, на что могли претендовать крестьяне. Мысль о государственномъ вмѣшательствѣ въ отношенія между крестьянами и землевладѣльцами до послѣдняго времени была совершенно чужда обывательской средѣ. Даже наиболѣе благорасположенные къ крестьянству земскіе дѣятели не шли дальше пресловутаго „содѣйствія“ ему, въ родѣ кредитныхъ льготъ и удешевленія сельско-хозяйственныхъ орудій.

Теперь крестьянское правосознаніе поставлено на очную ставку съ помѣщичьимъ. Крестьянское право, бытіе котораго можно было только предполагать, воочію заявило о своемъ существованіи. Классъ землевладѣльцевъ, какъ оказалось, дѣйствительно имѣетъ обязанности. Это не остатки неправильно или не вполнѣ ликвидированныхъ крѣпостныхъ отношеній, какъ хотѣли бы себѣ представить нѣкоторые. Рѣчь идетъ не объ „отрѣзкахъ“ и не объ исправленіи „исторической ошибки“. Нѣтъ! въ русскомъ соціальномъ мірѣ народилось новое право—и землевладѣльцы уже вынуждены признать его.

Теперь они поняли, что должны считаться не съ крестьяниномъ только, какъ съ индивидуумомъ, который рынкомъ всецѣло подчиненъ ихъ власти, но и со всѣмъ крестьянствомъ, какъ классомъ. И они уже изъявили готовность начать съ нимъ переговоры. Я позволю себѣ привести не безъинтересные въ этомъ отно-

шеніи выдержки изъ газетнаго отчета о преніяхъ въ собраніи кутаисскихъ помѣщиковъ:

Г. Кикодзе. Мы обязаны примириться съ крестьянами и найти къ нимъ соотвѣтствующіе пути. Для этого необходимо избрать коммиссію изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ народа, и черезъ нее войти въ откровенные переговоры съ крестьянами какъ о причинѣ неудовольствія, такъ и относительно улаженія аграрныхъ недоразумѣній...

Г. Лордкипанидзе. Безземелье составляетъ основную причину крестьянскаго движенія, а затѣмъ арендная плата за землю. Нужно выработать такія условія, которыя были бы выгодны въ равной степени какъ для насъ, помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. А то намъ предлагаютъ плату по 2—3 р. за кцеву, когда самъ помѣщикъ платитъ за нее банку 5—6 руб. въ годъ...

Голоса: Какое дѣло крестьянину до платежей помѣщика, который могъ заложить эту землю даже за 10 руб. Цѣнится ея производительность.

Кн. Д. Цулукидзе. Крестьяне, дѣйствительно, живутъ въ крайней нуждѣ, имъ нужна помощь, и помощь существенная, а не теоретическая...

Кн. Д. О. Нижерадзе, уѣздный предводитель дворянства. Лично я стою очень близко къ крестьянамъ, и потому могу сказать, что лично противъ меня они никакого зла не питаютъ. Но по даннымъ обстоятельствамъ необходимо послать нашихъ представителей къ крестьянамъ, чтобы выяснить причины ихъ неудовольствія вообще на помѣщиковъ *).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ иниціативу переговоровъ между крестьянами и помѣщиками взяли на себя сельскохозяйственныя общества. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ роли посредника должна была выступить уѣздная земская управа. Нѣкоторыми губернскими земствами уже учреждены коммиссіи, которымъ поручено обсудить аграрный вопросъ при участіи крестьянскихъ выборныхъ. Въ систему государственныхъ преобразованій, проекты которыхъ въ настоящее время намѣчаются въ земскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, чаще и чаще вводятся различныя мѣры, имѣющія цѣлью существенныя преобразованія въ аграрномъ строѣ. Мысль о необходимости властнаго государственнаго вмѣшательства въ сферу земельныхъ отношеній пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ, и можно думать, что путь къ аграрной реформѣ до нѣкоторой степени уже расчищенъ и что сопротивленіе, какое она могла бы встрѣтить въ помѣщичьей психологіи, уже поколеблено.

---

*) „Тифлисскій Листокъ". Цитирую по перепечаткѣ въ „Руси" отъ 30 марта.

Конечно, значительная и, быть можетъ, даже большая часть помѣстнаго класса далека еще отъ признанія крестьянскаго права въ какой бы то ни было его части. Въ качествѣ наиболѣе рѣзкаго примѣра можно указать остзейскихъ бароновъ, которые обнаружили готовность даже съ оружіемъ въ рукахъ защищать всѣ свои соціальныя преимущества. Среди землевладѣльцевъ другихъ мѣстностей, несомнѣнно, также еще сильна вѣра въ полицейскую силу и далеко еще не умерла надежда, что жизнь войдетъ въ прежнюю колею и покатится въ прежнемъ направленіи. Не довольствуясь энергичной защитой, какую оказываетъ имъ государственная власть, нѣкоторые помѣщики и сами стремятся использовать свойственные послѣдней методы въ цѣляхъ охраны своихъ интересовъ. „Въ министерство внутреннихъ дѣлъ—какъ сообщилъ „Сынъ Отечества"—поступаетъ много ходатайствъ помѣщиковъ о разрѣшеніи организовать при ихъ имѣніяхъ вольную стражу-милицію. Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ слышала газета, увѣдомило губернаторовъ харьковской, полтавской и кіевской губерній, что имъ предоставляется право собственною властью разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организацію помѣщичьей милиціи. Разрѣшеніе на право пріобрѣтенія патроновъ и вооруженія должно быть выдаваемо военнымъ вѣдомствомъ" *). А. Н. Терещенко—по сообщенію той же газеты—еще въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ отъ военнаго вѣдомства разрѣшеніе организовать на собственныя средства для охраны своего имущества милицію изъ 150 казаковъ Донской области. Такая же милиція, по газетнымъ сообщеніямъ, учреждена и нѣкоторыми другими владѣльцами. Осенью за организацію милицій въ цѣляхъ охраны помѣщичьихъ усадебъ взялись даже нѣкоторыя земства.

Наибольшую энергію въ отстаиваніи своихъ интересовъ, какъ можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, помѣстное сословіе проявляетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ частновладѣльческое хозяйство стоитъ наиболѣе прочно. Это, конечно, и понятно: энергія въ отстаиваніи соціальныхъ преимуществъ прямо пропорціональна, такъ сказать, извлекаемымъ изъ нихъ доходамъ.

Едва ли однако эта часть землевладѣльческаго класса не разочаруется въ своихъ упованіяхъ, хотя бы и поддержанныхъ та-

*) «Сынъ Отечества», 27 апрѣля.

кимъ сильнымъ средствомъ, какъ собственная милиція. „Черкесы“ появились въ экономіяхъ центральныхъ губерніи уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ и ничего, кромѣ новаго озлобленія не внесли въ отношенія между крестьянами и помѣщиками. Частная милиція появилась также еще при покойномъ В. К. Плеве,—и все таки, какъ и учрежденные имъ же стражники, не предупредила безпорядковъ. Самая мысль о томъ, что хозяйство можно вести, оставаясь на военномъ положеніи съ сосѣдними крестьянами, если трезво взглянуть на дѣло, представляется несомнѣнною утопіею. Въ качествѣ иллюстраціи тѣхъ отношеній, въ какихъ приходится существовать частновладѣльческому хозяйству, когда сосѣдніе крестьяне озлоблены, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ сообщенія „Русскаго Слова“ о пожарѣ, имѣвшемъ весною мѣсто въ имѣніи гр. В. А. Бобринскаго въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

— «Въ 11 часовъ ночи,—разсказываетъ графъ Владиміръ Алексѣевичъ,—управляющій сообщилъ мнѣ по телефону, что въ Жданкѣ горитъ стогъ сѣна и ометъ ржаной соломы, и что пьяные крестьяне, собравшись всей деревней, ведутъ себя нехорошо,—препятствуютъ тушить огонь. Я понялъ, что пожаръ не простой. Вмѣстѣ съ исправникомъ Бахтинымъ мы поѣхали на хуторъ. Настроеніе у крестьянъ было въ высшей степени повышенное вслѣдствіе опьяненія. Они вырывали у рабочихъ цѣвки пожарныхъ трубъ, пытались повредить пожарные рукава, препятствовали „качать“ воду. Я старался показать, что не придаю особаго значенія пожару, какъ будто онъ простой, обычный. Многіе изъ крестьянъ, не менѣе 20-ти человѣкъ, принимали живое участіе въ тушеніи огня, не смотря на то, что въ нихъ летѣли полѣнья, камни. Обращаясь, повидимому, къ главарямъ, толпа крестьянъ орала:

— «Вотъ онъ, графъ-то! Теперь говорите. Что же вы молчите?

Послѣ этого,—разсказываетъ графъ,—мы съ исправникомъ рѣшили уѣхать. Пожаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 12 часовъ ночи, т. е. спустя часъ послѣ начала пожара въ Жданкѣ, на сахарномъ заводѣ, верстахъ въ 5-ти отъ этого хутора, была подожжена солома неизвѣстнымъ велосипедистомъ.

Приставъ 3-го стана Богдановъ, бывшій на пожарѣ до самаго утра, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. Крестьяне обращались къ нему и къ исправнику съ вопросами: Отчего русскій сахаръ дешевле за границей и тамъ имъ кормятъ свиней? Въ 2 съ половиной часа крестьяне стали расходиться. Нѣкоторые легли тутъ же у огня грѣться. По прибытіи солдатъ богородицкой команды разошлись и остальные. Во время самаго разгара пожара задержанъ 16-лѣтній Василій Казаковъ, пытавшійся, по словамъ рабочихъ, поджечь деревянную ригу.

— Прямыхъ уликъ нѣтъ, что пожаръ произошелъ отъ поджога жданскими крестьянами, — говорилъ мнѣ одинъ изъ полицейскихъ чиновъ. — Но поведеніе крестьянъ даетъ полное основаніе думать, что именно поджогъ произведенъ ими.

— Такъ говоритъ и самъ графъ, такъ говорятъ и служащіе на хуторѣ».

Собственная милиція, конечно, съумѣетъ разогнать толпу, которая мѣшаетъ борьбѣ съ пожаромъ. Но съумѣетъ ли она предупредить поджоги, „прямыхъ уликъ“ въ которыхъ не имѣется? Изобрѣтательности, вѣдь, нѣтъ предѣла и деревня можетъ придумать что-либо позамысловатѣе даже „неизвѣстнаго велосипедиста“. И не уйдутъ ли тогда вмѣстѣ съ остальной толпой и тѣ, которые теперь еще „принимаютъ живое участіе въ тушеніи?“ Да и что же это за жизнь, если сосѣди приходятъ около графскаго несчастья „грѣться?!“

Главное же, милиція стоитъ денегъ и уже въ силу этого такая роскошь доступна лишь немногимъ землевладѣльцамъ. Но и у нихъ она несомнѣнно отразится на доходахъ *). Еще сильнѣе на

---

*) Аткарскій землевладѣлецъ Солнцевъ „для охраны себя и своей семьи отъ особенно разнузданныхъ элементовъ населенія“ придумалъ болѣе дешевое, хотя и менѣе надежное средство. По словамъ „Саратовскаго Дневника“, онъ завелъ свору злыхъ договъ. Днемъ доги содержатся въ темномъ и тѣсномъ помѣщеніи, а ночью съ 10-ти часовъ вечера вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Собаки страшно злы, и населеніе положительно терроризовано ими. Крестьяне по ночамъ боятся выйти на собственный дворъ (усадьба г. Солнцева находится близь деревни и отдѣляется отъ послѣдней только небольшой канавкой). Даже экономическіе служащіе не осмѣливаются ночью выходить или входить въ экономію. Собаки, какъ сообщаетъ газета, однажды чуть не загрызли рабочаго, за что владѣлецъ былъ приговоренъ уѣзднымъ съѣздомъ къ штрафу. Это не образумило г. Солнцева. Черезъ мѣсяцъ собаки загрызли человѣка уже на смерть, и при томъ не около экономіи, а въ полѣ, въ подсолнухахъ... Ничто не ново подъ луною, и даже догамъ г. Солнцева можно найти въ исторіи предшественниковъ, хотя бы въ лицѣ тѣхъ псовъ, съ которыми американскіе плантаторы охотились на черныхъ невольниковъ. Это не предотвратило однако освобожденія негровъ. И аткарскіе доги, нужно думать, не задержатъ поступательнаго движенія русской жизни.

Изобрѣтательность можетъ, конечно, пойти и дальше. Осенью въ газетахъ появились извѣстія, что въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ помѣщики грозятъ поджечь и даже поджигаютъ деревни въ отместку за разгромленныя усадьбы. Это, конечно, довольно сильное средство въ гражданской войнѣ, но едвали оно годится для того, чтобы обезпечить возможность веденія хозяйства.

результатахъ частновладѣльческаго хозяйства скажутся, конечно, ненормальныя отношенія съ сосѣдями. Съ паденіемъ же доходовъ, естественно, уменьшится и энергія помѣстнаго сословія въ отстаиваніи своего „права“.

Съ этой точки зрѣнія крайне важными представляются тѣ уступки, какихъ уже добились крестьяне. „Установить фактъ— писалъ я прошлый разъ—еще не значитъ обезпечить свое право“. Но для того, чтобы установить право, крайне важно, чтобы оно опиралось на факты. Факты же, какіе обезпечило крестьянское движеніе, въ дѣйствительности гораздо значительнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе вѣроятныхъ ихъ послѣдствій.

Повышеніе заработной платы и улучшеніе другихъ условій жизни рабочихъ—даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе оказались уже неизбѣжными,—означаетъ замѣтное увеличеніе эксплоатаціонныхъ расходовъ. Вынесутъ ли эту прибавку частновладѣльческія хозяйства? Повышеніемъ техники они могли бы, конечно, съ избыткомъ наверстать новые расходы. Но въ томъ-то и дѣло, что наше частное хозяйство держится отнюдь не техникой и движется въ направленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ сельско-хозяйственной наукой. „Въ такъ называемомъ *хорошемъ* хозяйствѣ, владѣлецъ котораго пользуется въ округѣ репутаціей *хорошаго* хозяина—говорилъ земскій агрономъ Н. М. Ткаченко въ нижегородскомъ сельско-хозяйственномъ комитетѣ — ничего научнаго не оказывается, а хорошо это хозяйство или—вѣрнѣе—выгодно только потому, что окружающее населеніе по малоземелью и по другимъ причинамъ находится въ рукахъ крупнаго имѣнія“. Жизнь только что дала до нельзя яркую иллюстрацію къ этому высказанному два года тому назадъ отзыву. Я имѣю въ виду Долбенкинское имѣніе великаго князя Сергія Александровича (Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи) и принятую въ немъ систему хозяйства, какъ она обрисовалась въ судебномъ процессѣ по обвиненію сосѣднихъ крестьянъ въ разгромѣ этого имѣнія *).

*) Пользуюсь отчетами, напечатанными въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за 5, 7 и 10 іюля.

Имѣніе это безусловно „хорошее“ и, можетъ быть, даже одно изъ „лучшихъ“ въ Орловской губерніи. Достаточно сказать, что по показанію управляющаго А. Н. Филатьева оно даетъ чистаго дохода владѣльцу до 100—130 и болѣе тысячъ руб. въ годъ. Вознагражденіе управляющему, считая и участіе въ прибыли, достигаетъ 19,000 и болѣе рублей,—т. е. такой цифры, которою охотно удовлетворилась бы очень крупная научная сила. Какой образовательный цензъ имѣетъ г. Филатьевъ, изъ отчета не видно. Какъ бы то ни было, доходность имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое жалованье, онъ съумѣлъ поднять до очень высокой цифры. И этого ему удалось достигнуть, конечно, благодаря строго выдержанной системѣ.

„Стоящій во главѣ администраціи управляющій егермейстеръ двора его величества Филатьевъ—читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ—путемъ наложенія штрафовъ очень строго охранялъ интересы ввѣреннаго ему имѣнія отъ всякихъ, иногда даже незначительныхъ нарушеній крестьянъ“. По показаніямъ свидѣтелей штрафовались и крестьяне, и рабочіе, и служащіе. Поводы для штрафовъ были самые разнообразные: штрафовали за потравы, за „плохую работу“, за сборъ грибовъ и ягодъ, за куренье... „Напримѣръ, пріѣдетъ крестьянинъ съ возомъ на экономическій дворъ, закуритъ тамъ; его оштрафуютъ“. Или: „пріѣдетъ крестьянинъ на барскій дворъ купить хлѣба, закуритъ папиросу, и съ него возьмутъ, скажемъ къ примѣру, 80 коп. за отпущенный пудъ хлѣба и 25 коп. штрафа за куренье“.

Штрафовали (по 1 р. и по 2 руб.) за купанье въ экономическомъ озерѣ. Раздѣнется человѣкъ, а досмотрщики и захватятъ одежду. Или плати сейчасъ же штрафъ или иди нагишомъ по улицѣ.

Штрафовали „за неотданіе чести“. Одного крестьянина оштрафовали за то, что онъ перешелъ черезъ вспаханное поле... Впрочемъ всѣхъ поводовъ для штрафовъ не перечислить. Остановимся на тѣхъ, которые наиболѣе интересны для нашей цѣли.

Свидѣтель Рѣковъ (служащій въ экономіи и получающій жалованья 20 руб.)

въ 1904 г. уплатилъ до 75 руб., каковыя наказанія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 25 рублей за нетрезвое поведеніе, 25 руб. за то, что «солома была не въ порядкѣ», наконецъ, 25 руб. за то, что пала лошадь.

Послѣднее обложеніе свидѣтель снабдилъ слѣдующимъ любопытнымъ объясненіемъ: онъ былъ переведенъ изъ одного хутора въ другой; означенное выше животное находилось на томъ хуторѣ, *откуда* онъ перевелся; означенная скотина подохла черезъ 17 дней послѣ его перевода, и однако онъ все-таки былъ оштрафованъ.

Тотъ же Рѣковъ въ другой разъ былъ оштрафованъ на 100 руб. за то, что „не успѣлъ снять жатву". Гудовъ былъ оштрафованъ на 200 руб. за коровъ, „за то, что издохли коровы". Одинъ свидѣтель, получающій 15 руб. жалованья, былъ оштрафованъ на 15 руб. „за плохой уходъ жеребенка"; другой свидѣтель, получающій 35 руб. жалованья, былъ оштрафованъ на 20 руб. за то, что околѣлъ теленокъ и за то, что „былъ малъ умолотъ".

Такова Долбенкинская наука: штрафами она повышаетъ умолоты и ими же предупреждаетъ падежи.

Какую долю штрафы составляли въ общей суммѣ чистаго дохода по имѣнію, на судѣ не было выяснено. Можно, однако, думать, что не маленькую. На это указываютъ уже тѣ крупныя цифры отдѣльныхъ штрафовъ, примѣры которыхъ мною приведены. Несомнѣнно, что и съ крестьянъ, хотя по мелочамъ, въ общемъ собиралось не мало.

Въ показаніи помощника исправника г. Филиппова—читаемъ мы въ отчетѣ—интересенъ его разсказъ о претензіяхъ, рѣзко и бурно выраженныхъ многими изъ крестьянъ, въ той толпѣ, уже грозно настроенной, къ которой онъ вышелъ для ея убѣжденія и увѣщанія. Слышались между прочимъ фразы о тяготахъ штрафной системы. Отдѣльные крестьяне кричали: «я плачу 13 рублей штрафу», «я—18 руб.» «я—12 руб».

„Девять руб. въ годъ податей и двѣнадцать рублей штрафа, налагаемаго Долбенкинскимъ сенатомъ"—такъ защита въ лицѣ прис. пов. Муравьева резюмировала значеніе штрафовъ для каждаго крестьянскаго двора. Къ этому нужно только прибавить, что въ районѣ Долбенкинскаго имѣнія находится 40 деревень и всѣ онѣ пользуются отъ него „заработкомъ"...

Теперь читателю, конечно, вполнѣ понятно мое сомнѣніе относительно того, выдержатъ ли частныя хозяйства созданныя крестьянскимъ движеніемъ измѣненія въ условіяхъ оплаты наемнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что Долбинкинская экономія должна будетъ отказаться отъ штрафовъ и полностью выплачивать хотя бы теперешнее жалованье своимъ слу-

жащимъ и рабочимъ. Чистый доходъ, конечно, значительно сократится, а можетъ быть и вовсе исчезнетъ. Въ такихъ же условіяхъ, несомнѣнно, находятся и многія другія хозяйства. Нѣкоторые помѣщики, можетъ быть, и найдутъ еще возможнымъ продолжать хозяйство при измѣнившихся условіяхъ, довольствуясь меньшею доходностью, но другіе, несомнѣнно, вынуждены будутъ ликвидировать веденіе хозяйства за свой счетъ и перейти къ сдачѣ земли въ аренду.

Но и арендныя цѣны вѣдь понизились или понизятся. Такъ или иначе, но доходность земли упадетъ, упадетъ и ея цѣнность. „Наша Жизнь“, отмѣчая это обстоятельство, указываетъ и еще одну очень серьезную причину, которая въ ближайшемъ будущемъ должна повліять въ томъ же направленіи на земельныя цѣны. Благодаря войнѣ и общему разстройству экономической жизни, учетный и ссудный проценты значительно повысились. Это обстоятельство несомнѣнно отразится и на расцѣнкѣ земель. Если бы доходность ихъ и не понизилась, то цѣна ихъ всетаки упала бы, ибо если прежде земля капитализировалась изъ 4% приносимаго ею дохода (т. е. цѣнность превышала въ 25 разъ доходность), то теперь она должна капитализироваться изъ 5%, (отношеніе цѣнности къ доходности должно быть 20: 1). Пониженіе же доходности и цѣнности земель, при высокой ихъ задолженности, неизбѣжно скажется усиленной ихъ мобилизаціей.

Частному землевладѣнію предстоитъ такимъ образомъ пережить очень серьезный кризисъ. Измѣнятся способы извлеченія дохода, перемѣнятся владѣльцы... Не лишне будетъ прибавить, что кромѣ отмѣченныхъ уже причинъ, на усиленіе движенія земли окажетъ свое вліяніе и чисто психологическое обстоятельство. Благодаря крестьянскому движенію и порожденнымъ имъ страхамъ, усадьбы въ качествѣ „гнѣздъ“ уже утратили значительную долю своей привлекательности. Почти повсемѣстно помѣщичьи семьи покидаютъ имѣнія и перебираются на жительство въ городъ. „Намъ лично извѣстно,—писалъ между прочимъ корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Самары,—что совсѣмъ недавно проданы имѣнія въ 6.000 и 4.000 дес. Продажу имѣній и переселеніе помѣщиковъ связываютъ съ броженіемъ среди крестьянъ“.

Такъ или иначе, но многіе „прозябающіе“, какъ выразился одинъ крестьянинъ, помѣщики вынуждены будутъ въ этотъ критическій

моментъ народной жизни передать свои земли другимъ лицамъ. Съ точки зрѣнія аграрной реформы обстоятельство это имѣетъ громадное значеніе. Конечно, если моментъ будетъ упущенъ, то новые землевладѣльцы быстро укрѣпятся и успѣютъ вернуть все, что было уступлено ихъ предшественниками. Но мы можемъ надѣяться, что этого не произойдетъ и что аграрная реформа на этотъ разъ дѣйствительно осуществится.

Созданныя крестьянскимъ движеніемъ—субъективныя и объективныя, моральныя и матеріальныя—условія, несомнѣнно, уже въ достаточной степени подготовили для этого почву.

VI. Сущность аграрной проблемы.

— „Подумаешь, подумаешь,—какой еще жизни надо намъ отъ Бога просить, окромѣ крестьянской, ежели только бы маломальски благополучно утвердиться?“ *).

„Ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться“... Какое скромное желаніе, но какія глубокія и всестороннія нужны преобразованія, чтобы эта крестьянская мечта могла осуществиться! Для этого необходимо, чтобы измѣнились и матеріальныя основы крестьянской жизни, и правовой ея укладъ, и культурный ея уровень.

Несомнѣнно однако, что въ этой сложной и огромной проблемѣ вопросъ о землѣ занимаетъ центральное мѣсто. Такъ смотрятъ на дѣло крестьяне, у которыхъ этотъ взглядъ сложился какъ результатъ непосредственнаго ощущенія: „земли мало“, „съ сохой повернуться негдѣ“, „курицу и ту выпустить некуда“. Къ тому же выводу, послѣ неоднократныхъ блужданій въ разныхъ направленіяхъ, неизмѣнно всякій разъ приходила и общественная мысль. На вопросъ, что же именно мѣшаетъ многомилліонному народу благополучно утвердиться, вновь и вновь приходилось отвѣчать: прежде всего и больше всего крестьянское малоземелье.

Крестьянское малоземелье—вотъ формула, въ которую отлилась аграрная проблема въ Россіи. Но эту формулу, это внѣшнее

---

*) Сочиненія Г. И. Успенскаго. Т. I. Изд. 1897 г. «Избушка на курьихъ ножкахъ».

выраженіе основной народно-хозяйственной задачи многіе склонны принимать за самую ея сущность. И сейчасъ довольно многіе сторонники аграрной реформы озабочены больше всего тѣмъ, сколько нужно прибавить земли крестьянамъ и гдѣ можно взять ее. Съ другой стороны, изъ лагеря противниковъ реформы слышатся все тѣ же, давно извѣстныя возраженія, что это палліативъ, что земли не хватитъ или что черезъ нѣсколько лѣтъ ея опять будетъ мало.

Съ этими изрядно уже надоѣвшими аргументами я, пожалуй, даже согласенъ. Дѣйствительно, если земельную реформу представлять себѣ исключительно въ видѣ прирѣзки къ крестьянскому надѣлу по $^1/_2$ десятины на душу (а больше, пожалуй, „не хватитъ“, если не земли, то рѣшимости у сторонниковъ „дополнительнаго надѣленія“), то можетъ быть и не изъ-за чего огородъ городить. Прежде, чѣмъ эта „передышка“, какъ ее называютъ нѣкоторые, скажется какими-либо послѣдствіями въ народнохозяйственной жизни, мы опять будемъ стоять лицомъ къ лицу съ острымъ малоземельемъ. И не потому только, что вздохнувшее населеніе умножится, но и потому, что правящіе классы съумѣютъ очень быстро присвоить доходъ съ этой новой полъ-десятины такъ же, какъ они уже „капитализировали“ его и со всѣхъ прежнихъ.

Мнѣ приходилось уже не разъ указывать *), что сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается вовсе не въ томъ, что у крестьянъ тамъ или здѣсь не хватаетъ того или иного количества земли. Слѣдствіе нельзя смѣшивать съ причиной, и экономическое явленіе не должно заслонять отъ насъ соціальнаго противорѣчія, которое нашло въ немъ свое выраженіе.

Соціальное же противорѣчіе заключается въ томъ, что нашъ

*) См. «Земельныя нужды деревни». Отсылая читателей къ этой брошюрѣ, я ограничусь въ настоящемъ мѣстѣ изложеніемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ аграрной проблемы, какъ я ее понимаю. Считаю вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ оговориться, что аграрныя отношенія далеко не одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, благодаря чему и аграрная проблема не вездѣ имѣетъ тождественный характеръ. Такъ земельныя отношенія во внутренней Россіи нельзя приравнивать, напримѣръ, къ тѣмъ, какія сложились въ прибалтійскомъ краѣ, съ одной стороны, и въ киргизскихъ степяхъ—съ другой. Чтобы не осложнять свою задачу, я территоріально ограничу ее коренною Россіею.

крестьянинъ занимаетъ двусмысленное положеніе: въ сферѣ производства — онъ самостоятельный производитель, въ сферѣ же распредѣленія—батракъ, вынужденный довольствоваться заработною платою. На его плечахъ лежитъ громадная соціальная тяжесть— главная отрасль производства, застой въ которой неизбѣжно сказывается разстройствомъ во всемъ народно-хозяйственномъ организмѣ. Но эту тяжесть ему приходится вывозить при помощи заморенной клячи и чуть не допотопной сохи, ибо весь прибавочный продуктъ, за счетъ котораго только и можетъ совершенствоваться хозяйство, отбирается у него другими классами. Въ этомъ именно и заключается основная причина, какъ угнетеннаго состоянія сельско-хозяйственной промышленности, такъ и безъисходной нищеты и хроническаго голоданія русской деревни.

Не лишне будетъ напомнить, какимъ путемъ образовалось это соціальное противорѣчіе. Крестьяне были освобождены съ землей. Этимъ былъ заложенъ фундаментъ свободнаго трудоваго хозяйства,—къ этому, по крайней мѣрѣ, стремились защитники крестьянскихъ интересовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Но реформа опредѣлилась, какъ компромиссъ и при томъ очень невыгодный для крестьянства. Представители помѣщичьихъ интересовъ употребили всѣ усилія, чтобы обезпечить возможность веденія предпринимательскаго хозяйства, для чего, конечно, прежде всего нужно было создать источникъ необходимой для него рабочей силы. Въ этихъ видахъ не только были установлены „временно-обязанныя“ отношенія, но и самое надѣленіе землею произведено въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ крестьянство съ первыхъ же шаговъ новой жизни должно было почувствовать—и это не только сознательно, но и совершенно откровенно вводилось въ разсчетъ—„надобность въ помѣщикѣ“. Основаніемъ для опредѣленія размѣровъ „высшаго надѣла“ послужили данныя о крестьянскомъ землепользованіи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала *барщина*. Уже этимъ для помѣщичьихъ хозяйствъ былъ бы обезпеченъ запасъ „свободной“ рабочей силы, не меньшій того, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Но высшій или указной надѣлъ въ дѣйствительности получили далеко не всѣ крестьяне. „Положеніе“ допускало еще низшій надѣлъ, въ размѣрѣ $^1/_3$ высшаго, и кромѣ того еще даровой, въ просторѣчіи именуемый нищенскимъ. Въ итогѣ „свободной“ рабочей

силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ оказалось несравненно больше, чѣмъ сколько имѣло ея въ своемъ распоряженіи помѣщичье хозяйство до реформы.

„Свободной“,—конечно, въ томъ смыслѣ, какъ свободенъ извозчикъ, тщетно высматривающій себѣ сѣдока на биржѣ. Крестьяне не могли ее использовать въ собственномъ хозяйствѣ, но использовать ее было необходимо, такъ какъ иначе не возможно было удовлетворить даже тотъ уровень потребностей, какой свойствененъ былъ крѣпостному населенію, и даже при той численности послѣдняго, какую оно имѣло въ моментъ освобожденія. Между тѣмъ помимо удовлетворенія собственныхъ потребностей нужно было еще выплачивать громадные выкупные платежи не только за землю, но и за души. Такъ или иначе, но освобожденные крестьяне должны были сами закабалить значительную часть своей рабочей силы.

Съ помѣщичьей точки зрѣнія было важно однако, чтобы эта рабочая сила была закрѣплена за ними. Опасеніе, что крестьяне станутъ, какъ тогда выражались, „толпами бродить по Россіи“ и что въ концѣ концовъ найдутъ себѣ землю и работу внѣ помѣщичьяго хозяйства, также наложило свою печать на реформу. Освобожденный народъ былъ прикрѣпленъ къ отведенной имъ землѣ,—прикрѣпленъ выкупными платежами, круговой порукой и цѣлымъ рядомъ другихъ крѣпостныхъ остатковъ, связавшихъ крестьянскую личность. Одною изъ главныхъ задачъ всей дальнѣйшей пореформенной политики, сдѣлалась и до сихъ поръ остается, забота, какъ бы помѣщичье хозяйство не осталось безъ рабочей силы. Какъ я уже упоминалъ, переселенія тормазйлись; положеніе о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы грозитъ уголовными карами тѣмъ, кто броситъ помѣщичью работу; нежеланіе наниматься къ помѣщику приравнивается къ бунту. Самый институтъ надѣльнаго землевладѣнія все время поддерживался и совершенствовался въ такомъ направленіи, при которомъ крестьяне не могутъ бросить земли, но и не могутъ отлить свое хозяйство въ свободныя формы. Спустя почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, правительство задается, наконецъ, цѣлью „облегчить выходъ“ изъ этихъ сословныхъ рамокъ, но и то лишь для „индивидуально сильныхъ, умственно-переросшихъ крестьянскій міръ отдѣльныхъ крестьянъ“. Что касается крестьян-

ской массы, то „воспитанная въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшая къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученая измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка“, она, по проекту В. К. Плеве, и впредь должна служить „оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ тенденцій“, а стало быть и оставаться „во всемъ своемъ своеобразіи“ въ тискахъ „особливаго сословнаго строя“ *).

Въ результатѣ освобожденные крестьяне съ самаго начала очутились и до сихъ поръ остаются въ положеніи „подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ“. Послѣдствія произведенной и поддержанной въ этомъ направленіи реформы оказались однако совсѣмъ не тѣми, какихъ, быть можетъ, ожидали въ свое время реформаторы, увлеченные цвѣтущимъ состояніемъ основаннаго на „свободномъ“ трудѣ, западно-европейскаго, и въ особенности англійскаго земледѣлія. Трудъ оказался кабальнымъ, а не свободнымъ,—не свободнымъ даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ это необходимо для процвѣтанія капиталистическаго хозяйства.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ,—и въ Россіи все еще нѣтъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, какъ особаго класса. Нѣтъ и непредвидится. Функціи рабочаго въ помѣщичьемъ хозяйствѣ выполняетъ по прежнему крестьянинъ, или сынъ его, или братъ, или сватъ—словомъ кто-нибудъ изъ рода самостоятельныхъ производителей. Если не въ одномъ лицѣ, то въ одномъ дворѣ рабочій остается объединенымъ съ крестьяниномъ. Это, несомнѣнно, одна изъ крупныхъ особенностей аграрнаго строя, какъ онъ сложился во внутреннихъ губерніяхъ. На то, чтобы онъ сложился именно въ такомъ видѣ, были конечно, свои очень вѣскія причины.

Прежде всего наслѣдственное право. Правящіе классы не озаботились,—и можетъ быть, потому именно, что они чрезмѣрно увлеклись другою заботою, а именно: какъ бы удержать крестьянское населеніе въ деревнѣ,—и своевременно не установили ни

*) Очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

майората, ни минората для крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Только теперь, негодуя на привычку населенія „дробить землю“, нѣкоторые пришли къ идеѣ недробимыхъ участковъ. Порядокъ наслѣдованія не могъ и произвольно измѣниться въ данномъ направленіи. Помимо установившихся уже взглядовъ народа, не допускали этого и экономическія условія. Попавши сразу на путь эксплоатаціи, помѣщичье хозяйство не предлагало и не могло предложить, хотя бы временно, своимъ батракамъ такихъ условій, при которыхъ выступившимъ въ этой роли дѣтямъ было бы выгодно отказаться отъ доли въ наслѣдствѣ отцовъ. Обрабатывающая промышленность со своими несравненно болѣе выгодными заработками достигла въ этомъ отношеніи болѣе замѣтныхъ результатовъ и хотя часть „дѣтей“ удержала въ городѣ въ качествѣ освобожденныхъ рабочихъ. Но она ихъ удержала для себя, а не для сельскаго хозяйства. Съ другой стороны, обремененное сразу непосильными платежами, крестьянское хозяйство не могло бы давать необходимымъ при майоратѣ или миноратѣ выдѣловъ. Какъ бы то ни было, но этимъ путемъ—какимъ шли и у насъ нѣкоторыя окраины—сельско-хозяйственный пролетаріатъ во внутреннихъ губерніяхъ не могъ образоваться.

Былъ, конечно, другой путь,—не юридическаго, а экономическаго обезземеленія, обезземеленія не лицъ, а дворовъ. Тяжелыя матеріальныя условія, въ какихъ все время находилось крестьянство, несомнѣнно, благопріятствовали образованію такимъ путемъ безземельнаго пролетаріата. Но и на этомъ пути оказалось препятствіе—община. Сторонники предпринимательскаго хозяйства и ее, какъ крестьянскій дворъ, не рѣшились своевременно разрушить, благодаря, конечно, тѣмъ же крѣпостническимъ тенденціямъ, какія были все время такъ сильны въ ихъ средѣ. Только въ самое послѣднее время враждебное общинѣ теченіе усилилось въ средѣ правящихъ классовъ, хотя и не получило еще рѣшительнаго преобладанія въ правительственныхъ сферахъ,—не получило, конечно, потому, что интересы политики не всегда совпадаютъ съ интересами даже дружественной экономики.

Община въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала и существуетъ, конечно, безсильна сама по себѣ удержать населеніе отъ обезземеленія. Но, несомнѣнно, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ она оказалась очень серьезной помѣхой на пути къ

образованію сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Въ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ численность уже обезземелившагося, но оставшагося въ деревнѣ населенія ничтожна. Тамъ, можно сказать, совсѣмъ почти нѣтъ лицъ, которыя жили бы исключительно работой по найму въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. При наличности общины лишь городу удавалось „освобождать", да и то далеко не вполнѣ необходимыхъ ему рабочихъ. Что касается экономическихъ работъ, то онѣ всѣ почти выполняются крестьянскими хозяйствами въ цѣломъ ихъ видѣ сдѣльно или отдѣльными изъ ихъ состава лицами, нанимающимися на срокъ и поденно.

Впрочемъ, и въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, хотя численность безземельнаго населенія значительна, однако, оно до сихъ поръ не обособилось отъ крестьянства въ качествѣ особаго класса. Сливаясь съ крестьянской массой, оно имѣетъ и общую съ нимъ психологію. И вѣковыя традиціи, и экономическія условія заставляютъ эту, уже обезземелившуюся часть населенія, все время тяготѣть къ собственному хозяйству. Даже среди городскихъ рабочихъ, какъ извѣстно, можно подмѣтить ту же „тягу", и въ русской исторіи за послѣднія десятилѣтія уже бывали случаи, что подъ вліяніемъ измѣненія въ общихъ экономическихъ условіяхъ, происходило „обращеніе къ землѣ" очень многихъ изъ тѣхъ, кто, казалось, окончательно переселился въ городъ. Тѣмъ сильнѣе эта тяга ощущается въ деревнѣ и особенно среди населенія, еще очень недавно разлученнаго со средствами производства. Тяга эта даже неизбѣжна въ виду того, что и въ данныхъ мѣстностяхъ та часть крестьянства, которая еще сохранила собственное хозяйство, принимаетъ видное участіе въ экономическихъ работахъ, благодаря чему и всѣ отношенія складываются подъ давленіемъ этого факта.

Давленіе же это громадное и всесторонее. Объединеніе въ одномъ дворѣ и нерѣдко даже въ одномъ лицѣ крестьянина и рабочаго роковымъ образомъ сказывается на положеніи того и другого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всемъ народномъ хозяйствѣ. Есть пословица: „коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть",—и она какъ нельзя болѣе примѣнима въ данномъ случаѣ къ положенію крестьянина. Необходимость продать хоть часть своей силы, необходимость отдать въ наемъ хотя бы нѣкоторыхъ членовъ семьи неизбѣжно обращаетъ бюджетъ самостоятельнаго производителя

въ бюджетъ пролетарія. Въ самомъ дѣлѣ, предъ крестьяниномъ стоитъ такая дилемма: снять у землевладѣльца въ аренду землю или идти въ батраки къ нему. Онъ предпочтетъ, конечно аренду, уплативъ за землю столько, что ему останется лишь заработная плата. Такимъ путемъ онъ сохранитъ хоть тотъ плюсъ, что самъ себѣ останется хозяиномъ. На этомъ, однако, дѣло не остановится и не можетъ остановиться. Передъ этой перспективой бросить свое хозяйство и идти въ батраки онъ пойдетъ и на дальнѣйшія уступки. Онъ уступитъ еще часть прибавочнаго продукта, получаемаго съ земли, которая принадлежитъ ему на правѣ надѣла или собственности. Идите дальше. Крестьянину не хватаетъ нѣсколькихъ рублей, чтобы свести концы съ концами,—и вотъ онъ, не желая все еще бросить хозяйства (да, и какъ его бросить? вѣдь ликвидація, не говоря о прочемъ, тоже грозитъ убытками)—берется обработать „кругъ“ за 10—12 рублей, тогда какъ освобожденному рабочему, чтобы онъ не умеръ съ голоду, помѣщикъ за ту же работу долженъ былъ бы уплатить, можетъ быть, 20 рублей. Недовыручку въ заработной платѣ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, крестьянинъ покрываетъ прибавочнымъ продуктомъ, создаваемымъ въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ же поступаетъ онъ, отдавая сына въ батраки или отправляя его въ промыслы. Подъ тѣмъ же давленіемъ складываются и всѣ другія экономическія отношенія крестьянина. Въ конечномъ счетѣ онъ отдаетъ весь прибавочный продуктъ своего хозяйства,—всю прибыль и всю ренту, довольствуясь самъ лишь заработной платой. Это не апріорныя только соображенія. На основаніи данныхъ о 1313 крестьянскихъ бюджетахъ, мнѣ пришлось въ свое время показать въ цифровыхъ знакахъ, что то, что крестьянинъ получаетъ въ собственномъ хозяйствѣ, и то, что онъ зарабатываетъ на сторонѣ, составляетъ по отношенію другъ къ другу лишь ариѳметическое дополненіе до уровня заработной платы *). Въ дѣйствительности этотъ уровень нерѣдко спускается и еще ниже, ибо крестьянинъ имѣетъ возможность дѣлать уступки не только за счетъ текущихъ поступленій въ его хозяйствѣ, но и за счетъ

*) См. брошюру: „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“. См. по этому вопросу также упомянутую выше другую мою брошюру: „Земельныя нужды деревни“.

основного капитала. И въ этомъ экономическомъ положеніи—на границѣ между разоряющимся хозяиномъ и уже освобожденнымъ отъ необходимости разоряться пролетаріемъ—онъ будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится его соціальныя позиція.

Двусмысленное соціальное положеніе крестьянина тяжело сказывается и на положенія освобожденнаго рабочаго. У него нѣтъ „ариѳметическаго дополненія", ему не изъ чего дѣлать уступки. Но бокъ-о-бокъ съ нимъ работаетъ крестьянинъ, который можетъ ихъ дѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ. Благодаря этому уровень заработной платы рабочаго все время грозитъ упасть ниже уровня его жизненныхъ потребностей. На городскомъ рынкѣ, гдѣ освобожденные рабочіе составляютъ компактную массу, достаточно сильную, чтобы отстаивать свои интересы, и гдѣ вообще крестьянское вліяніе слабѣе *), это не такъ еще замѣтно. Въ общемъ городская заработная плата служитъ даже защитой для крестьянина, чѣмъ, конечно, и объясняется хоть нѣкоторый прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наблюдаемый, какъ извѣстно, лишь въ мѣстностяхъ съ широко развитымъ промысловымъ отходомъ. Но и въ городѣ, въ случаяхъ усиленнаго наплыва крестьянъ, заработная плата нерѣдко падаетъ много ниже своего нормальнаго уровня. Что касается деревенскаго пролетарія, то его положеніе подъ вліяніемъ крестьянской конкурренціи, совершенно безвыходно. Удержать свою заработную плату на уровнѣ своихъ жизненыхъ потребностей онъ не въ силахъ. Въ этомъ, можетъ быть, и заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему сельско-хозяйственный пролетаріатъ въ качествѣ особаго класса у насъ не могъ образоваться. И это, конечно, особенно сильно заставляетъ деревенскаго пролетарія тянуться къ землѣ и собственному хозяйству. Помимо всего прочаго, онъ долженъ имѣть „ариѳметическое дополненіе", чтобы не умереть съ голоду.

Уступившій весь прибавочный продуктъ крестьянинъ, само собою понятно, не можетъ совершенствовать свое хозяйство. Этимъ прежде всего и объясняется, конечно, застой и даже регрессъ, наблюдаемый, за исключеніемъ самыхъ немногихъ мѣстностей, въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но и предпринимательское хозяйство въ

*) Приведенныя въ брошюрѣ: „Крестьяне и рабочіе" данныя показываютъ, что заработная плата тѣмъ выше, чѣмъ рынокъ дальше отъ деревни.

сферѣ сельско-хозяйственной индустріи развиваться не можетъ. За счетъ прибавочнаго продукта, вырабатываемаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за счетъ не только настоящихъ, но также прошлыхъ и будущихъ его доходовъ, цѣны на землю поднялись уже до неимовѣрной высоты. Рента поглощаетъ всю прибыль и даже часть заработной платы. Это значитъ, что землевладѣльцу выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянамъ, чѣмъ вести собственное хозяйство, а стороннему капиталисту не выгодно вкладывать капиталъ въ сельско-хозяйственное предпріятіе, такъ какъ за землю нужно заплатить такую цѣну, которая вовсе не оправдывается ея доходностью. Впрочемъ, собственное хозяйство вести можно, но не иначе какъ путемъ массовой эксплоатаціи рабочихъ и окрестнаго населенія. И капиталъ въ землю можно вкладывать но опять-таки не иначе, какъ въ разсчетѣ присвоить доходы крестьянскаго хозяйства. Путь же техническаго прогресса для частнаго хозяйства закрытъ, ибо онъ оказывается невыгоднымъ, т. е. менѣе выгоднымъ, чѣмъ путь эксплоатаціи. И это, конечно, не случайность, что „хорошимъ“ хозяйствомъ у насъ называется такое, въ которомъ ничего научнаго нѣтъ, а есть только штрафы. Такова властная экономическая конъюнктура. Вліяніе отмѣченнаго мною факта можно было бы прослѣдить и дальше. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы читатель уяснилъ себѣ сущность аграрной проблемы. Суть ея не въ томъ, чтобы прибавить крестьянину одну или двѣ десятины, а въ томъ, чтобы измѣнить его соціальное положеніе,—въ томъ, чтобы сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ онъ и долженъ быть, т. е. хотя бы въ сферѣ сельскаго хозяйства сдѣлать его дѣйствительно самостоятельнымъ производителемъ.

Для этого же необходимо освободить его отъ работы въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. И нужно освободить совсѣмъ. Нужно помнить, что, если хотя коготокъ увязнетъ, то и всей птичкѣ пропасть придется.

VII. Сущность аграрной проблемы.

(*Продолженіе*)

Освободить крестьянина отъ работы на помѣщика, освободить его отъ обязанностей подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора,— такова самая важная и неотложная народно-хозяйственная потребность въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Этимъ не исчерпываются, однако, задачи, какія можно и должно ставить аграрной реформѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что крестьянское трудовое хозяйство уже втянуто въ сферу мѣновыхъ отношеній и что въ этой атмосферѣ еще долго ему придется жить и развиваться. Благодаря этому, крестьянина нельзя разсматривать, какъ изолированнаго производителя; не сдѣлается уже онъ такимъ и послѣ того, какъ окончательно порвется „цѣпь великая“. Его хозяйство тысячами нитей связано со всѣми другими земледѣльческими хозяйствами страны, находится въ зависимости отъ нихъ и само оказываетъ на нихъ очень сильное вліяніе [1]). Важны поэтому не только отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но и взаимныя отношенія между ними, какъ между сельско-хозяйственными производителями.

Первостепенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ размѣщеніе сельско-хозяйственнаго населенія на территоріи страны.

---

[1]) Общественный характеръ крестьянскаго хозяйства, конечно, не ограничивается рамками сельско-хозяйственнаго производства. При посредствѣ того же рынка оно тѣснѣйшимъ образомъ связано и со всѣми другими сторонами народнаго хозяйства. Поэтому-то между прочимъ мы и придаемъ такое громадное значеніе аграрной реформѣ. Если въ сферѣ земледѣльческаго производства упрочится трудовое хозяйство, то этимъ до извѣстной степени будетъ предрѣшено направленіе и всей остальной народно-хозяйственной жизни. Подъ давленіемъ этого—громаднаго по своимъ размѣрамъ—факта будутъ складываться всѣ другія общественныя отношенія, имъ же будетъ опредѣляться и сознательное вмѣшательство организованныхъ общественныхъ силъ въ стихійный ходъ экономической эволюціи. Другими словами: мы надѣемся, что крестьянское трудовое хозяйство послужитъ исходной точкой и надежной опорой для переустройства всей соціальной жизни на трудовыхъ началахъ.

Мнѣ приходилось уже указывать, что оно сохраняетъ до сихъ поръ несвободный характеръ и далеко не совпадаетъ съ требованіями рынка.

Нельзя упускать изъ виду,—писалъ я,—что мы живемъ въ странѣ, колонизаціонную работу въ которой отнюдь нельзя считать завершившеюся. Начатая задолго до возникновенія государственности, эта работа имѣла когда-то широкій размахъ. Предоставленное самому себѣ и своему хозяйственному инстинкту, населеніе быстро заселяло огромную равнину, смѣло врѣзаясь съ топоромъ въ чащу дѣвственнаго лѣса и шагъ за шагомъ поднимая цѣлинныя земли столь же дѣвственной степи. Какъ ни примитивно было хозяйство, какъ ни слабы были общественные навыки, населеніе успѣшно справлялось съ этой нелегкой задачей... Монгольское иго надолго, однако, затруднило колонизаціонную работу населенія: своими набѣгами и поборами татары ослабили его хозяйственную силу и преградили ему дорогу къ благодатному югу... Въ интересахъ внѣшняго могущества государство закрѣпостило всѣ слои населенія и прервало ту работу, ради которой было создано: оно прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, закрѣпило ихъ за помѣщиками. Колонизаціонная работа могла происходить только тайкомъ, піонерами новыхъ мѣстъ должны были сдѣлаться бѣглые: бѣглые завладѣли Сибирью, бѣглые заселили Новороссію. По мѣрѣ того, какъ крѣпла внутренняя государственная организація, эта „вольная“ колонизаціонная работа становилась все слабѣе и постепенно сошла на нѣтъ. Вольную,—хотя бы условно только вольную,—колонизацію смѣнила принудительная: крестьянъ продавали „на свозъ“ и отправляли въ ссылку. Едва ли нужно говорить, что выгода помѣщика и велѣніе уголовнаго закона далеко не всегда совпадали съ хозяйственными потребностями трудящагося населенія *).

Реформа 1861 г. въ сущности закрѣпила это подневольное размѣщеніе сельско-хозяйственнаго населенія. Созданный ею аграрный строй въ связи съ аграрной политикой пореформеннаго времени поставилъ новыя непреодолимыя преграды на пути основного народно-хозяйственнаго процесса.

Въ настоящее время, если не считать промежуточныхъ формъ, мы имѣемъ три института собственности на землю: а) государственное землевладѣніе, б) надѣльное и в) частное. Государственныя земли, составляющія наибольшую часть территоріи, въ теченіе долгаго времени оставались почти совершенно недоступными для колонизаціи. Переселенія не только не поощрялись, но и преслѣдовались. Хотя жизнь въ концѣ концовъ и заставила легализировать эту форму колонизаціоннаго процесса, однако, она

*) „Земельныя нужды деревни“. Стр. 78—79.

до сихъ поръ не получила того развитія, какое отвѣчало бы, съ одной стороны, необъятному пространству государственнаго земельнаго фонда, съ другой—до нельзя обострившимся потребностямъ многомилліонной земледѣльческой массы. Государственныя земли въ громадной ихъ части остаются неустроенными и въ культурномъ отношеніи неизвѣданными.

Надѣльныя земли—эта важнѣйшая въ производственномъ отношеніи часть территоріи—закрѣплены за сословіемъ, хуже того: за мелкими его группами, за отдѣльными дворами и селеніями. Благодаря этому, въ предѣлахъ даже надѣльной площади крестьянство, взятое во всей его массѣ, свободно разселиться не можетъ. Государство заставило крестьянъ *выкупать*, но лишило ихъ права *продавать* надѣльныя земли. Въ результатѣ крестьяне оказались привязанными къ своей „собственности", каковая уже оплачена ими сверхъ ея стоимости. И каждая деревня, каждый дворъ держатся за отведенные имъ клочки тѣмъ упорнѣе, что податься со своимъ хозяйствомъ имъ рѣшительно некуда. Переселеніе за многія тысячи верстъ на казенныя земли сопряжено съ такими затрудненіями, лишеніями и расходами, что выполнить эту операцію далеко не всѣ могутъ. Двѣсти тысячъ душъ,—максимумъ, котораго достигало переселенческое движеніе,—въ сравненіи со стомилліонной массой и его до нельзя острой нуждой въ землѣ, представляетъ въ сущности совершенно ничтожную цифру. Всѣ же болѣе близкія и болѣе мягкія земли,—безъ заселенія коихъ дальняя колонизація оказывается особенно нераціональной,—захвачены частнымъ владѣніемъ.

Въ эту сторону, какъ извѣстно, и направилась первая по освобожденіи переселенческая волна. Юго-восточныя степи и Сѣверный Кавказъ въ значительной мѣрѣ заселены уже въ пореформенное время выходцами изъ внутреннихъ губерній, пріобрѣвшими здѣсь земли для поселенія путемъ покупки или на правѣ аренды. Но цѣны на землю въ этихъ мѣстахъ стали быстро возрастать и начавшееся развиваться въ этомъ направленіи движеніе очень скоро дало осѣчку. Вести колонизаціонную работу на основѣ частной поземельной собственности крестьянство оказалось не въ силахъ. Для этого нужны были капиталы, какими оно не располагало. Чтобы выполнить свою провиденціальную миссію и получить свою долю въ общественномъ доходѣ, т. е. заработную

плату, оно стало высылать изъ году въ годъ милліоны рабочихъ рукъ въ „новыя мѣста“ на косовицу. Со своимъ же собственнымъ хозяйствомъ крестьяне продолжали и продолжаютъ тѣсниться на прежнихъ, все болѣе и болѣе съуживающихся, „загончикахъ“.

Я уже говорилъ, на какихъ условіяхъ, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, только и можно расширить эти загончики. Для этого нужно отдать сосѣднему помѣщику не только весь прибавочный продуктъ съ его земли, но и поступиться еще частью заработной платы. Въ данномъ случаѣ важно отмѣтить другой результатъ созданнаго крестьянской реформой аграрнаго строя. Если крестьяне были прикрѣплены къ отведеннымъ имъ надѣламъ въ качествѣ „вѣрной статьи дохода“ для своего бывшаго помѣщика или его правопреемниковъ, то этимъ самымъ и помѣщичья земля была закрѣплена за ними,—закрѣплена, конечно, непомѣрно высокой цѣной, какую они соглашаются платить за нее, и непомѣрно низкой заработной платой, за которую они соглашаются на ней работать. Благодаря этому, внутренняя имиграція сельско-хозяйственнаго населенія сдѣлалась невозможною. И мы знаемъ, что въ дѣйствительности ея нѣтъ. Если же кое-гдѣ въ хозяйственную жизнь и внѣдряются еще пришлые элементы, то мѣстное населеніе относится къ нимъ,—какъ, напримѣръ, къ „латышамъ“ въ Тверской губерніи,—въ высшей степени недоброжелательно, а то и прямо,—какъ напримѣръ, къ полтавскимъ „богатѣямъ“, скупившимъ для переселенія нѣкоторыя имѣнія въ Курской и Харьковской губерніяхъ,—съ ненавистью. Этотъ процессъ закрѣпленія земли происходитъ и въ южныхъ степяхъ. Напомню хотя бы давно уже начавшія тамъ портиться отношенія къ „иногороднимъ“. Теперь же онъ принялъ до нельзя острую форму: мѣстные крестьяне силой гонятъ пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній рабочихъ. Скоро каждая губернія, каждая деревня будетъ обведена своею „чертою осѣдлости“.

Такимъ образомъ, при данномъ аграрномъ строѣ каждая частичка территоріи должна самостоятельно развивать свою емкость и для этого каждая мѣстность, каждое селеніе и даже каждое отдѣльное хозяйство должны развивать свои производительныя силы внѣ связи съ другими. Но вѣдь всѣ сельско-хозяйственные производители уже объединены рынкомъ. Сибирскіе крестьяне

во многихъ мѣстахъ должны переходить къ трехполью, но ихъ хлѣбъ, чтобы попасть на рынокъ, долженъ пересѣчь мѣстности съ переложнымъ или подсѣчнымъ хозяйствомъ. Можетъ ли при такихъ условіяхъ названный переходъ быть не только безболѣзненнымъ, но и хотя бы въ конечномъ счетѣ, раціональнымъ? Орловскому крестьянину не остается иного выхода, какъ перейти на своемъ загончикѣ къ огородной культурѣ злаковъ. Но можетъ ли онъ это сдѣлать, если бы у него даже и имѣлись необходимыя для этого знанія и средства, когда въ южныхъ, болѣе близкихъ къ рынку, губерніяхъ еще не выпаханы ковыльныя степи? Г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“, ссылаясь на китайцевъ, совѣтовалъ какъ-то русскому мужику собирать свое удобреніе въ банки. Но, вѣдь, тамъ, на югѣ, навозъ вываливается еще въ овраги. Можетъ ли екатеринославскій крестьянинъ перейти къ стойловому содержанію скота, когда рядомъ съ его клочкомъ выращиваются на подножномъ корму цѣлые косяки лошадей и пасутся обширныя стада мериносовъ?.. Я беру наиболѣе рѣзкіе примѣры, но то же самое давленіе однѣхъ мѣстностей и однихъ хозяйствъ на другія сказывается, конечно, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: имъ опредѣляются и системы хозяйства, и сѣвообороты, и пропорція посѣвовъ, и число, и глубина вспашекъ... Потребности умножающагося населенія требуютъ интенсификаціи, а она—по условіямъ рынка—невозможна, не раціональна, убыточна...

Привычка—вторая натура. Мы свыклись и даже не замѣчаемъ воздушнаго давленія. Не замѣчаемъ мы и этого аграрнаго давленія въ сельско-хозяйственной сферѣ. Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ распахиваетъ „неудобь“ вмѣсто того, чтобы лишній разъ вспахать прежнюю полосу? Почему онъ отправляетъ сына въ чужедальнюю сторону на косовицу вмѣсто того, чтобы заставить его перекопать заступомъ свою собственную землю? Вѣдь есть же въ этомъ разсчетъ, не одно же это сплошное „невѣжество“? Не потому ли, что коса въ степи даетъ въ конечномъ счетѣ всетаки больше, чѣмъ заступъ дома? Когда его прогонятъ оттуда, онъ можетъ быть и возьмется за заступъ. Но будетъ ли эта затрата труда раціональна? будетъ ли эта вынужденная интенсификація выгодна? Въ Суджанскомъ сельско-хозяйственномъ комитетѣ крестьяне одной деревни жаловались, что

помѣщикъ лишилъ ихъ пастбища и они вынуждены большую часть лѣта держать скотъ дома. Вѣдь это, если хотите, „стойловое содержаніе скота“. Почему же крестьяне, сдѣлавшіе такой прыжокъ въ своемъ хозяйствѣ, воютъ? Неужели только изъ-за своего невѣжества? Когда на Тверскую губернію былъ распространенъ лѣсоохранительный законъ, то жители Осташковскаго уѣзда вынуждены были отъ „лядъ“ и „нивъ“ перейти къ трехполью. Казалось, чего бы лучше? Однако, въ уѣздѣ начались голодовки...

При неправильномъ, не отвѣчающемъ требованіямъ рынка, размѣщеніи населенія, интенсификація, если и можетъ имѣть мѣсто, то почти исключительно такого вынужденнаго характера. Уже въ силу этого обстоятельства, не говоря о прочемъ, производительныя силы сельско-хозяйственнаго населенія, при данномъ аграрномъ строѣ, не могутъ поспѣвать за возрастаніемъ его численности. Необходимо, чтобы населеніе получило возможность свободно разселиться и свободно перемѣщаться въ предѣлахъ всей находящейся въ его обладаніи территоріи. Рынокъ диктуетъ свои велѣнія даже изъ-за океана, онъ мѣняетъ ихъ чуть не ежедневно,— и нельзя подвластное ему населеніе держать на привязи.

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что „черта осѣдлости“ проведена не только между деревнями, она проведена между ними и городомъ. Раньше крестьянинъ былъ привязанъ къ землѣ непосильными платежами и круговой порукой. Чтобы „оправдать“ себя, онъ отправлялъ сына въ дальніе промыслы, отправлялся самъ и „спуста“ платилъ подати. Трудомъ и лишеніями онъ „окупилъ“ данный ему надѣлъ и до извѣстной степени свыкся съ мыслью, что это его собственность. Она имѣетъ уже цѣнность: сверхъ уплаты податей, за землю даютъ уже „верхи“, хотя бы въ размѣрѣ пяти рублей въ годъ за душу. Но реализировать эту цѣнность онъ не можетъ. Чтобы покончить свои счеты съ землей, онъ долженъ отказаться отъ надѣла, т. е. отказаться отъ пяти рублей „верховъ“, а вѣдь это значитъ — бросить сторублевку. Сдѣлать это съ легкою душою крестьянинъ, конечно, не можетъ, и онъ держится за надѣлъ, держится тѣмъ упорнѣе, что устроиться въ городѣ, особенно съ семьею, трудно, а вернуться назадъ, въ случаѣ неудачи, еще труднѣе. Экономическая необходимость въ концѣ-концовъ преодолѣваетъ это упорство и подкравшееся раз-

зореніе такъ или иначе обрываетъ цѣпь „собственности“, связывающую крестьянина съ надѣломъ. Въ обходъ юридическихъ нормъ жизнь выработала даже формы „продажи“ надѣльной земли. Исшествіе изъ деревни, какъ ни затруднено оно, всетаки происходитъ. Но обратное движеніе — проникновеніе въ деревню новыхъ трудовыхъ элементовъ — почти совершенно отсутствуетъ. На казенныя земли ихъ не пускаютъ, надѣльныя земли имъ не доступны, покупка частновладѣльческой земли, при вздутыхъ цѣнахъ на нее, для малозажиточныхъ группъ населенія непосильна. Въ первое время по освобожденіи начали было возникать мѣщанскіе поселки на купчей землѣ, наблюдались случаи пріема иносословныхъ членовъ въ крестьянскія общины, но теперь къ землѣ имѣютъ доступъ лишь спекулянты. Земледѣльческое населеніе страны обратилось въ какую-то касту, совершенно почти лишенную притока свѣжихъ элементовъ.

„Деревня, — какъ я резюмировалъ въ другомъ мѣстѣ эти послѣдствія аграрнаго строя,—обратилась въ своего рода гетто, лишенное свѣта и воздуха. И люди мрутъ въ немъ отъ цынги и тифа. Впрочемъ, умирать безропотно они больше не желаютъ и уже требуютъ себѣ хлѣба, свѣта и свободы... Пришла пора это гетто разрушить“ *).

Повторяю: размѣщеніе населенія на территоріи и распредѣленіе его между городомъ и деревней—основной процессъ народнохозяйственной жизни. И аграрная реформа должна найти такую форму земельныхъ отношеній, при которой онъ могъ бы имѣть свободное и безостановочное теченіе.

Западная Европа—худо ли, хорошо ли—рѣшила эту проблему путемъ обращенія земли въ личную собственность. Такимъ путемъ населеніе получило тамъ возможность свободно размѣститься на территоріи, — „свободно“, конечно, въ томъ условномъ смыслѣ, какъ это понимается въ буржуазномъ обществѣ. При всей несправедливости этой системы съ точки зрѣнія распредѣленія имущественныхъ благъ, она, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ—хотя и то не всегда—интересамъ производства.

Несомнѣнно, что и у насъ найдутся сторонники такого же рѣшенія аграрной проблемы, хотя сейчасъ — въ виду волнующихся

*) Земельныя нужды деревни“, стр. 149.

крестьянскихъ массъ—они и не рѣшаются выдвигать свои проекты. Мнѣ приходилось уже говорить *), что идти этимъ путемъ для насъ невозможно. Начавъ распродажу подлежащихъ обработкѣ государственныхъ земель и обративъ надѣльныя земли въ личную собственность ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, мы рискуемъ не только не освободить отъ земельнаго собственника, но и еще больше закабалить ему сельско-хозяйственнаго производителя. Главное же, эпоха хроническихъ голодовокъ и затяжного раззоренія крестьянскихъ массъ неизбѣжно почти должна будетъ завершиться въ такомъ случаѣ быстротечной ихъ пролетаризаціей. Такую перспективу, конечно, можно было рисовать въ качествѣ неизбѣжнаго послѣдствія стихійной эволюціи, но ставить пролетаризацію крестьянства въ качествѣ цѣли для сознательнаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь не рѣшатся теперь даже фанатики „классовыхъ противорѣчій“. Жизнь требуетъ аграрной реформы, чтобы упрочить экономическое положеніе массы, а не для того, чтобы довести ее до окончательнаго раззоренія. Когда на крестьянскомъ съѣздѣ нѣкоторые стали возражать противъ проекта обращенія всей земли въ государственную собственность, „ссылаясь на то, что онъ не соотвѣтствуетъ историческому ходу жизни“, то съ разныхъ сторонъ послышались рѣзкія замѣчанія:

— „Намъ ѣсть нечего... Здѣсь дѣло идетъ о жизни и смерти милліоновъ народа, а вы тамъ о какомъ-то историческомъ ходѣ“...**) И несомнѣнно, что активное состояніе крестьянства въ эту критическую эпоху народной жизни можетъ и исторію заставить свернуть съ проторенной дороги.

А другая дорога есть, ибо мы какъ разъ находимся на распутьи. Если нельзя повернуть въ сторону личной собственности, то нужно повернуть въ сторону государственной. И такое направленіе аграрной реформы представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ при данныхъ условіяхъ даже съ той точки зрѣнія, съ какой мы разсматривали ее на предыдущихъ страницахъ. Нужно снять запретъ съ земель казенныхъ, нужно освободить отъ путъ собственности надѣльныя, нужно разгородить частно-

*) См. „Земельныя нужды деревни“.

**) „Русь“, 7 августа.

владѣльческія. Нужно вернуть русскому народу его землю и тогда онъ размѣстится на ней, какъ того требуютъ его хозяйственныя потребности.

Тогда опредѣлится и дѣйствительная емкость не только всей территоріи, но каждой ея частички. Всѣ же теперешніе разсчеты, хватитъ или не хватитъ земли, представляются болѣе, чѣмъ гадательными. Какъ въ самомъ дѣлѣ разсчитать, сколько могутъ вмѣстить населенія хотя бы южныя и юго-восточныя степи, когда на мѣстѣ обширныхъ латифундій обоснуются тамъ крестьяне, приходящіе теперь туда лишь на косовицу? Система вѣдь хозяйства измѣнится, и мужикъ, не могущій на старыхъ мѣстахъ справится даже съ трехпольемъ, на новыхъ, можетъ быть, перейдетъ къ плодосмѣну. Перелоги во всякомъ случаѣ исчезнутъ, и ихъ давленіе на хозяйство центральныхъ губерній прекратится. Вся сельско-хозяйственная экономія страны, несомнѣнно, измѣнится: „неудобь“, можетъ быть, опять покроется лѣсомъ, и сады, быть можетъ, зацвѣтутъ тамъ, гдѣ теперь разстилаются степи.

Предпринимаемая въ интересахъ крестьянской массы,—а, стало быть, неизбѣжно въ интересахъ трудового хозяйства,—реформа должна посчитаться еще съ однимъ крайне важнымъ обстоятельствомъ. Земли, на которыхъ должно будетъ размѣститься сельскохозяйственное населеніе, если даже „неудобь“ будетъ выкинута изъ оборота, всетаки окажутся не одинаковаго качества. Въ одномъ случаѣ для поддержанія даннаго жизненнаго уровня необходимо работать, скажемъ, по восьми часовъ ежедневно, въ другомъ—для этого достаточно и четырехчасовой работы. При натуральномъ строѣ хозяйства эта разница сводилась бы всецѣло къ разницѣ въ естественномъ плодородіи почвы. При мѣновыхъ же отношеніяхъ, помимо естественныхъ условій, громадную роль играютъ въ этомъ случаѣ факторы общественнаго порядка и среди нихъ, прежде всего, близость къ рынку. И чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе общественныхъ условій становится все больше, и тѣмъ разница между землями дѣлается все значительнѣе. Подъ Москвой десятина земли стоитъ тысячи, а гдѣ-нибудь въ глуши десятина такого же качества стоитъ меньше сотни.

Между тѣмъ передъ лицомъ рынка всѣ производители непремѣнно должны быть поставлены въ равныя условія. Иначе, одинъ

будетъ продавать товаръ по такой цѣнѣ, какая для другого будетъ безусловно убыточна. Одинъ производитель, стало быть, будетъ давить на другого, одна мѣстность—раззорять другую или наживаться на ея счетъ. При личной собственности на землю и при капиталистическомъ строѣ хозяйства возможность такого давленіе устраняется тѣмъ, что изъ общественнаго продукта выдѣляется рента, въ качествѣ каковой производители и выплачиваютъ всю разницу въ доходности земель, поскольку таковая зависитъ отъ естественныхъ или общественныхъ условій. Обязанный выплачивать ренту производитель уже не можетъ понизить цѣну на продуктъ въ убытокъ производителю, который имѣетъ землю худшаго качества, но за то и ренту платитъ меньшую. Если предприниматель объединенъ въ одномъ лицѣ съ землевладѣльцемъ, то и въ такомъ случаѣ онъ стремится установить свои мѣновыя отношенія съ такимъ разсчетомъ, чтобы выручка за продуктъ покрывала не только расходы производства, но и проценты на капиталъ, какой имъ выплаченъ за землю или какому она равняется въ данное время.

Не лишне будетъ отмѣтить, что этотъ способъ уравненія условій, въ которыхъ находятся производители, даже съ точки зрѣнія интересовъ производства представляется далеко несовершеннымъ. Хотя рента обнаруживаетъ наклонность къ наростанію, однако въ отдѣльные періоды и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ она нерѣдко дѣлаетъ рѣзкіе скачки внизъ. И каждый такой скачокъ неизбѣжно сопровождается острымъ кризисомъ въ сферѣ земледѣлія и землевладѣнія. Производитель, обязавшійся выплачивать ренту въ опредѣленномъ размѣрѣ, оказывается не въ состояніи вынести измѣненія въ мѣновой конъюктурѣ и долженъ ликвидировать свое хозяйство. Землевладѣлецъ, обременившій свое имѣніе ипотекой, не можетъ выдержать уменьшенія его цѣнности и вообще рѣзкаго паденія своихъ доходовъ. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ громадный кризисъ, какой пережило и переживаетъ еще сельское хозяйство въ старыхъ странахъ послѣ того, какъ на міровомъ рынкѣ появились Остъ-Индія, Австралія и Аргентина съ ихъ новыми, не обремененными еще рентой и ипотекой, землями. Почти вся Западная Европа оказалась уже вынужденной перейти къ аграрному протекціонизму Чтобы сохранить свое сельско-хозяйственное производство, народы должны были гаран-

тировать аграріямъ ихъ доходы, и отъ этой гарантіи при данномъ земельномъ строѣ едва ли они избавятся. Новое нарастаніе ренты, которое будетъ происходить, вѣроятнѣе всего, постепенно, землевладѣльцы сумѣютъ, конечно, незамѣтно себѣ присвоить, а когда произойдетъ опять скачокъ внизъ, они потребуютъ за свою общественную функцію новой приплаты за обшенародный счетъ. Между тѣмъ такія колебанія ренты, въ виду продолжающагося развитія мірового хозяйства, вѣроятно будутъ происходить все чаще и чаще. Помимо этой перспективы, сторонники личной поземельной собственности и капиталистическаго хозяйства должны еще имѣть въ виду, что Россія, какъ страна экспортирующая, воспользоваться такимъ средствомъ, какъ аграрный протекціонизмъ, будетъ не въ состояніи. Чтобы ослабить кризисы, неизбѣжно придется прибѣгать къ подачкамъ изъ народной казны. Но мы уже по опыту знаемъ, что подачки, какъ бы беззастѣнчиво онѣ ни производились, развить сельско-хозяйственнаго производства не могутъ. При частной собственности на землю оно почти неизбѣжно будетъ такимъ образомъ пребывать все время въ угнетенномъ состояніи.

Вопросъ о разнокачественности земель и при трудовомъ хозяйствѣ имѣетъ, конечно, огромное значеніе. Какимъ образомъ можно уравнять производителей, чтобы они не давали другъ на друга? На первый взглядъ эта задача рѣшается очень просто хорошей земли нужно давать меньше, а худшей—больше. При натуральномъ строѣ хозяйства такого „поравненія“ было бы, конечно, вполнѣ достаточно, и въ крестьянствѣ, еще не пережившемъ традицій этого строя, склонность къ подобному поравненію, несомнѣнно, имѣется. Но мы не должны забывать, что трудовое хозяйство должно уже имѣть дѣло съ рынкомъ. Вынося произведенный продуктъ на рынокъ, крестьянинъ, конечно, будетъ сообразоваться исключительно съ тѣмъ, сколько живого или накопленнаго труда въ него вложено. Стало быть, производитель, получившій лучшую землю, получитъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность продавать продуктъ дешевле, чѣмъ производитель, надѣленный худшей землей. Цѣны, конечно, будутъ устанавливаться на нѣкоторомъ среднемъ уровнѣ, съ избыткомъ покрывающемъ трудовыя затраты однихъ, и не оплачивающемъ вложеннаго труда другими. Въ результатѣ однѣ мѣстности и одни хозяйства будутъ

наживаться за счетъ другихъ. Возможенъ, конечно, и другой результатъ. Мы уже по опыту знаемъ, какъ трудно трудовому хозяйству удержать въ своихъ рукахъ ренту. Вполнѣ вѣроятно поэтому, что появятся какія-либо „третьи лица“, которыя и учтутъ ее въ свою пользу.

При мѣновыхъ отношеніяхъ рента изъ общественнаго продукта такъ или иначе выдѣлится и вопросъ можетъ быть только въ томъ, кто ее присвоитъ. Изъ сказаннаго видно, что она не можетъ быть предоставлена въ распоряженіе трудовыхъ хозяйствъ, не можетъ быть оставлена за отдѣльными производителями. Въ цѣляхъ даже только уравненія между ними рента должна быть экспропріирована коллективностью, государствомъ. Это сознаніе не чуждо, повидимому, и нѣкоторымъ крестьянамъ. По крайней мѣрѣ гурійскіе крестьяне, предъявляя требованіе о передачѣ всѣхъ земель трудящимся, признавали справедливымъ налогъ „за лучшія земли“. Само собой понятно, что взятая государствомъ въ видѣ ренты доля общественнаго продукта вернется затѣмъ, хотя бы въ видѣ культурныхъ благъ, къ населенію, но распредѣлиться между нимъ уже на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Это, конечно, не будетъ „единый налогъ“, проектированный Генри Джорджемъ. У государства должны быть и найдутся другіе источники финансовыхъ рессурсовъ. Такъ, не могутъ быть освобождены отъ налога и всѣ другіе рентные доходы. Въ данномъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что, принявъ налоговую форму рента пріобрѣтетъ ту эластичность, какая необходима при постоянно измѣняющейся мѣновой конъюнктурѣ. Допустимъ, напримѣръ что на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ неожиданно появится новая страна и русскій хлѣбный экспортъ окажется не въ состояніи оплачивать уже установившуюся ренту. При національной собственности на землю, государство можетъ немедленно понизить рентное обложеніе и тѣмъ предупредить кризисъ. И цѣлому народу, конечно, легче будетъ вынести это пониженіе дохода, чѣмъ отдѣльной группѣ производителей. Соглашаясь нести въ указанномъ случаѣ убытки, государство не останется, однако, въ проигрышѣ. При всѣхъ временныхъ колебаніяхъ, рента, какъ я уже указалъ, обнаруживаетъ въ исторіи тенденцію къ быстрому наростанію. Нужно поэтому ожидать, что въ распоряженіе госу-

дарства будетъ поступать все большая и большая доля національнаго продукта.

Не противорѣча интересамъ производства, обращеніе ренты на общественныя надобности вполнѣ отвѣчаетъ и требованіямъ справедливаго распредѣленія. Являясь послѣдствіемъ независящихъ отъ индивидуальнаго производителя естественныхъ и общественныхъ условій, представляя результатъ коллективнаго, уже обезличеннаго, труда,—рента по справедливости и принадлежать должна обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проблема національнаго богатства вполнѣ совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ проблемой народнаго благосостоянія, ибо все большая и большая, какъ я уже сказалъ, часть національнаго продукта будетъ поступать въ распоряженіе коллективности и, стало быть, все большая и большая часть національнаго богатства можетъ быть распредѣляема по принципу: „каждому по потребностямъ“. А это, вѣдь, одинъ изъ основныхъ принциповъ будущаго строя.

„Первый,—говоритъ Руссо,—кто, оградивши участокъ земли, вздумалъ сказать: это мое, и нашелъ людей довольно глупыхъ, чтобы ему повѣрить, былъ истиннымъ основателемъ современнаго гражданскаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, отъ сколькихъ бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, выдернувъ колья и закопавъ ровъ, крикнулъ бы людямъ: не слушайтесь этого обманщика; вы погибли если забудете, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля никому“.

Формулируя эту мысль по отношенію не къ прошлому, а къ будущему, мы можемъ сказать: первый, кто опять разгородитъ землю, и будетъ истиннымъ основателемъ новаго гражданскаго общества.

VIII. Программа дополнительнаго надѣленія.

Еще въ концѣ апрѣля мѣсяца въ Москвѣ состоялось частное совѣщаніе по аграрному вопросу. Въ съѣздѣ приняли участіе около ста лицъ изъ числа общественныхъ дѣятелей и представителей науки. Выслушавъ и обсудивъ доклады П. Д. Долгорукова, А. А. Мануилова, М. Я. Герценштейна, А. А. Кауфмана, А. Ѳ. Фортунатова, А. А. Чупрова, В. Э. Дена и И. А. Иверонова, съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи:

1. Широкая аграрная реформа представляетъ въ настоящее время насущную и неотложную потребность, удовлетвореніе которой возможно только подъ условіемъ коренного преобразованія государственнаго строя Россіи и должно составлять одну изъ первыхъ задачъ народнаго представительства. Эта реформа столько же необходима въ цѣляхъ дѣйствительнаго и прочнаго умиротворенія страны, сколько и въ интересахъ развитія ея культурныхъ и производительныхъ силъ и въ частности въ интересахъ агрикультурнаго прогресса.

2. Въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ необходимо для проведенія широкой аграрной реформы, настоящій съѣздъ остановился на выясненіи одного изъ наиболѣе коренныхъ и наиболѣе доступныхъ для законодательнаго разрѣшенія въ ближайшее время, — вопроса о малоземельѣ крестьянъ. Само собой разумѣется, этимъ нисколько не устраняется необходимость постановки и разрѣшенія вопросовъ о другихъ сторонахъ аграрной реформы: объ увеличеніи производительности и поднятіи техники сельскаго хозяйства, объ отношеніи аграрной реформы къ податной, къ формамъ землевладѣнія и землепользованія и т. д. Въ частности съѣздъ вполнѣ признаетъ необходимость коренной реформы финансовой и экономической политики, съ цѣлью отмѣны выкупныхъ платежей и пониженія налогового бремени трудящихся массъ.

3. Извѣстные въ экономической литературѣ проекты націонализаціи (Генри Джорджа и др.) въ настоящее время не могутъ служить практической программой аграрной политики.

4. Возможность широкаго развитія переселенія на государственныя земли исключается недостаткомъ свободныхъ земель, годныхъ для выходцевъ изъ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ разрѣженіи населенія. Переселеніе поэтому не можетъ ни устранить, ни отсрочить необходимости въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства.

5. Крестьянскій банкъ при современной его организаціи на началахъ коммерческаго учрежденія не можетъ открыть выхода изъ аграрныхъ затрудненій, въ которыхъ находится страна въ настоящее время, такъ какъ расширеніе дѣятельности банка влечетъ за собою земельную спекуляцію и непомѣрное возрастаніе земельныхъ цѣнъ.

6. Аграрная политика, имѣющая цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, можетъ быть планомѣрно развита только при условіи дополнительнаго надѣла. Та же политика должна быть положена въ основу мѣръ, направленныхъ къ поземельному устройству всѣхъ разрядовъ безземельнаго населенія, ведущаго самостоятельное земледѣльческое хозяйство (на арендѣ).

7. Фондомъ для дополнительнаго надѣла должны служить не только государственныя земли, но и земли другихъ владѣльцевъ (удѣльныя, монастырскія и частновладѣльческія), такъ какъ лишь при условіи выкупа доли частновладѣльческихъ земель поземельная реформа можетъ дать ощутительные результаты.

8. Частновладѣльческія земли, поступающія въ пользованіе крестьянъ

при дополнительномъ надѣленіи ихъ, должны быть выкуплены государствомъ и подлежатъ зачисленію въ государственный земельный фондъ, для отвода крестьянамъ на основаніяхъ, которыя будутъ впослѣдствіи установлены.

9. Съ финансовой точки зрѣнія проектируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія въ виду задолженности частнаго землевладѣнія.

10. Для прочнаго улучшенія экономическаго благосостоянія деревни такъ же, какъ и въ интересахъ развитія и усовершенствованія земледѣлія, помимо дополнительной прирѣзки земли земледѣльцамъ, необходимо законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній въ цѣляхъ упроченія пользованія арендной землей, обезпеченіе правъ арендаторовъ на произведенныя ими, но неиспользованныя къ окончанію арендnаго срока затраты на улучшеніе и регулированіе арендной платы на основаніяхъ, установленныхъ закономъ.

Уже при бѣгломъ чтеніи этой программы легко бросается въ глаза ея компромисный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то недоговоренность. Это обстоятельство, несомнѣнно, находится въ связи съ самыми задачами и составомъ съѣзда, который былъ созванъ, повидимому, не для свободнаго обсужденія волнующей всѣхъ темы, а со спеціальною цѣлью „согласить“ довольно разнородные общественные элементы на заранѣе выработанной программѣ. Въ этомъ отношеніи составъ съѣзда, несомнѣнно, имѣлъ свои особенности. Въ большинствѣ другихъ съѣздовъ послѣдняго времени, если и ставились въ этомъ отношеніи какія-либо ограниченія, то исключительно справа. Въ данномъ случаѣ для этого было бы вполнѣ достаточно признанія за исходную точку тѣхъ положеній, какія изложены въ первомъ пунктѣ резолюцій. Но организаторы съѣзда пошли, повидимому, дальше и сочли необходимымъ поставить замѣтныя ограниченія и слѣва *). Предложен-

*) Основываюсь между прочимъ на слѣдующемъ. При личной встрѣчѣ я поинтересовался какъ-то узнать отъ одного изъ активныхъ участниковъ съѣзда, случайно или преднамѣренно къ участію въ немъ не было приглашено „Русское Богатство“. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что, насколько ему извѣстно, это сдѣлано было сознательно, такъ какъ по имѣвшимся въ бюро свѣдѣніямъ „Русское Богатство“ занимаетъ по нѣкоторымъ вопросамъ непримиримую позицію и согласить его на данной программѣ было бы невозможно. Какъ увидитъ читатель, затѣянный организаторами „блокъ“ при участіи „Русскаго Богатства“ дѣйствительно не могъ бы состояться. Прибавлю къ этому, что адресъ „Русскаго Богатства“ почтамту извѣстенъ. Что касается тѣхъ лѣвыхъ элементовъ, которымъ приходится писать по адресу, для почты не всегда извѣстному, то несомнѣнно, что они къ участію въ съѣздѣ приглашены не

ная ими программа встрѣтила, однако, возраженія и съ той, и съ другой стороны.

Для частнаго землевладѣнія—говорили одни—проектируемыя мѣры слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше, чѣмъ наполовину сокращаютъ площади удобныхъ помѣщичьихъ земель и кромѣ того оставляютъ перспективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, грозящихъ совсѣмъ уничтожить частное землевладѣніе... Другіе оппоненты подчеркивали палліативность проектируемой реформы и недостаточность предлагаемыхъ прирѣзокъ. Предлагаемыя докладчиками нормы слишкомъ искусственны и недостаточны; нужно стремиться къ тому, чтобы каждый былъ надѣленъ землею въ такомъ объемѣ, сколько можетъ обработать крестьянская семья, и чтобы каждый имѣлъ право на землю. По мнѣнію этихъ оппонентовъ, разрѣшеніе аграрнаго вопроса не возможно при сохраненіи нормъ частнаго права собственности на землю, и нужно поэтому искать новаго права *).

И докладчикамъ пришлось отвѣчать на обѣ стороны. Наиболѣе чувствительнымъ для нихъ, можетъ быть, былъ упрекъ въ недостаточной широтѣ проектированной ими реформы. „Докажите возможность надѣла высшею нормою,—говорилъ А. А. Мануиловъ,—и мы несомнѣнно присоединимся къ вамъ". „Если бы кто-нибудь предложилъ намъ болѣе широкую реформу и доказалъ ея осуществимость,—отвѣчалъ своимъ оппонентамъ г. Герценштейнъ,—мы, конечно, пошли бы за нимъ". **). Эти слова о готовности идти на болѣе широкую реформу, послѣ того, какъ сторонники послѣдней заранѣе были устранены отъ участія въ съѣздѣ, — звучатъ, конечно, нѣсколько странно. Но не нужно забывать, что докладчики предвидѣли необходимость успокаивать и тѣхъ, кто будетъ возражать справа. И надо сказать, что г. Герценштейнъ, при всей своей готовности къ широкой реформѣ, ревностно выполнялъ и эту задачу. „Что касается опасеній,—говорилъ онъ,—что, при проведеніи въ жизнь предлагаемой реформы, отъ частновладѣльческихъ

были и, конечно, вполнѣ сознательно. Между тѣмъ ихъ участіе въ обсужденіи аграрнаго вопроса было бы, можетъ быть, особенно важно.

Не лишне будетъ еще отмѣтить, что ограниченія вправо имѣли, повидимому, исключительно политическій характеръ, тогда какъ влѣво—соціально-экономическій. Само собой понятно, что съѣздъ, созванный для обсужденія соціально-экономическаго вопроса, неизбѣжно долженъ былъ послѣ этого перегнуться нѣсколько въ одну сторону.

*) „Русскія Вѣдомости", 3 мая.

**) „Русь", 6 мая.

земель въ недалекомъ будущемъ останется одно пріятное воспоминаніе, то они... совершенно неосновательны".

Въ результатѣ резолюціи съѣзда получили еще болѣе компромиссный и недоговоренный характеръ, чѣмъ предлагали даже докладчики. Я остановлюсь лишь на двухъ вопросахъ, наиболѣе важныхъ, съ нашей точки зрѣнія, въ программѣ „дополнительнаго надѣленія".

Съѣздъ, какъ видно изъ приведенныхъ резолюцій, совершенно умолчалъ о размѣрахъ дополнительнаго надѣла. Не безъинтересно, однако, отмѣтить, что въ седьмомъ пунктѣ упоминается о „выкупѣ *доли* частновладѣльческой земли". Десятый пунктъ предвидитъ „урегулированіе арендныхъ отношеній",—и при томъ не въ качествѣ переходной, но постоянной мѣры. Такимъ образомъ косвенно въ резолюціяхъ утверждается то положеніе, что для „дополнительнаго надѣленія" всей частновладѣльческой земли не потребуется и что, напротивъ, сохранится зависимость крестьянскаго хозяйства отъ частнаго землевладѣнія даже въ видѣ аренды. Еще опредѣленнѣе ставили этотъ вопросъ докладчики. Они предлагали за основаніе при дополнительномъ надѣленіи взять размѣръ указного надѣла, опредѣленнаго положеніемъ 1861 г. При этомъ, по разсчетамъ А. А. Чупрова,

въ четырехъ уѣздахъ, оказывается, не хватило бы всей площади внѣнадѣльной земли для того, чтобы произвести отводъ дополнительныхъ надѣловъ до нормы высшаго надѣла 1861 года. Въ 26 уѣздахъ всей земли хватило бы, но пришлось бы захватывать болѣе двухъ третей площади частнаго землевладѣнія. Изъ этихъ 30 уѣздовъ часть населенія, слѣдовательно, пришлось бы выселять, придерживаясь той схемы, примѣнительно къ которой произведены вычисленія *). Изъ числа остальныхъ уѣздовъ, въ которыхъ дополнительное надѣленіе не встрѣтило бы препятствія въ недостаткѣ земель, въ 80 уѣздахъ не потребовалось бы для этой цѣли привлекать болѣе половины частновладѣльческой площади, а въ 50 уѣздахъ, т. е. въ 38 проц. всего числа разсмотрѣнныхъ уѣздовъ, было бы возможно оставить въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ даже болѣе трехъ четвертей принадлежащей имъ въ настоящее время земли.

*) Авторъ въ своихъ разсчетахъ исходитъ изъ предположенія, что одна третья часть частновладѣльческой земли останется во всякомъ случаѣ неприкосновенной, хотя и самъ онъ — нужно сказать—находитъ эту исходную точку не имѣющей за собой „никакихъ раціональныхъ основаній" и „совершенно произвольной".

Однимъ словомъ, и послѣ дополнительнаго надѣленія крестьянъ земли по проекту „останется еще не мало на долю частныхъ собственниковъ“. Характерно при этомъ и то, что авторы проекта за норму надѣла взяли указной надѣлъ 1861 г., который, какъ извѣстно, былъ основанъ на данныхъ о тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ до освобожденія крестьянъ была барщина. Вся земельная реформа 1861 года была проведена, какъ я уже упоминалъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы освобожденные крестьяне чувствовали „надобность въ помѣщикѣ“ и чтобы послѣдній располагалъ для своей земли „постоянными работниками“. Остановиться на той же нормѣ теперь — не значитъ ли это въ сущности узаконить и на будущее время созданную реформой 1861 г. зависимость крестьянскаго хозяйства отъ частнаго собственника?

Въ самомъ дѣлѣ, кто же будетъ обрабатывать частновладѣльческую землю? Вѣдь, кромѣ крестьянина некому. Стало быть, онъ такъ и останется въ двусмысленномъ положеніи не то подневольнаго батрака, не то самостоятельнаго производителя? Правда, частновладѣльческой земли будетъ меньше, но „свободныхъ“ рабочихъ рукъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ будетъ ровно столько же, какъ и при крѣпостномъ правѣ,—даже больше, ибо крестьянское населеніе за 45 лѣтъ значительно умножилось сравнительно съ тѣмъ, какое въ свое время отбывало барщину. „Неприкосновенная“ третья часть и вообще оставшаяся за дополнительнымъ надѣленіемъ земля частнаго владѣльца не сохранитъ ли при этомъ ту же самую доходность, какую имѣло все оставшееся за первымъ надѣленіемъ имѣніе? И не ограничится ли вся реформа нѣкоторымъ подаркомъ частнымъ владѣльцамъ въ видѣ новыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ? Можетъ быть, на нѣкоторое время „жадность“ крестьянъ къ землѣ и уменьшится, но несомнѣнно, что она немедленно вновь начнетъ наростать въ прежней прогрессіи.

Я отнюдь не хочу сказать, что авторы проекта сознательно стремились обезпечить помѣщикамъ „вѣрную статью дохода“. Относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, я не могу заподозрѣвать искренности ихъ намѣреній. Но не слишкомъ ли они увлеклись ролью реальныхъ политиковъ и желаніемъ „согласить“ разнородные элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположные интересы? Не черезчуръ ли много они авансировали вправо, по-

лагая, что влѣво достаточно будетъ раскланяться лишь передъ „широкой реформой“? Не забыли ли они, что влѣво находятся не только малоизвѣстные дѣятели, но и крестьянская масса?

На съѣздѣ, какъ я уже сказалъ, были разные элементы. Ликвидація частнаго землевладѣнія для нѣкоторыхъ представлялась лишь вопросомъ времени. Г. Зубрилинъ, напримѣръ, полагалъ, что разъ крестьянское хозяйство будетъ поставлено въ такія условія, при которыхъ оно можетъ существовать самостоятельно, то дальнѣйшій переходъ земли къ трудящемуся классу совершится самъ собою, такъ какъ частновладѣльческія хозяйства въ настоящее время держатся исключительно только на чрезмѣрной эксплуатаціи безземельнаго крестьянскаго населенія“ *). У нѣкоторыхъ изъ докладчиковъ также просвѣчиваетъ недвусмысленное желаніе, чтобы частновладѣльческія земли обратились, въ концѣ концовъ, въ „пріятное воспоминаніе“. Даже кн. П. Д. Долгоруковъ въ своемъ докладѣ: „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“ находилъ, что „при настоящихъ аграрныхъ волненіяхъ помѣщику гораздо лучше ликвидировать свое имѣніе и жить въ немъ, какъ на дачѣ, чѣмъ сидѣть въ немъ, какъ въ крѣпости“ **).

Проектированная докладчиками норма надѣла вызвала слѣва рѣзкія возраженія съ точки зрѣнія ея недостаточности и искусственности.

Оппоненты указывали на то, что эти нормы были до извѣстной степени искусственны и въ 1861 году, теперь же, когда за 40 лѣтъ вся хозяйственная жизнь Россіи радикальнымъ образомъ измѣнилась вслѣдствіе проникновенія всюду мѣнового хозяйства и капиталистическихъ отношеній, онѣ совершенно безпочвенны.

Соглашаясь въ концѣ концовъ на „дополнительное надѣленіе“, эта группа участниковъ съѣзда имѣла, повидимому, въ виду главнымъ образомъ логическія послѣдствія такого факта, какъ принудительный выкупъ.

Но были представители и другой расцѣнки помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ. Кн. Е. Н. Трубецкой, напримѣръ, находилъ „предлагаемую аграрную реформу мѣрой палліативной

*) „Русь“, 5 мая.

**) „Русскія Вѣдомости“, 1 мая.

для крестьянъ и радикальной—для землевладѣльцевъ". „Значитъ, можно ожидать,—говорилъ онъ,—что черезъ двадцать лѣтъ населеніе потребуетъ новой прирѣзки, и отъ частновладѣльческихъ земель останется одно воспоминаніе... Если настоящая программа будетъ предложена конституціоналистамъ, то многіе изъ нихъ отколятся и пойдутъ за Шиповымъ" *). Дѣло доходило такимъ образомъ до угрозы расколомъ съ принесеніемъ политическаго credo на алтарь частновладѣльческихъ интересовъ. Столь же отрицательно къ возможности исчезновенія частновладѣльческой собственности, хотя бы въ будущемъ, отнесся и кн. Волконскій. „Логичны тѣ,—говорилъ онъ,—которые думаютъ, что конца движенію не будетъ, пока всѣ частновладѣльческія земли не перейдутъ къ крестьянамъ. Но желательно ли это? Въ деревняхъ получится сплошная сѣрая масса". Самъ князь находилъ это, конечно, безусловно нежелательнымъ **).

Среди докладчиковъ также имѣлись лица, какъ, напримѣръ, г. Герценштейнъ, которыя считали не только возможнымъ, но и необходимымъ сохранить частновладѣльческое хозяйство въ реформированномъ аграрномъ строѣ. Почтенный профессоръ съ ученою обстоятельностью развилъ доводы въ пользу благотворной роли, какую будутъ играть въ немъ помѣщики.

Уничтоженіе частнаго землевладѣнія при сохраненіи другихъ привилегированныхъ классовъ,—говоритъ онъ—едва ли можетъ считаться желательнымъ. При представительномъ образѣ правленія въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, исторія фабричнаго законодательства хотя бы въ Англіи блистательно доказываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами...

Напротивъ капиталисты гораздо легче смотрятъ на аграрныя реформы, чѣмъ землевладѣльцы, и охотно проводятъ законы, которые никогда бы не могли проходить, если бы не существовало антагонизма между капиталистами и землевладѣльцами...

Итакъ, капиталисты нужны ради ихъ антагонизма съ землевладѣльцами, а землевладѣльцы—ради антагонизма съ капиталистами. Однимъ словомъ: паны дерутся... Жаль только, что народный опытъ уже сдѣлалъ изъ этого совершенно обратный вы-

*) „Русь", 3 мая.
**) „Русь", 6 мая.

водъ, чѣмъ какой слѣдуетъ по наукѣ. „Паны дерутся—у хлоповъ чубы трещатъ“. Впрочемъ, у ученаго имѣется въ запасѣ англійскій опытъ... Какимъ образомъ г. Герценштейнъ получилъ это „блистательное доказательство“ понять, конечно, не трудно; онъ изучилъ англійскій опытъ въ стѣнахъ парламента, нисколько не интересуясь тѣми реакціями, какія обусловили его въ жизни. Допустимъ, однако, что англійское фабричное законодательство (къ слову сказать, далеко не передовое) создалось не подъ давленіемъ рабочихъ массъ, а всецѣло волей землевладѣльцевъ, желавшихъ подставить ногу капиталистамъ. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что между „антагонистами“ нѣтъ никакого комплота? Развѣ та же англійская исторія не даетъ несравненно болѣе блистательныхъ доказательствъ того, какъ они дружно защищаютъ общіе имъ интересы „купона“ въ ущербъ трудящимся массамъ? Вѣдь фабричные законы сравнительно со всѣмъ буржуазнымъ законодательствомъ очень ужъ ничтожная подачка. Съ другой стороны, развѣ имѣются основанія думать, что трудовое крестьянство „при представительномъ образѣ правленія“ явится менѣе надежнымъ союзникомъ рабочихъ, чѣмъ лэндлорды? Не въ правѣ ли мы ожидать совершенно обратнаго, а именно, что при этомъ образуется совершенно иной комплотъ—комплотъ между представителями труда, который и положитъ конецъ власти капитала?

Не менѣе важное значеніе—говоритъ далѣе г. Герценштейнъ—имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія. Можетъ быть, съ теченіемъ времени вырастутъ, кромѣ землевладѣльцевъ, другіе слои сельскаго населенія, способные нести общественную службу, но сейчасъ такого контингента нѣтъ. Поэтому отмѣна частнаго землевладѣнія нанесла бы нашему неокрѣпшему самоуправленію тяжелый ударъ. Какихъ бы воззрѣній ни держаться на конечныя или отдаленныя цѣли, никто не будетъ отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія. Когда окрѣпнутъ нарождающіяся силы, когда составъ органовъ самоуправленія измѣнится, частное землевладѣніе перестанетъ выполнять свою историческую миссію, но эта пора еще не наступила. Можно быть невысокаго мнѣнія о нашемъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, но нельзя все же не признать, что помѣщичье хозяйство является въ настоящее время во многихъ случаяхъ культурнымъ центромъ. Эта культурная миссія едва ли могла бы теперь быть выполнена государствомъ или органами самоуправленія безъ содѣйствія землевладѣльцевъ.

Таковъ второй доводъ г. Герценштейна. Мнѣ приходилось уже какъ то указывать, что „культурныя функціи, которыя могутъ быть выполнены землевладѣльцами, благодаря ихъ повышенному образовательному уровню, заслоняютъ въ глазахъ многихъ ихъ соціально-экономическую роль въ исторіи и современной жизни“ *). Въ числѣ этихъ многихъ, не могущихъ сдѣлать необходимаго различенія, мы, видимъ теперь и ученаго экономиста.

Да! роль землевладѣльцевъ въ мѣстной жизни почтенна. Но неужели г. Герценштейнъ совершенно не видитъ земскаго начальника или хотя бы Дерунова, который „дворянскія землицы за безцѣнокъ пріобрѣлъ“? я уже не говорю про другихъ, менѣе яркихъ персонажей. Вѣдь въ конечномъ счетѣ ради нихъ и при помощи ихъ крестьянская масса удерживается въ своемъ „сѣромъ“ состояніи. Развѣ культурные успѣхи деревни за 45 лѣтъ были бы такіе, если бы не эти темныя силы? Въ этой темной средѣ вѣдь только кое-гдѣ мерцаютъ занесенныя идейной работой искры, да и тѣ легко гаснутъ, а погаснувъ—какъ, напримѣръ, кн. Волконскій—еще чадить начинаютъ.

Культурныя силы, конечно, нужны деревнѣ, нужны, въ частности, и тѣ, которыя за общенародный счетъ выросли въ средѣ помѣстнаго сословія. Но русскому народу выгоднѣе платить имъ фиксъ, жалованье, даже большое жалованье, чѣмъ предоставлять ради нихъ тантьему въ народномъ хозяйствѣ цѣлому классу. Да и какую тантьему! не только ренту, но и нѣчто большее ренты. Не ошибается ли при томъ же г. Герценштейнъ, когда утверждаетъ, что кромѣ землевладѣльцевъ у насъ нѣтъ другого контингента, способнаго нести общественную службу въ деревнѣ? Уже теперь „третій элементъ“, въ качествѣ культурной силы, играетъ въ мѣстной жизни несравненно большую роль, чѣмъ всѣ „сто тысячъ“ бывшихъ и настоящихъ „полицеймейстеровъ“. Земское хозяйство въ Вятской губерніи и безъ частныхъ землевладѣльцевъ идетъ не хуже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Въ будущемъ же, когда стѣна между народомъ и интеллигенціей будетъ пробита, роль послѣдней въ жизни деревни сдѣлается громадной. И не закабаляя себя народъ съумѣетъ использовать имѣющіяся въ странѣ культурныя силы.

---

*) „Земельныя нужды деревни“, стр. 5.

У идеолога помѣщичьяго хозяйства имѣется, однако, въ запасѣ и еще доводъ. Помѣщичьи земли,—говоритъ онъ,—

расположены далеко не вездѣ такъ, чтобы ими можно было немедленно воспользоваться для раздачи крестьянамъ. Огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ, пригодныхъ для помѣщичьяго хозяйства, погибъ бы безвозвратно.

По правдѣ сказать, въ одной части этотъ доводъ я даже не совсѣмъ понимаю. Землями нельзя будетъ „немедленно воспользоваться для раздачи крестьянамъ". Почему? или онѣ имъ будутъ не нужны, т. е. и безъ этихъ земель крестьяне используютъ всѣ свои рабочія силы? Но чьими же руками будетъ вестись помѣщичье хозяйство? Остается предположить, что, по мнѣнію г. Герценштейна, немедленно воспользоваться землею крестьяне будутъ не въ состояніи, а принудить къ работѣ на помѣщика ихъ и немедленно будетъ можно.

Вотъ „огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ"—это понятно. Конечно жаль этого накопленнаго народнаго труда. Но не важнѣе ли живой трудъ, который вѣдь одинъ только и создаетъ новыя цѣнности? И если для его освобожденія необходимо принести эту жертву, то не воздастъ ли онъ за нее сторицей? При томъ же утрату національнаго богатства, заключающегося въ помѣщьихъ постройкахъ, съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія едва ли даже можно назвать жертвой. Не станемъ забывать, что это не только средство производства, но и орудіе эксплуатаціи. А плакать о такихъ орудіяхъ, право, не стоитъ.

Развитая г. Герценштейномъ идеологія, несомнѣнно, облегчила работу совѣсти и мысли для многихъ участниковъ съѣзда, но удовлетворить всѣхъ она, конечно, была не въ состояніи. Не смотря на всѣ ограниченія, на съѣздъ, какъ мы видѣли, прокралась и другая идеологія. Въ концѣ концовъ „согласить" участниковъ съѣзда оказалось возможнымъ, какъ я уже сказалъ, на меньшемъ, чѣмъ то проектировали его организаторы. Но сторонники крестьянскихъ интересовъ добились въ сущности чисто словесной уступки: „норма" исчезла, но за то „доля" осталась.

Къ такого же характера недоговоренности съѣздъ вынужденъ былъ прибѣгнуть и по другому кардинальному вопросу аграрной программы, а именно по вопросу о формахъ землевладѣнія и земле-

пользованія. Какъ видно изъ второго пункта резолюцій, съѣздъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ. Даже основанія для отвода проектированнаго съѣздомъ дополнительнаго надѣла имъ не указаны и должны быть, какъ сказано въ 8-мъ пунктѣ, лишь „впослѣдствіи установлены“. На ряду съ этимъ принятъ третій пунктъ, утверждающій, что „извѣстные въ экономической литературѣ проекты націонализаціи земли (Генри Джорджа и др.) въ настоящее время не могутъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи“. Такимъ образомъ вопросъ въ цѣломъ его видѣ не обсуждался, и только націонализаціи почему-то посчастливилось и она съѣздомъ отвергнута.

Обстоятельство это представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что на съѣздѣ сторонники націонализаціи всетаки были. Такъ проф. Васильевъ находилъ, что „земля должна быть государственною собственностью“ *). По мнѣнію проф. Каблукова правильное разрѣшеніе аграрной проблемы „возможно лишь при допущеніи принципа націонализаціи земли, т. е. при признаніи общаго правового принципа, въ силу котораго каждый гражданинъ имѣетъ право на полученіе такого количества земли, которое онъ пожелаетъ и сможетъ использовать личнымъ трудомъ“. Проф. Хвостовъ указывалъ, что „если бы въ интересахъ государственной необходимости было признано необходимымъ уничтоженіе института частной собственности на землю, то съ юридической точки зрѣнія это было бы вполнѣ закономѣрно“. По мнѣнію П. А. Вихляева, „аграрная реформа не мыслима при сохраненіи института частной собственности“. Были даже, рѣдкіе у насъ, сторонники націонализаціи по типу Генри Джорджа. Такъ гр. С. Толстой видѣлъ „единственный выходъ изъ аграрныхъ затрудненій—это единый налогъ Генри Джорджа“ **).

Доводы оказавшихся потомъ въ большинствѣ противниковъ націонализаціи нерѣдко поражаютъ своею странностью. Такъ одинъ изъ предводителей дворянства Подольской губерніи заявилъ:

— „Я былъ сторонникомъ идеи націонализаціи земли. Но теперь, столкнувшись съ жизнью, я становлюсь ея противникомъ. Къ кому я обращусь съ этою идеею? Къ тому, кто продаетъ жену,

*) „Русь“, 5 мая.
**) „Русь“, 3 мая.

чтобы на вырученныя деньги купить въ собственность хотя бы небольшой участокъ земли“ *)?..

Этотъ доводъ годится, конечно, лишь для пародіи, и предводителю дворянства, разочаровавшемуся въ націонализаціи, конечно, легко было бы отвѣтить:

— Я былъ сторонникомъ идеи здороваго народнаго питанія. Но теперь, столкнувшись съ жизнью и увидавъ, какъ мужикъ уплетаетъ за обѣ щеки хлѣбъ съ лебедой и мякиной, я становлюсь ея противникомъ. Къ кому я обращусь съ этой идеей? Къ тому, кто набиваетъ себѣ брюхо этими суррогатами? не только себѣ, но и женѣ и дѣтямъ, желая чтобы они прожили хоть лишній день на свѣтѣ?

Кн. Волконскій утверждалъ съ своей стороны, что „крестьяне жаждутъ частной собственности, и побѣдитъ, по его мнѣнію, тотъ, кто именно это будетъ въ состояніи предложить имъ“. Но если даже повѣрить кн. Волконскому на слово, то и въ такомъ случаѣ этотъ доводъ годится лишь для демагогіи...

Наибольшое вліяніе на съѣздъ оказали, повидимому, доводы докладчика и стало быть, честь побѣды надъ націонализаціей, какъ можно думать, всецѣло принадлежитъ г. Герценштейну. Къ его доводамъ мы и обратимся.

Для критики онъ взялъ „извѣстные въ экономической литературѣ проекты націонализаціи“. Цѣлесообразнѣе, конечно, было бы взять проектъ, выставленный одной изъ дѣйствующихъ партій. Но... въ виду предполагавшагося отсутствія ея представителей на съѣздѣ, онъ, нужно думать, сдѣлать это постѣснялся. Возможно, конечно, и другое предположеніе, а именно, что профессору—обитателю, такъ сказать, научнаго россійскаго Олимпа—проекты, вырастающіе на землѣ и тѣмъ паче подъ землей, представлялись незаслуживающими вниманія. Впрочемъ, и изъ числа „извѣстныхъ въ экономической литературѣ проектовъ“ онъ, хотя и упоминаетъ о нѣсколькихъ, но останавливается, главнымъ образомъ, на одномъ—на проектѣ Генри Джорджа.

Послѣдній онъ подвергнулъ критикѣ, остановивъ свое вниманіе исключительно на его слабыхъ сторонахъ и почти не затронувъ основной идеи Генри Джорджа, которая въ сущности и увлекаетъ

*) „Русь“, 5 мая.

его послѣдователей. Я имѣю въ виду мысль о несправедливости присвоенія ренты, составляющей коллективное достояніе, частными лицами. Сторонники „единаго налога“—именно „единаго“, на что г. Герценштейнъ особенно упираетъ—у насъ, какъ я уже сказалъ, очень рѣдки. Поэтому, если бы мы начали вмѣстѣ съ г. Герценштейномъ критиковать проектъ Генри Джорджа, то въ сущности мы пускали бы стрѣлы въ пустое пространство. Въ виду этого я опущу его доводы въ этомъ направленіи, отмѣтивъ лишь двѣ черточки въ его аргументаціи.

Между прочимъ М. Я. Герценштейнъ много и хорошо говоритъ о томъ, что нельзя землю противополагать капиталу и землевладѣльцевъ – капиталистамъ, а это именно дѣлаетъ Генри Джорджъ, благодаря чему у послѣдняго интересы капитала оказываются солидарными съ интересами труда и капиталисты являются естественными союзниками рабочихъ. Воевать съ этой идеей Генри Джорджа, я думаю, было уже совсѣмъ не къ чему, ибо у насъ-то сторонники націонализаціи никогда не допускали указаннаго противоположенія. Это хорошо извѣстно и г. Герценштейну. „У насъ сторонники націонализаціи земли—говоритъ онъ между прочимъ,—являются въ то же время сторонниками государственнаго вмѣшательства въ сферу отношеній между хозяевами и рабочими, а между тѣмъ Джорджъ не допускаетъ государственнаго вмѣшательства“. Если кто у насъ и противополагаетъ въ вышеуказанномъ смыслѣ землевладѣльцевъ капиталистамъ, то... только М. Я. Герценштейнъ, но и онъ, какъ мы видѣли, желаетъ вовлечь рабочихъ въ „естественный союзъ“ не съ капиталистами, а съ землевладѣльцами.

„Какъ капитализмъ, такъ и соціализмъ—говоритъ г. Герценштейнъ—представляютъ цѣльныя міровоззрѣнія: каждое изъ нихъ имѣетъ своихъ послѣдователей, обоимъ имъ нельзя отказать въ цѣльности и стройности“. И онъ подвергаетъ идею націонализаціи критикѣ съ точки зрѣнія того и другого міровоззрѣнія. При томъ оказывается:

Для экономиста, который стоитъ на почвѣ современнаго строя, націонализаціи земли представляетъ радикальное средство, которое идетъ въ разрѣзъ со всѣми его воззрѣніями; она въ то же время не свободна отъ упрека въ несправедливости по отношенію къ одному изъ привилегированныхъ классовъ. Наоборотъ, въ глазахъ экономиста, исходящаго отъ экономическаго

строя, не основаннаго на частной собственности на землю и капиталъ, націонализація земли не только не приводитъ къ приближенію соціалистическихъ идеаловъ, а связана съ обратными послѣдствіями.

„Между тѣмъ у насъ націонализація пользуется симпатіей именно со стороны тѣхъ, которые раздѣляютъ соціалистическіе идеалы и объявляютъ себя противниками современнаго экономическаго строя". И вотъ г. Герценштейнъ стремится доказать, что націонализація не только не соціализмъ, но и вредна соціализму. Эти заботы объ интересахъ русскаго коллективизма, конечно, очень умилительны, но я думаю, что и онѣ совсѣмъ лишнія. Никто не утверждаетъ и не думаетъ, что націонализація—это и есть соціализмъ. Что касается того, что она вредна для соціализма, то и это, пожалуй, доказать не трудно, если имѣть въ виду не вообще націонализацію, а „единый налогъ" Генри Джорджа. Несравненно важнѣе, какъ я думаю, было бы, если бы докладчикъ яснѣе обнаружилъ, какого изъ двухъ „цѣльныхъ и стройныхъ" міровоззрѣній онъ самъ придерживается. Зная, на какой почвѣ онъ стоитъ—на почвѣ ли современнаго строя или иного, не основаннаго на частной собственности на землю и капиталъ,—было бы легче положиться и на то, что именно имѣется „въ глазахъ экономиста". А то выходитъ какъ-то такъ: современному строю онъ преподноситъ идеологію, а „иному"—отвѣшиваетъ поклоны.

Обратимся, однако, къ тѣмъ доводамъ г. Герценштейна, которые имѣютъ въ виду не проектъ Генри Джорджа, а націонализацію вообще и наши русскія условія въ частности. Впрочемъ, важнѣйшіе его доводы я привелъ уже выше, когда говорилъ о благотворной, съ точки зрѣнія г. Герценштейна, роли помѣщиковъ въ общественной и хозяйственной жизни Россіи. Къ нимъ онъ присоединяетъ еще указаніе на финансовыя затрудненія, съ какими была бы сопряжена такая операція, какъ націонализація.

Переходъ частновладѣльческихъ земель въ руки государства,—говоритъ Герценштейнъ,—если бы онъ вообще былъ признанъ возможнымъ и желательнымъ, могъ бы совершиться не иначе, какъ съ выкупомъ. Если націонализація вызываетъ цѣлый рядъ весьма основательныхъ возраженій, то еще больше возраженій вызвала бы конфискація частныхъ земель, потому что переходъ земель въ руки государства безъ вознагражденія владѣльцевъ былъ бы равносиленъ конфискаціи... Можно ли считать справедливымъ экспропріацію земель, лишающую одинъ классъ собственниковъ его имуще-

ства и дохода, и оставлять въ то же время другой классъ собственниковъ въ полномъ обладаніи ихъ имуществомъ и доходомъ?.. Если бы національзація была признана необходимою, то ее пришлось бы поэтому совершить не иначе, какъ посредствомъ выкупа...

Площадь частновладѣльческихъ земель всѣхъ сословій въ 1900 году равна была 100 милл. десятинъ. Чтобы выкупить ихъ, нужно было бы затратить капиталъ, который по самому скромному разсчету будетъ составлять большіе милліарды. Такая финансовая операція по своей грандіозности превосходила бы все, что намъ приходилось до сихъ поръ встрѣчать, и я не знаю можно ли было бы на нее рѣшиться.

Я, конечно, понимаю ссылку докладчика на справедливость, хотя въ то же время хорошо вижу условный характеръ послѣдней. Несправедливо было бы лишить безъ вознагражденія собственниковъ ихъ земли, но несправедливо лишь съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ другимъ собственникамъ. Что касается трудящихся массъ, то съ ихъ точки зрѣнія справедливость, конечно, должна быть понимаема нѣсколько иначе, ибо при національзаціи они получатъ лишь свое, а не чужое. Я готовъ согласиться *), однако, что государство, предпринимая реформу, должно будетъ считаться съ тѣмъ, что эта реформа частичная, что другіе классы собственниковъ остаются и что поэтому, считаясь съ данной общественной психологіей, нельзя лишить одинъ классъ собствен-

*) Въ конечномъ счетѣ рѣшеніе вопроса о выкупѣ опредѣлится, конечно, тѣмъ соотношеніемъ силъ и интересовъ, съ какимъ государству придется считаться въ моментъ реформы. А это соотношеніе измѣняется очень быстро. Укажу хотя бы на слѣдующее обстоятельство. Благодаря рѣзкому паденію цѣнъ на землю (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ уменьшились уже въ 3—4 раза) собственники заложенныхъ имѣній въ сущности уже экспропріированы,— экспропріированы самою жизнью. Равнымъ образомъ цѣна закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ уже падала на биржѣ до 70%. Нѣтъ ничего не вѣроятнаго, что она упадетъ до 20—30%. Самый вопросъ о выкупѣ въ концѣ концовъ можетъ оказаться праздным. Становясь въ данномъ случаѣ на точку зрѣнія противника, я дѣлаю это прежде всего въ интересахъ полемики. Долженъ однако сказать, что я предвижу возможность такого соотношенія силъ, при которомъ сторонникамъ трудовыхъ интересовъ придется предпочесть выкупъ безмездной экспропріаціи. Обстоятельства могутъ сложиться, напримѣръ, такъ, что придется выбирать между національзаціей съ выкупомъ и безвозмезднымъ захватомъ въ личную собственность. Въ интересахъ трудящихся массъ я лично предпочту, конечно, первый выходъ. Вообще вопросъ о выкупѣ для меня не принципіальный, а дѣловой вопросъ, всецѣло подчиненный идеѣ національзаціи.

никовъ его имущества и дохода, тогда какъ другой классъ будетъ по прежнему обладать ими. Но признавая необходимымъ націонализировать землю, государство можетъ озаботиться, чтобы тяжесть ея легла равномѣрно на всѣ имущіе классы. Для этого же нужно только, чтобы собственники подѣлились между собою, т. е., чтобы выкупъ былъ оплаченъ тѣми, кто сохранитъ за собою тѣ или иные рентные доходы.

Можно указать, если хотите, даже болѣе серьезный доводъ въ пользу выкупа, чѣмъ условная справедливость. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ случаѣ придется считаться не съ сотней только тысячъ частныхъ землевладѣльцевъ, но и со многими милліонами. Выкупная операція и вся аграрная политика уже испортили до извѣстной степени народную психологію и отношеніе крестьянства даже къ надѣльной землѣ. Освобождать отъ путь собственности придется, стало быть, и послѣднюю. Кромѣ того нужно имѣть въ виду, какъ это и указываетъ г. Герценштейнъ, что въ частныхъ земляхъ заинтересованы не только владѣльцы ихъ, но и держатели закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ. Въ этой формѣ въ землю вложены по преимуществу или мелкія, а стало быть и многочисленныя сбереженія, или капиталы различныхъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ опять-таки нерѣдко заинтересованы массы. Такимъ образомъ идти путемъ выкупа, можетъ быть, заставитъ не только „справедливость“, но и небходимость считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ по данному вопросу, а также невозможность инымъ путемъ распутать до нельзя усложнившіеся счеты.

Но финансовыхъ опасеній г. Герценштейна я всетаки не понимаю. Нѣкоторымъ поясненіемъ для насъ можетъ служить впрочемъ, девятый пунктъ принятой съѣздомъ резолюціи, который вообще звучитъ нѣсколько странно. Указывая на то, что „съ финансовой точки зрѣнія проектируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія въ виду задолжности частнаго землевладѣнія“, съѣздъ, очевидно, имѣлъ въ виду не размѣры платежей, какими обяжется государство, а исключительно реализацію необходимыхъ для выкупной операціи капиталовъ. Съ этой точки зрѣнія выкупить закладные листы, конечно, легче, такъ какъ ихъ можно просто на просто замѣнить рентой, тогда какъ для уплаты землевладѣльцамъ, что,

очевидно, предполагается сдѣлать деньгами, нужно еще размѣстить ренту на рынкѣ. Вполнѣ возможно, что и г. Герценштейнъ, какъ присяжный финансистъ, озабоченъ, въ данномъ случаѣ больше всего тѣмъ, откуда взять капиталъ, необходимый для выкупа, и стало быть, какъ размѣстить бумаги государственнаго для этой цѣли займа. Операція, соглашаюсь, дѣйствительно „грандіозная“, и выполнить ее, можетъ быть, не легко.

Я—совершенный профанъ въ финансовыхъ вопросахъ и потому, можетъ быть, склоненъ разсуждать попросту. Думаю, что размѣры ежегодныхъ платежей представляютъ дѣйствительно очень важную вещь и дѣло, конечно, нужно обставить такъ чтобы они не оказались преувеличенными. Что касается технической стороны операціи, то надѣюсь, что финансисты, если ихъ хорошенько попросить, съумѣютъ это обладить. Вѣдь по нынѣшнимъ временамъ и не такія сложныя операціи устраиваются. Главное же, какъ я думаю, государству и реализировать капиталъ не придется. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему платить деньгами? Вѣдь теперь землевладѣльцы имѣютъ не деньги, а доходы. И государство можетъ имъ выдать выкупныя свидѣтельства, приносящія извѣстный процентъ. Если же получившія ихъ лица пожелаютъ реализировать капиталъ, то и пусть они сами размѣщаютъ ихъ на рынкѣ, какъ теперь сами пріискиваютъ покупателей на землю, когда желаютъ продать ее.

Свой главный, повидимому, доводъ г. Герценштейнъ приберегъ, однако, къ концу.

Но если уже говорить о національзаціи, то я не вижу,—говоритъ онъ,—почему въ руки государства должны перейти только частновладѣльческія земли. При послѣдовательномъ проведеніи національзація должна распространиться не только на частновладѣльческія, но и на крестьянскія земли, т. е. на тѣ, которыя получены крестьянами посредствомъ выкупа и добровольныхъ актовъ.

Несомнѣнно. Я уже говорилъ, что это одна изъ важнѣйшихъ задачъ аграрной реформы. Въ чемъ же, однако, затрудненія?

Я не говорю уже—продолжаетъ г. Герценштейнъ—о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми былъ бы связанъ обратный выкупъ 130 милл. дес... Гораздо болѣе важное значеніе имѣла бы та смута, которая возникла бы въ крестьянскихъ умахъ, если бы попытались объявить ихъ земли государственными. Могутъ ли крестьяне примириться съ тѣмъ, что государство во имя доктрины, правильность которой едва ли можетъ быть ими понята,

если она даже и признавалась вѣрною, лишитъ ихъ собственности на землю, которую они привыкли считать своею, или лишитъ ихъ земли, которую они пріобрѣли чрезъ посредство крестьянскаго или другихъ банковъ?.. Стоитъ только государству приступить къ осуществленію своихъ правъ, напримѣръ, къ раздачѣ купленной крестьянами земли другимъ разрядамъ крестьянъ, можетъ быть, болѣе нуждающимся, чтобы сразу обнаружилось, что если крестьяне относятся отрицательно къ помѣщичьей собственности, то они очень ревниво относятся къ своей и всячески готовы защищать свои права...

Возможна ли такая мѣра, какъ выкупъ государствомъ крестьянскихъ земель, съ тѣмъ, чтобы земли потомъ сдавались въ аренду тѣмъ же крестьянамъ? Желательна ли она? справедлива ли она?

При чемъ тутъ справедливость,—я совсѣмъ уже не понимаю. О желательности, послѣ высказанныхъ уже мною соображеній, говорить не приходится. Рѣчь можетъ быть только о возможности. Г. Герценштейнъ, какъ видно изъ сдѣланной мною выдержки, аппелируетъ къ испорченной уже народной психологіи и за ея счетъ грозитъ реформаторамъ дрекольями. Угроза, конечно, очень серьезная...

Но не слишкомъ ли низко г. Герценштейнъ оцѣниваетъ пониманіе крестьянъ? Уже теперь во множествѣ своихъ приговоровъ они проводятъ въ сущности ту же, недоступную для ихъ ума, какъ онъ думаетъ, идею. Главное же, по отношенію къ крестьянскимъ землямъ операція можетъ быть проведена настолько бережно, что заранѣе можно ручаться, что никакого конфликта не будетъ.

Основной смыслъ реформы заключается вѣдь въ томъ, чтобы обезпечить трудовое хозяйство въ сферѣ земледѣльческаго производства. Крестьянскія надѣльныя и купчія земли, въ массѣ своей, уже входятъ въ составъ трудового хозяйства, хотя и на иныхъ нѣсколько основаніяхъ, чѣмъ это должно быть по завершеніи реформы. Но спѣшить съ ними во всякомъ случаѣ нечего. Имѣются даже серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы за крестьянами на ихъ теперешнія земли сохранить особое право до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится демократическій режимъ. Необходимость немедленнаго государственнаго вмѣшательства въ эту сферу можно предусматривать лишь въ трехъ случаяхъ.

Во-первыхъ, въ случаѣ переселенія. Но предоставляя крестья-

нину новую землю и оказывая ему всю необходимую помощь, чтобы онъ на ней могъ обосноваться, государство легко можетъ войти съ нимъ въ соглашеніе и относительно прежней его земли.

Во-вторыхъ, въ случаѣ выселенія, т. е. окончательнаго прекращенія земледѣльческаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ государство должно будетъ, конечно, выкупить у крестьянина его право на землю, если только оно будетъ выкупать у частнаго землевладѣльца. Этимъ былъ бы облегченъ выходъ изъ деревни, а, стало быть, и свободное распредѣленіе населенія между городомъ и деревней, и въ то же время операція эта, по своимъ размѣрамъ, ни въ коемъ случаѣ не могла бы обременить государство. Ничего несовмѣстимаго съ установившимися взглядами на „окупленную“ землю въ этомъ то же нѣтъ, ибо и сейчасъ во многихъ мѣстахъ уже практикуется выдача въ той или иной формѣ вознагражденія за отказъ отъ надѣла.

Въ-третьихъ, наконецъ, переходъ на надѣльной или купчей землѣ къ предпринимательскому хозяйству, т. е. къ эксплуатаціи земли на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ эксплуатируются въ настоящее время частновладѣльческія земли. Само собой понятно, что этотъ фактъ самъ по себѣ долженъ служить достаточнымъ и вполнѣ понятнымъ для народа основаніемъ для принудительнаго выкупа.

Такимъ путемъ, не предпринимая въ этомъ отношеніи никакой „грандіозной“ операціи и не приходя въ столкновеніе съ народной психологіей, государство можетъ мирно и въ полномъ согласіи съ интересами массъ разрѣшить мучительный компромиссъ, завѣщанный намъ исторіей въ видѣ надѣльныхъ земель. Вопросъ будетъ разрѣшенъ постепенно, но безъ какого-либо особаго ущерба для правильнаго теченія народно-хозяйственной жизни. Когда же новый порядокъ упрочится и вполнѣ естественное недовѣріе крестьянства къ государству исчезнетъ, то и всю операцію завершить будетъ не трудно.

Съѣздъ же, отринувъ націонализацію и не обсудивъ общаго вопроса о формахъ землевладѣнія и землепользованія, въ сущности ни на одну іоту не разъяснилъ этой трудной народно-хозяйственной проблемы. Какова же будетъ судьба надѣльныхъ земель за прирѣзкою къ нимъ новыхъ пространствъ? Перейдутъ они въ личную собственность? Но даже кн. Волконскій и тотъ полагалъ,

что „такого рѣшенія вопроса, конечно, не будетъ“ *). Или же онѣ останутся на неопредѣленное время въ прежнемъ положеніи, затрудняя свободное размѣщеніе населенія на территоріи и сдѣлавъ въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ новый острый приступъ малоземелья?

Организаторы съѣзда увлеклись, повидимому, ролью продолжателей реформы 1861 года, но это продолженіе они поняли въ смыслѣ копированія. Не только принудительный выкупъ, они скопировали и указной надѣлъ, и даже „неприкосновенное“ право. Программу ихъ уже стали иронически называть программой „второго освобожденія“.

Но мы слишкомъ тяжело уже поплатились за тотъ компромиссъ, къ какому вынуждены были дѣятели освободительной эпохи и затягивать его на неопредѣленное время было бы ужасно. Съ другой стороны, демократическія силы въ странѣ за 40 лѣтъ значительно возрасли, и топтаться на одномъ мѣстѣ было бы преступно. Иниціаторы съѣзда, по слухамъ, очень довольны тѣмъ, что они выторговали принудительный выкупъ. Но что же тутъ новаго сравнительно даже съ 1861 годомъ? Да и они ли выторговали? Не жизнь ли? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь пріятнѣе жить на дачѣ, чѣмъ сидѣть въ крѣпости.

Жизнь же всѣхъ своихъ силъ еще не обнаружила. И спѣшить теперь сторговаться—не значитъ ли это запродавать кростьянскіе интересы по цѣнѣ, которая еще не установилась на рынкѣ.

Да и не такая это вещь крестьянскіе интересы, чтобы изъ нихъ дѣлать добровольныя уступки. Уступки могутъ быть только вынуждены и во всякомъ случаѣ не прежде, чѣмъ всѣ силы будутъ исчерпаны. Для того же, чтобы силы лучше были использованы, сторонники крестьянскихъ интересовъ должны прежде всего сплотится въ партію.

IX. Платформа съ умолчаніемъ.

„Всякая программа обязана дать самое ясное и точное рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ, рѣшеніе, вытекающее изъ со-

*) „Русь“, 6 мая.

вѣсти и общественныхъ убѣжденій той или иной группы. Программа — это публичное заявленіе своихъ взглядовъ на общія и частныя проблемы соціально-политической жизни страны; это — знамя, которое обнаруживаетъ предъ всѣми смыслъ и значеніе данной группы. Поэтому, программы каждой дѣеспособной организаціи чужды какихъ-либо умолчаній или двусмысленыхъ отвѣтовъ на жизненные вопросы и обязательны для всѣхъ, признавшихъ правильность этихъ отвѣтовъ" *). Строки эти принадлежатъ г. С. Н. С.—внутреннему обозрѣвателю въ „Мірѣ Божіемъ", и высказаны имъ по адресу программы демократическаго блока, перепечатанной, между прочимъ, въ книгѣ С. Н. Прокоповича: „Къ рабочему вопросу въ Россіи". Программа эта заключаетъ въ себѣ и дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, но не это я сейчасъ имѣю въ виду и не по этому поводу г. С. Н. С. сдѣлалъ приведенное замѣчаніе. Соглашаясь въ общемъ съ нимъ, я долженъ однако, прибавить съ своей стороны небольшое разъясненіе.

Особенно важными въ каждой программѣ представляются мнѣ опредѣленные отвѣты на ближайшіе вопросы соціально-политической жизни. Если по отношенію къ задачамъ, еще не поставленнымъ жизнью на очередь, можно довольствоваться тѣми рѣшеніями, какія вытекаютъ изъ основныхъ положеній партійной программы, то по отношенію къ стоящимъ уже на очереди вопросамъ никакое умолчаніе и тѣмъ болѣе никакая двусмысленность не допустимы. Съ этой точки зрѣнія, въ русскихъ программахъ сейчасъ мнѣ представляется болѣе важнымъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ объ избирательномъ правѣ, чѣмъ на вопросъ, скажемъ, о референдумѣ; равнымъ образомъ несравненно нужнѣе сейчасъ опредѣленный отвѣтъ по аграрному вопросу, чѣмъ по вопросу, напримѣръ, о республикѣ (а именно по этому вопросу г. С. Н. С. и дѣлаетъ свой упрекъ программѣ, напечатаной въ книжкѣ С. Н. Прокоповича). Выражаясь иначе, я бы сказалъ: въ программѣ важнѣе всего опредѣленные принципы, въ платформѣ—ясныя формулы.

Считая нужнымъ сдѣлать это поясненіе, я предпочелъ привести всетаки подлинныя слова г. С. Н. С., имѣя въ виду, что этотъ авторъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые полагаютъ, что „Россія страдаетъ не только и не столько отъ развитія капитализма,

*) „Міръ Божій", 1905 г. августъ, стр. 100.

сколько отъ его недостаточнаго развитія". Другими словами: требованіе программной опредѣленности и ясности, выраженное перомъ г. С. Н. С., исходитъ изъ лагеря марксистовъ. Тѣмъ болѣе, стало быть, мы имѣемъ право предъявить такое же требованіе къ ихъ собственной программѣ. И вотъ опредѣленнаго отвѣта по аграрному, т. е. по самому важному и, быть можетъ, самому неотложному сейчасъ соціально-политическому вопросу народной жизни, въ ихъ программѣ мы не находимъ.

Когда-то марксистская программа въ этомъ отношеніи была совершенно ясна, опредѣленна, категорична: „мужикъ долженъ вывариться въ фабричномъ котлѣ". Эволюція въ сферѣ сельскаго хозяйства представлялась съ этой „точки зрѣнія" *) совершенно тождественной съ той, какая происходила и происходитъ въ индустріи: мелкіе производители должны исчезнуть и все сельско-хозяйственное производство должно сконцентрироваться въ крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ,—своего рода фабрикахъ. Оказалось, однако, что мужикъ проявляетъ удивительное упорство, а крупное предпринимательское хозяйство—неожиданное безсиліе. Въ частности, вмѣсто концентраціи земельной собственности, происходитъ быстрое ея дробленіе. Тогда явилась новая теорія—теорія „хозяйственнаго мужичка", который де и „соберетъ" землю. Начались заполонившіе вскорѣ всю литературу разговоры о „дифференціаціи", которая съ этой „точки зрѣнія" должна разслоить, или, какъ потомъ стало казаться въ пылу полемики, даже разслоила уже деревню. Оказалось, однако, что и дифференціаціи въ дѣйствительности не происходитъ. Первоначально это было признано устами г. Маслова, который создалъ очень любопытную теорію для объясненія этого факта. По его мнѣнію, крестьянская масса непобѣдима въ сферѣ сельско-хозяйственнаго производства потому, что она состоитъ изъ „пауперовъ". Если бы крестьяне были побогаче, то—съ этой „точки зрѣнія"—они очень скоро бы „разслоились" и, стало быть, въ массѣ раззорились **). Эта любо-

*) Точку зрѣнія я заключаю въ ковычки, имѣя въ виду, что изъ марксистскаго лагеря котда то было заявлено, что всѣ разногласія ихъ съ другими и заключаются именно въ „точкѣ зрѣнія".

**) Основная мысль г. Маслова заключается, повидимому, въ томъ, что въ нивеллированной нищетой деревнѣ не могло произойти и не можетъ происходить такъ называемое „первоначальное накопленіе капитала". Но вѣдь

пытная теорія сдѣлалась теперь почти уже общимъ мѣстомъ въ марксистской литературѣ. Вотъ и г. С. Н. С. полагаетъ, что всѣ наши затрудненія выражаются въ томъ, что „вмѣсто дифференціаціи крестьянства, являющейся точнымъ признакомъ хозяйственнаго прогресса, въ значительной части сельской Руси наблюдается нивеллировка мелкихъ производителей... которая на дѣлѣ означаетъ равенство нищеты“ *).

Какъ бы то ни было, оказалось, что стихійный ходъ экономической эволюціи, на которомъ въ сущности и строились всѣ разсчеты, обманулъ—и даже не разъ обманулъ—предвидѣнія теоретиковъ экономическаго матеріализма. Оказалось, что необходимо еще сознательное вмѣшательство организованныхъ общественныхъ силъ въ цѣляхъ... пролетаризаціи крестьянской массы; впрочемъ, непосредственность русскаго марксизма уже вытравлена жизнью, и потому теперь говорятъ иначе: въ цѣляхъ „развитія классовыхъ противорѣчій“.

Мнѣ приходилось уже указывать, какой словесный прыжокъ нужно было сдѣлать, чтобы получить эту формулу. По идеѣ учителя задача заключается въ томъ, чтобы развивать *сознаніе* классовыхъ притиворѣчій. Что касается самыхъ противорѣчій, то о развитіи ихъ безпокоиться нечего, ибо они развиваются въ стихійномъ теченіи жизни. Но русскіе соціалъ-демократы сочли возможнымъ взять на себя и эту неблагодарную задачу. Они проявили даже готовность, поскольку рѣчь идетъ о деревнѣ, оказать

капитализмъ не всегда же развивается извнутри; съ неменьшимъ удобствомъ онъ могъ бы завоевать русскую деревню и извнѣ. Вѣдь рядомъ съ крестьянствомъ съ самаго начала были поставлены помѣщичьи хозяйства, получившія при томъ многомилліонную выкупную ссуду. Далѣе, если капиталовъ внутри страны для организаціи сельско-хозяйственнаго производства оказалось не достаточно, то вѣдь они могли притечь и изъ-за границы. И всетаки капитализмъ не организовалъ русскаго земледѣльческаго производства и не развилъ въ этой сферѣ производительныхъ силъ. Не потому ли это произошло, что техническій прогрессъ для капитализма это только средство, основная же цѣль—эксплуатація? Для эксплуатаціи же русской деревни,—какъ я настаиваю все время,—онъ нашелъ иные пути, помимо организаціи производства. Въ такомъ случаѣ, „первоначальное накопленіе“, если бы для него и открылась возможность въ русской деревнѣ,—а объ этомъ и хлопочетъ г. Масловъ,—можетъ оказаться для развитія производительныхъ силъ по меньшей мѣрѣ безполезно.

*) „Міръ Божій“, августъ, внутреннее обозрѣніе.

свою помощь буржуазіи. Да и какъ не помочь, когда „Россія страдаетъ не только и не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостаточнаго его развитія“...

Въ этомъ отношеніи *программа* русскихъ соціалъ-демократовъ, пожалуй, сохранила свою прежнюю опредѣленность, но ихъ *платформа* получила въ этомъ пунктѣ туманный и даже нѣсколько двусмысленый характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, классовыя противорѣчія внутри русской деревни не развиваются или развиваются черезчуръ медленно. Допустимъ даже, что это происходитъ, какъ полагаетъ г. Масловъ, всецѣло отъ ея низкаго экономическаго уровня и что этотъ послѣдній представляетъ не результатъ, хотя бы и своеобразнаго, капитализма, а причину его недостаточнаго развитія. Какъ бы то ни было, чтобы помочь „развитію классовыхъ противорѣчій“ въ русской деревнѣ съ этой точки зрѣнія есть только одно средство: поднять экономическій уровень крестьянской массы и для этого поставить прежде всего въ достаточно благопріятныя условія крестьянское, т. е. трудовое, а не предпринимательское хозяйство. Эту позицію и занялъ, въ концѣ концовъ, русскій марксизмъ и всѣ его усилія въ этомъ направленіи, конечно, можно только привѣтствовать. Такимъ путемъ въ его платформу прокрались сначала „отрѣзки“, а потомъ, какъ я упомянулъ уже въ четвертой главѣ, и всѣ земли. Но такая платформа плохо ладитъ съ программой: въ самомъ дѣлѣ, приходится поддерживать хозяйство, которое должно исчезнуть, и собственными руками нужно дробить землю, которая должна вѣдь быть „собрана“.

Третій съѣздъ, включая въ свою резолюцію всѣ земли, счелъ за лучшее, однако, умолчать, какая же судьба ихъ должна постигнуть. Должны ли онѣ поступить въ личную собственность крестьянъ или же перейти къ нимъ на какомъ-либо другомъ правѣ? Отбирать землю у однихъ собственниковъ для того, чтобы ее передавать другимъ такимъ же собственникамъ; дробить землю затѣмъ, чтобы потомъ собирать ее; взявъ хотя бы на одинъ моментъ землю въ распоряженіе коллективности, немедленно передать ее частнымъ лицамъ, чтобы въ будущемъ опять возвращать ее обществу... какъ хотите, но въ этомъ есть какая-то несообразица. Съ другой стороны, всякое иное „право“ на землю, кромѣ личной собственности, плохо мирится съ развитіемъ классовыхъ

противорѣчій. Это, нужно думать, и заставило прибѣгнуть къ фигурѣ „умолчанія“.

Съ внѣшней стороны, впрочемъ, получилось все прилично: пусть крестьяне сами проводятъ необходимыя „преобразованія“ и, стало быть, сами рѣшаютъ, что имъ дѣлать съ землею. Это, на первый взглядъ кажется даже демократично. Но легко понять, что отъ этой демократичности вѣетъ демагогіей. Такой полной „свободой“, конечно, крестьянъ увлечь можно... Но, вѣдь, задача не въ томъ только, чтобы ихъ увлечь, но въ томъ, чтобы ихъ увлечь опредѣленнымъ общественнымъ идеаломъ. Можетъ быть, въ основѣ лежитъ въ данномъ случаѣ указанная мною опредѣленность программы. Князь Волконскій, какъ мы видѣли, убѣжденъ, что „крестьяне жаждутъ частной собственности“. Возможно, что въ основѣ разсматриваемой платформы лежитъ тотъ же разсчетъ: получивъ землю, крестьяне раздѣлятъ ее въ личную собственность, затѣмъ одни изъ нихъ обезземелятъ другихъ и классовыя противорѣчія такимъ путемъ разовьются. Но если такъ, то платформа, хотя и съ другой стороны, получаетъ тотъ же оттѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же будетъ означать въ такомъ случаѣ „конфискація“, предпринимаемая не во имя опредѣленнаго общественнаго идеала, не для установленія новыхъ общественныхъ отношеній, не для осуществленія права, а просто, чтобы „улучшить свое положеніе“? Вѣдь эта „конфискація“ должна носить въ такомъ случаѣ совсѣмъ иное имя. Рабочимъ улучшать свое положеніе такимъ путемъ ни одинъ соціалъ-демократъ, какъ никакъ, а не посовѣтуетъ.

Я не хочу допускать даже мысли, что „конфискація“ включена въ платформу съ цѣлью лишь бы увлечь массы. Думаю, что въ данномъ случаѣ оказалось вынесенное изъ изученія фактовъ сознаніе, что не возможно безъ земли улучшить экономическое положеніе крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ двинуть впередъ исторію. Платформа, вынужденная считаться съ жизнью, пришла такимъ образомъ въ конфликтъ съ программой, которую продиктовала доктрина. Этотъ конфликтъ, конечно, такъ или иначе разрѣшится. Можно надѣяться, что платформа преобразуетъ въ концѣ концовъ программу и жизнь подчинитъ себѣ доктрину.

Попытки со стороны русскихъ соціалъ-демократовъ включить землю, какъ органическую часть въ программу, уже есть. Одна

изъ первыхъ принадлежитъ упоминавшемуся выше г. Маслову *).

Я миную всѣ предварительныя разсужденія, далеко не всегда вразумительныя у этого автора, и возьму лишь сущность. „Передача земельнаго фонда, которымъ расширится крестьянское землепользованіе, въ распоряженіе областныхъ организацій является наиболѣе раціональной съ точки зрѣнія тѣхъ, кто не можетъ непосредственно воспользоваться землею"—таковъ его заключительный выводъ. Подъ областными организаціями г. Масловъ разумѣетъ земство, реорганизованное на демократическихъ началахъ; подъ тѣми, кто не можетъ непосредственно воспользоваться землею, онъ имѣетъ въ виду, конечно, прежде всего пролетаріатъ, точку зрѣнія котораго онъ считаетъ и своею.

Въ данномъ случаѣ важно, конечно, то, что землю г. Масловъ считаетъ необходимымъ оставить въ распоряженіи коллективности. Характерно, что онъ постулируетъ эту необходимость по отношенію лишь къ части земли („которою расширится крестьянское землевладѣніе") и изъ всѣхъ территоріальныхъ единицъ онъ останавливаетъ свое вниманіе не на самой крупной, т. е. государствѣ, и не на самой мелкой, т. е. общинѣ, а на средней, т. е. земствѣ. Но какъ я уже сказалъ, аргументаціи его я разсматривать не буду. Надѣюсь, однако, что и безъ этого,—послѣ того, что мною написано,—читатели не затруднятся отнестись, какъ слѣдуетъ, къ этому желанію въ томъ и другомъ случаѣ остановиться на полъ-дорогѣ.

Отмѣчу лишь ту мысль, которая въ конечномъ счетѣ заставила г. Маслова высказаться за передачу хоть части земли въ распоряженіе коллективности. „Если бы кто во имя интересовъ безцензовыхъ классовъ—говоритъ онъ—предлагалъ передать предпринимателямъ городскую собственность—улицы, городскія зданія и проч., то такое представительство интересовъ нельзя не счесть глубокимъ заблужденіемъ". Говоря проще: для „безцензовыхъ" классовъ, т. е. для пролетаріата, выгоднѣе, чтобы улицы были доступны всему населенію, чѣмъ если бы онѣ находились въ распоряженіи предпринимателей. Точно также для пролетаріата выгоднѣе, чтобы рента принадлежала обществу и расходовалась на

*) „Аграрный вопросъ въ Россіи". „Образованіе", 1905 г., май.

нужды всего населенія, а не захватывалась бы частными лицами. Мысль, конечно, очень простая и лишь русскимъ марксистамъ было такъ трудно до нея додуматься. Если бы г. Масловъ соблаговолилъ, хотя на одну минуту, взглянуть на вопросъ не только съ точки зрѣнія пролетаріата, но и съ точки зрѣнія многомилліонной массы русскаго народа, именуемой крестьянствомъ, то онъ понялъ бы, конечно, и другую столь же простую мысль: важно не только, чтобы рента расходовалась на нужды всего общества, важно и то, чтобы самая земля—вся земля, а не только городскія улицы—не была захвачена немногими предпринимателями и была доступна всему населенію. И это важно не только въ интересахъ крестьянства, но и „безцензовыхъ“ классовъ. Но эту мысль едва ли г. Масловъ скоро усвоитъ. Въ его программѣ написано: „развитіе классовыхъ противорѣчій“, и это развитіе онъ видитъ прежде всего въ умноженіи пролетаріата...

Во всякомъ случаѣ продержаться долго на платформѣ съ умолчаніемъ соціалъ-демократическая партія окажется не въ силахъ. Жизнь настойчиво требуетъ опредѣленнаго отвѣта, — и другіе соціалъ-демократы уже начали давать его. Говорю: соціалъ-демократы, а не соціалъ демократическая партія, потому что въ цѣломъ послѣдняя еще не высказалась и продолжаетъ числиться при „отрѣзкахъ“. Газета „Начало“ дала этотъ отвѣтъ на двое:

Мы можемъ сказать,—заявила она въ отвѣтъ на настойчивые вопросы противниковъ,—что тамъ, гдѣ преобладаетъ развитое капиталистическое сельское хозяйство, мы будемъ поддерживать передачу экспропріированной земли въ распоряженіе того или иного органа демократическаго самоуправленія, на условіяхъ, лучше всего обезпечивающихъ интересы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Тамъ же, гдѣ преобладаетъ система сдачи земли въ аренду мелкими участками, либо система отработковъ, т. е. въ значительномъ большинствѣ случаевъ мы будемъ требовать раздѣла земли, что явится уже значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ кабальнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ *).

Мѣстности „съ развитымъ капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ“ въ Россіи не очень многочисленны. Если же принять во вниманіе послѣдствія происходящихъ въ странѣ аграрныхъ волненій, то къ моменту рѣшенія аграрнаго вопроса ихъ, вѣроятно, и вовсе не окажется. Такимъ образомъ, отвѣтъ, данный на двое,

*) „Начало“, 26 ноября.

въ сущности, сводится къ одному: не только „въ значительномъ большинствѣ случаевъ“, но и вообще соціалъ-демократы, высказавшіеся въ „Началѣ“, собираются требовать „раздѣла земли“. Другими словами: формулу „вся земля“ они хотятъ дополнить словами „милліонамъ мелкихъ собственниковъ“.

Отвѣтъ данный г. Масловымъ, представляется мнѣ несравненно болѣе жизненнымъ. И этотъ отвѣтъ повидимому начинаетъ пріобрѣтать все большую популярность среди партій.

Пролетаріату не выгодно—пишетъ между прочимъ г. Валентиновъ въ „Правдѣ“—сажать себѣ на шею обыкновенно реакціонный классъ мелкихъ буржуа, защищающихъ буржуазный порядокъ отъ нападенія пролетаріата и поставляющихъ главную силу для всеразъѣдающаго милитаризма. Пролетаріату однако еще болѣе невыгодно, съ другой стороны, оставить неприкосновеннымъ дворянскій классъ съ его феодальными вожделѣніями. Избѣжать Сциллу мелкобуржуазнаго потока, избавиться отъ Харибды дворянскаго движенія, превратить крестьянское движеніе въ демократическое, не идущее въ разрѣзъ съ интересами пролетаріата, а наоборотъ обслуживающсе ближайшія и конечныя стремленія рабочаго класса, такова задача соціалъ-демократіи... Поэтому соціалъ-демократія не можетъ и не должна вписывать въ свою программу дѣлежъ между крестьянами помѣщичьей земли... Поэтому всѣ конфискованныя земли должны превратиться въ общественную собственность, а рента пойти на удовлетвореніе культурно-просвѣтительныхъ общественныхъ нуждъ.

Но это еще не синонимъ формулы: „вся земля—всему народу“. Рѣчь идетъ только о „конфискованныхъ“ земляхъ и, кромѣ того, г. Валентиновъ такъ же, какъ и г. Масловъ, не склоненъ идти до націонализаціи. Онъ полагаетъ возможнымъ остановиться на „муниципализаціи“, т. е. онъ хочетъ, чтобы конфискованная земля была передана всему населенію той или иной мѣстности, но не всему народу, объединенному въ государствѣ. Но я думаю, что на этомъ эволюція соціалъ-демократическихъ взглядовъ не остановится. Уступая властнымъ требованіямъ жизни и не менѣе властнымъ велѣніямъ мысли, они конечно, пойдутъ дальше и рано или поздно, но скажутъ вмѣстѣ съ нами: „вся земля—всему народу!“

X. Община и государство.

(*Отвѣтъ г. Новоторжскому*).

Открытое письмо г. Новоторжскаго *) заставляетъ меня вернуться къ одной изъ темъ, затронутыхъ мною въ III главѣ.

Высказываясь тамъ противъ аполитизма въ аграрномъ вопросѣ, я имѣлъ прежде всего въ виду крайнія его проявленія т. е. тѣхъ, „кто, какъ выражается теперь г. Новоторжскій, считаетъ возможнымъ перепрыгнуть чрезъ правовое государство прямо въ трудовое“. Высказаться въ этомъ направленіи я считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ прошлой исторіи соціалъ-народничества аполитизмъ окрасилъ собою цѣлую полосу, при чемъ дѣло доходило и до серьезныхъ увлеченій. Съ другой стороны, „молодое“, какъ выражается г. Новоторжскій, народничество возрождалось подъ сильнымъ давленіемъ марксизма, и вліяніе марксистской аргументаціи, какъ я думаю, до сихъ поръ въ извѣстной степени сказывается на нѣкоторыхъ его программныхъ построеніяхъ. Отъ этой зависимости уже пора избавиться. Въ данномъ случаѣ важно, конечно, то, что марксизмъ всю свою программу, за исключеніемъ конечнаго идеала, строитъ въ „рамкахъ буржуазнаго строя“. Поэтому и государство онъ не можетъ мыслить иначе, какъ буржуазнымъ и относиться къ нему иначе, какъ къ враждебной силѣ и, стало быть, съ безусловнымъ недовѣріемъ. Наше положеніе нѣсколько иное. Въ „рамкахъ“ мы не видимъ ничего священнаго и цѣлостью ихъ нисколько не озабочены. Напротивъ, мы готовы и желаемъ изъ нихъ выйти, гдѣ это только окажется возможнымъ. Поскольку это намъ удастся, постольку и государство потеряетъ для насъ свой враждебный характеръ. Наши соціальные идеалы неразрывно связаны съ политическими и наше движеніе въ томъ и другомъ направленіи можетъ быть и непремѣнно должно быть единымъ.

По свидѣтельству г. Новоторжскаго—думаю, что это ему видпѣе,—представители упомянутаго аполитизма у насъ „малочисленны и не вліятельны“. Тѣмъ лучше. Съ самимъ г. Новоторж-

*) См. „Русское Богатство“, 1905 г. августъ.,

скимъ мы во всякомъ случаѣ согласны въ главномъ: мы „не игнорируемъ правового государства и не отрицаемъ творческихъ силъ послѣдняго". „Правовое государство, несомнѣнно, должно— говоритъ г. Новоторжскій—закрѣпить положительнымъ закономъ каталогъ естественныхъ правъ. начертанный на нашемъ знамени, и всѣ пріобрѣтенія переходнаго времени". Стало быть, и самое государство должно получить такой характеръ, при которомъ оно было бы способно не только установить, но и поддержать новый порядокъ. И мы, конечно, должны употребить всѣ усилія, чтобы это такъ и было.

Больше того г. Новоторжскій мыслитъ себѣ этотъ новый порядокъ какъ закрѣпленіе правъ не только за личностью, но и за тою или иною коллективностью. Въ частности, поскольку рѣчь идетъ о землѣ, онъ полагаетъ такъ же, какъ и я, необходимымъ, чтобы нѣкоторыя „пріобрѣтенія переходнаго времени были закрѣплены за самимъ государствомъ". Если мы и расходимся съ нимъ въ этомъ пунктѣ, то развѣ по вопросу о характерѣ и размѣрахъ государственныхъ правъ на землю. Прежде чѣмъ, однако, локализировать наше съ нимъ разногласіе, по этому вопросу, я долженъ сказать нѣсколько словъ о государствѣ.

Само собой понятно, что и я, и г. Новоторжскій имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду не теперешнее бюрократическое, а реорганизованное на демократическихъ началахъ государство. Возможно, однако, другое недоразумѣніе. Употребляя этотъ терминъ въ своихъ статьяхъ, я постоянно имѣю въ виду не только „весь народъ, объединенный въ государство, но и все населеніе той или иной территоріи, объединенное въ общину", *) а стало быть— не только центральные органы государства, но и мѣстные органы самоуправленія. Говоря о правахъ „государства", я все время имѣлъ въ виду всю сумму правъ, какая будетъ принадлежать территоріальнымъ, общественно-принудительнымъ союзамъ населенія, (т. е. государству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, губернскому и уѣздному земству, мелкой земской единицѣ и т. д.), каковые союзы необходимо отличать отъ союзовъ частно-правовыхъ, добровольныхъ (товариществъ, артелей, акціонерныхъ компаній, различ-

*) См. „Русское Богатство". „Хроника внутренней жизни", апрѣль 1905 г.

ныхъ обществъ и т. д.). Вопросъ о распредѣленіи общей суммы правъ между центральными и мѣстными органами самоуправленія, по моему мнѣнію, особый и его въ своихъ статьяхъ я пока не касался. Само собой понятно, что если имѣются основанія не довѣрять по тѣмъ или инымъ причинамъ, скажемъ, центральнымъ представительнымъ учрежденіямъ, то нужно, стало быть, употребить усилія, чтобы изъ общей суммы правъ больше досталось мѣстнымъ органамъ самоуправленія, и наоборотъ. Въ частности по отношенію къ землѣ, было бы конечно, не раціонально всю сумму коллективныхъ правъ на нее оставлять за центральною властью. Стоитъ для этого только представить себѣ, во что бы обратилось земельное дѣло въ случаѣ его централизаціи. Вопросъ о распредѣленіи въ данномъ случаѣ функцій, а стало быть и правъ, между центральною и мѣстною (въ различныхъ ея градаціяхъ) властью, несомнѣнно, представляетъ одну изъ важныхъ сторонъ аграрной реформы. Но этого вопроса, какъ уже сказано, я не касался.

Возможно, что наше разногласіе съ г. Новоторжскимъ до извѣстной степени объясняется тѣмъ, что мы въ разномъ смыслѣ употребляемъ одинъ и тотъ же терминъ. Имѣя, быть можетъ, въ виду государство въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, онъ, естественно, считаетъ необходимымъ ограничить его права болѣе узкими предѣлами, чѣмъ дѣлалъ это я. Вѣроятнѣе, однако, что этимъ наше разногласіе съ нимъ не можетъ быть исчерпано.

Выше я упомянулъ о „населеніи той или иной территоріи, объединенномъ въ общину“, какъ объ органической части государства. Представляетъ ли такую часть наша земельная община? Несомнѣнно, что когда-то она имѣла характеръ территоріальнаго союза, правоспособнаго выполнять государственныя функціи. Но теперь она представляетъ нѣчто промежуточное между общественно-принудительнымъ союзомъ и частно-правовымъ, — и въ этомъ, какъ я думаю, заключается одна изъ главныхъ причинъ ея довольно фальшиваго положенія въ современной жизни. Съ одной стороны, члены общины объединены между собою по территоріальному признаку, и она располагаетъ въ извѣстной мѣрѣ принудительною властью. Съ другой стороны, она охватываетъ уже не все населеніе, находящееся на данной территоріи и, заслоненная сельскимъ обществомъ, утратила уже значительную часть своихъ политическихъ функцій. Такой же двойственный характеръ имѣютъ

и отношенія общины къ землѣ: съ одной стороны члены ея являются какъ бы только товарищами въ общемъ имуществѣ, съ другой— община въ цѣломъ какъ будто имѣетъ такія права на землю, какихъ не имѣютъ эти товарищи въ отдѣльности. Я полагаю, что въ этомъ неопредѣленномъ положеніи русская земельная община остаться не можетъ и должна будетъ эволюціонировать въ ту или другую сторону. Она должна или сдѣлаться частно-правовымъ, добровольнымъ союзомъ, превратиться въ товарищество, или же возродиться въ качествѣ территоріальнаго союза, войти въ составъ государства, въ качествѣ его органической части. Возможно, что судьба общины не во всѣхъ случаяхъ будетъ одинакова. Въ общемъ же, какъ я думаю, при націонализаціи община можетъ и должна быть освобождена отъ довольно тяжелой для нея, какъ хозяйственнаго союза, обязанности быть носительницей общественныхъ правъ на землю, которыя съ момента реформы перейдутъ къ коллективности иного типа и строенія. Поэтому-то я и не склоненъ на этомъ базисѣ строить аграрную реформу, — тѣмъ болѣе, что община существуетъ далеко не повсемѣстно. Поэтому же, а отчасти исходя изъ факта, что хозяйственныя функціи общины въ настоящее время преобладаютъ надъ соціально-политическими, я и противополагалъ ее, какъ „хозяйственный союзъ", государству. Это не значитъ, конечно, что община не съиграетъ никакой роли въ аграрной реформѣ. Но объ этомъ ниже.

Я не знаю, задумывался ли надъ указаннымъ мною вопросомъ и какъ рѣшаетъ его г. Новоторжскій. Въ письмѣ же его на этотъ счетъ имѣются нѣкоторыя противорѣчія или неточности. Повидимому, онъ склоняется всетаки къ тому, чтобы разсматривать общину, какъ частно-правовой союзъ. Такъ онъ опредѣляетъ ее, какъ „союзъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ", и предусматриваетъ въ будущемъ возможность перехода ея въ „товарищество непосредственныхъ производителей". Но, разсматривая общину, какъ товарищество, какъ профессіональный союзъ, онъ считаетъ въ то же время не только возможнымъ, но и необходимымъ сдѣлать ее участницей общественныхъ правъ на землю и при томъ въ большей даже мѣрѣ, чѣмъ государство, т. е. союзъ всего населенія. Я думаю, что это совершенно неправильно.

Земля должна принадлежать всему народу и быть доступной для всего населенія. Предоставить же ее профессіональнымъ сою-

замъ—это значитъ въ сущности обратить ее въ частную собственность. Такимъ путемъ былъ бы созданъ привилегированный классъ, хотя и очень многочисленный, но все-таки пользующійся правами, какихъ нѣтъ у остальной, хотя бы и меньшей, части народа. Остальное населеніе оказалось бы лишеннымъ земли и доступъ для него къ ней былъ бы тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ прочнѣе земля была бы закрѣплена за общиной. Сознавая это, г. Новоторжскій проектируетъ принудительное вселеніе въ общину. Сейчасъ мы увидимъ, что это право, каковое онъ считаетъ возможнымъ предоставить государству, не обезпечиваетъ въ надлежащей мѣрѣ интересовъ безземельнаго населенія. Въ данномъ же случаѣ важно отмѣтить, что оно противорѣчитъ собственному взгляду г. Новоторжскаго на общину, какъ на частно-правовой союзъ. Навязывать членовъ „товариществу“ не всегда рѣшается даже полицейское государство. Легко понять, что община, въ которую „вселяютъ“, не можетъ развиться въ кооперацію.

Г. Новоторжскій говоритъ, что земля предоставляется, по его проекту, общинѣ не въ собственность, а въ пользованіе. „Единственно, что можетъ вводить въ заблужденіе, — говоритъ онъ,— это пониманіе требованія соціализаціи, какъ расширенія и улучшенія общиннаго *землевладѣнія*. Не объ общинномъ землевладѣніи печемся мы, а объ общинномъ землепользованіи“. И тутъ же прибавляетъ: „фактически дѣло, конечно, не мѣняется отъ того, какое названіе мы предпочтемъ“. Фактически же дѣло съ этимъ вопросомъ обстоитъ такъ: самъ г. Новоторжскій предвидитъ, что община должна будетъ выдавать денежное вознагражденіе выходящимъ изъ нея членамъ и даже настолько обезпокоенъ правильнымъ выполненіемъ этой операціи, что считаетъ необходимымъ привлечь къ участію въ ней государство. Не трудно понять, откуда взялось это „денежное вознагражденіе“. Право на ренту, по проекту г. Новоторжскаго, остается за общиной, т. е. за союзомъ частныхъ лицъ,—право же получать ренту это и есть право собственности на землю. Предусматриваемое имъ вознагражденіе—это выдѣлъ изъ товарищеской собственности.

На первый взглядъ можетъ, конечно, показаться, что право на ренту имѣетъ и государство, ибо оно можетъ вселять въ общину новыхъ членовъ и, стало быть, дѣлать ихъ участниками въ дѣлежѣ ренты. Но неужели г. Новоторжскій не замѣчаетъ такого

противорѣчія: уходящему члену за отказъ его отъ надѣла община выплатитъ денежное вознагражденіе, а государство на эту самую, только что оплаченную общиной, землю немедленно вселитъ новаго члена безвозмездно. Согласится ли при такихъ условіяхъ община давать выдѣлъ? Не придется ли ее къ этому понуждать скорпіонами? Или же государство будетъ вкупать новыхъ членовъ въ общину, т. е. покупать для нихъ землю у послѣдней? Или они сами должны будутъ вкупаться? Въ результатѣ, неизбѣжно или уходъ отъ земли, или доступъ къ ней окажутся затрудненными.

Пойдемъ, однако, дальше. Право собственности—можетъ мнѣ сказать г. Новоторжскій — будетъ всетаки ограничено. Земля по его проекту не можетъ сдаваться въ аренду и обрабатываться наемнымъ трудомъ; такимъ образомъ она перестанетъ служить средствомъ для эксплуатаціи одной части населенія другой. Но и это не совсѣмъ такъ. При мѣновомъ строѣ хозяйства, дифференціальная рента, какъ я уже говорилъ, неизбѣжно выдѣлится изъ общественнаго продукта въ качествѣ особой доли, которая и распредѣлится между производителями не пропорціонально затраченному ими труду, а пропорціонально общественнымъ и естественнымъ качествамъ ихъ земли. И тѣ производители, которые получатъ больше, чѣмъ слѣдовало бы по произведеннымъ имъ трудовымъ затратамъ, будутъ эксплуатировать, стало быть, тѣхъ, кто будетъ получать меньше.

Рента представляетъ результатъ естественныхъ и, главное, общественныхъ условій. Кто создалъ эту долю цѣнностей, сказать не возможно. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что въ созданіи ея участвуютъ не только земледѣльческіе производители, но и все общество, въ томъ числѣ и населеніе, занятое въ другихъ отрасляхъ производства. Государство строитъ, напримѣръ, желѣзную дорогу и сразу вдвое или больше уменьшаетъ затраты труда цѣлаго ряда общинъ по доставкѣ ихъ продуктовъ на рынокъ. Населеніе сосѣдняго города начинаетъ быстро возрастать и опять цѣлый рядъ общинъ получаетъ возможность сбывать свои продукты на близкомъ рынкѣ по такимъ цѣнамъ, по какимъ раньше они могли сбывать ихъ лишь на дальнемъ. Такимъ образомъ, лица, обладающія землею, будутъ учитывать въ свою пользу результаты коллективнаго труда. Это, конечно, не справедливо. Но при массѣ

земледѣльческихъ производителей въ этомъ, можетъ быть, и не было бы большой бѣды, если бы рента распредѣлялась между ними равномѣрно и если бы доступъ къ землѣ дѣйствительно былъ свободенъ для всѣхъ желающихъ. Но рента будетъ распредѣляться неравномѣрно: однѣ общины будутъ получать больше, другія—моньше. „Борьба за землю—писалъ я—начнется среди самихъ крестьянъ, между сосѣдями, между селеніями, между мѣстностями“ *). „Мнѣ непонятно — говоритъ г. Новоторжскій — какимъ образомъ можетъ начаться эта борьба“. Борьба начнется на рынкѣ, ибо одни производители будутъ продавать свои продукты въ ущербъ другимъ или съ выгодою за счетъ другихъ, а затѣмъ дѣло постепенно можетъ дойти и до дреколій.

Оставленіе ренты за общиной, какъ за союзомъ земледѣльческихъ производителей, можетъ имѣть и другое, не менѣе серьезное послѣдствіе. Право государства вселять новыхъ членовъ въ общину г. Новоторжскій обусловливаетъ наличностью у общины земли, которую она не можетъ обработать руками своихъ членовъ. Но въ томъ-то и дѣло, что избыточной земли, даже за выселеніемъ изъ общины прежнихъ членовъ, у нея можетъ никогда не получаться. Количество труда, вкладываемаго въ данную площадь, очень растяжимо, и можно опасаться, что желаніе сохранить за собой ренту со всей находившейся въ пользованіи земли будетъ удерживать общину отъ перехода къ болѣе интенсивной культурѣ. Она, быть можетъ, „наволокомъ“ будетъ сѣять хлѣбъ въ то время, когда слѣдовало бы уже троить землю; и, можетъ быть, лѣсъ будетъ у нея расти на томъ мѣстѣ, гдѣ уже можно было бы развести огороды. Или и систему хозяйства предписывать декретами? Но такого права государству г. Новоторжскій предоставить не предполагаетъ.

Такимъ образомъ, если бы даже и удалось благополучно разрѣшить вышеупомянутый вопросъ о выкупѣ и выдѣлѣ, то и за всѣмъ тѣмъ доступъ новыхъ членовъ въ общину оказался бы затрудненнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и прогресъ сельско-хозяйственной техники оказался бы необезпеченнымъ, такъ какъ неправильное, съ точки зрѣнія рынка, распредѣленіе культуръ и системъ хозяйства на территоріи не только не было бы предупреждено, но,

*) См. гл. III.

быть можетъ, было бы еще увеличено. Неизбѣжная при этомъ задержка въ развитіи производительныхъ силъ оказала бы такое давленіе на всю народно-хозяйственную жизнь, что пришлось бы или передѣлать аграрную реформу заново, или же предоставить богатымъ землею общинамъ право прибѣгать къ наемному труду, чтобы полнѣе использовать ихъ земельныя богатства.

Въ послѣднемъ случаѣ—и потому-то этотъ исходъ представляется болѣе вѣроятнымъ—никакого „акта“ даже не потребуется, ибо „ціи паны“ вырастутъ постепенно,—раньше, чѣмъ ихъ права будутъ признаны закономъ. Напрасно г. Новоторжскій полагаетъ, что наемный трудъ въ области сельскохозяйственнаго производства можетъ быть отмѣненъ декретомъ. Жизнь слишкомъ сложна для того, чтобы такъ просто можно было рѣшать такіе трудные вопросы. Укажу для примѣра хотя бы такой случай: рядомъ существуютъ два трудовыхъ хозяйства, изъ коихъ одно сѣетъ зерновые хлѣба, а другое - торговопромышленное растевіе, скажемъ, хотя бы коноплю; въ страдную пору для перваго хозяйства, у второго будутъ оставаться излишнія рабочія силы, и, наоборотъ, осенью и зимой, когда хлѣбъ уже обмолоченъ, съ конопле́й и пенькой еще много работы. Будетъ ли въ такомъ случаѣ воспрещено одному хозяйству пользоваться рабочими силами другого? За плату, за угощеніе и за всякое иное возмездіе, формы котораго ни одинъ законодатель предусмотрѣть не въ состояніи? И не установятся ли, въ концѣ концовъ, отношенія между этими хозяйствами, какъ отношенія между предпринимателемъ и рабочимъ? Я взялъ случай теоретическій, но вполнѣ возможный. Изъ двухъ рядомъ существующихъ общинъ, многоземельной и малоземельной,—а это по проекту г. Новоторжскаго не исключается, — первая будетъ сѣять, конечно, зерновые хлѣба, а вторая заведетъ конопляники. И не окажется ли, въ концѣ концовъ, что вторая въ страдную пору работаетъ на первую? Жизнь, повторяю, слишкомъ сложна. Укажу, далѣе, хотя бы такое обстоятельство: въ настоящее время въ деревнѣ нерѣдко нанимающійся является эксплуататоромъ, а наниматель эксплуатируемымъ. Я имѣю въ виду случаи, когда безлошадные нанимаютъ своихъ сосѣдей, чтобы „управить душу“. Такіе же случаи могутъ быть и бываютъ при неимѣніи во дворѣ работника, его болѣзни и т. д. Не будутъ же эти формы найма запрещены закономъ. А между тѣмъ каждая изъ нихъ, можетъ

быть, уже заключаетъ въ себѣ способное къ развитію зернышко эксплуатаціи. Но если бы даже всѣ выработанныя жизнью формы были воспрещены, то и въ такомъ случаѣ она не замедлитъ найти новыя, непредусмотрѣнныя.

Наемный трудъ въ земледѣліи простымъ декретомъ уничтожить не возможно. Для этого нужны другія средства и важнѣйшее изъ нихъ—не давать земли въ собственность частнымъ лицамъ и корпораціямъ, хотя бы то были „союзы дѣйствительныхъ земледѣльцевъ“. Лишь въ томъ случаѣ, когда земля будетъ принадлежать всему населенію, объединенному въ тотъ или иной территоріальный союзъ, дѣйствительно можетъ быть обезпеченъ доступъ къ ней всѣмъ трудящимся. Поэтому-то я и считаю невозможнымъ допустить, чтобы община, какъ „хозяйственный союзъ“, какъ „союзъ земледѣльческихъ производителей“ была надѣлена какими-либо правами на землю.

Обратимся однако къ тѣмъ доводамъ, которые заставляютъ г. Новоторжскаго высказаться въ данномъ случаѣ именно за общину. Однимъ изъ такихъ доводовъ для него является возможность, хотя онъ и не увѣренъ въ ней, обобществленія при посредствѣ общины хозяйства, т. е. и всѣхъ другихъ средствъ производства. „Разъ мы усматриваемъ въ концѣ пути сельскохозяйственнаго развитія—говоритъ онъ—товарищество непосредственныхъ производителей, то зачѣмъ разрушать тѣ ячейки, которыя уже сложились и которымъ нужны только благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія“. „Намъ кажется,—прибавляетъ онъ,—что наша община, будучи освобождена отъ всѣхъ лишнихъ наростовъ и костюмовъ, всегда сможетъ стать такимъ товариществомъ“. Но для этого, какъ я уже указалъ—и думаю, что г. Новоторжскій согласится со мной,—прежде всего необходимо, чтобы община сдѣлалась дѣйствительно свободнымъ, добровольнымъ союзомъ земледѣльцевъ. Стало быть, всякій элементъ внѣшняго принужденія долженъ быть устраненъ изъ ея жизни. Въ частности, коллективное право на землю, носительницей котораго являлась до сихъ поръ община, не только вносило элементы принужденія въ ея жизнь, но и служило тѣмъ „лишнимъ костюмомъ“, который не соотвѣтствовалъ уже ей, какъ союзу земледѣльцевъ, и только задерживалъ ея развитіе.

Разрушать же „эти ячейки“ никто не думаетъ. Напрасно

г. Новоторжскій полагаетъ, что будто при всякой иной, чѣмъ проектируемая имъ, формѣ націонализаціи государство должно будетъ имѣть дѣло съ каждымъ непосредственнымъ производителемъ. Напротивъ, я думаю, что въ аграрной реформѣ община будетъ использована очень широко. Сохранившіяся въ населеніи, воззрѣнія на землю, какъ на общенародную собственность, на что ссылается между прочимъ г. Новоторжскій, послужатъ для реформы психологической опорой и, стало быть, всецѣло будутъ использованы. Будутъ использованы и выработанные общиной навыки, которые очень облегчатъ всю техническую сторону реформы. И, конечно, тамъ, гдѣ сохранилась община, государство чаще всего будетъ имѣть дѣло не съ отдѣльными производителями, а съ ней, но именно какъ съ союзомъ земледѣльцевъ. Общиннымъ и вообще коллективнымъ формамъ пользованія землею могутъ быть основнымъ закономъ предоставлены даже тѣ или иныя преимущества сравнительно съ отдѣльными лицами.

Сдѣлаю, хотя и мимоходомъ, еще одно замѣчаніе, представляющееся мнѣ далеко не лишнимъ въ виду приведенныхъ мною и не совсѣмъ точныхъ, какъ я думаю, словъ г. Новоторжскаго, „Въ концѣ пути“, разъ ужъ рѣчь зашла объ этомъ, мы видимъ не „товарищество непосредственныхъ производителей“, тѣмъ менѣе производителей какой-нибудь одной отрасли; мы видимъ тамъ общественное хозяйство. И, какъ теперь уже достаточно выяснилось, человѣчество приближается къ этому идеалу или, правильнѣе, подготовляется къ тому, чтобы воплотить его въ жизни, двумя путями: одинъ, говоря кратко, это кооперація (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), другой—муниципія (тоже). Тема эта слишкомъ сложна, чтобы изложить ее въ нѣсколькихъ словахъ, которыя я могу сейчасъ удѣлить ей. Въ данномъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что закрѣпленіе правъ на землю за территоріальнымъ союзомъ представляется мнѣ болѣе прямымъ и вѣрнымъ средствомъ, чтобы передать средства производства въ завѣдываніе всего общества, чѣмъ закрѣпленіе тѣхъ же правъ за профессіональными союзами. Въ кооперацiяхъ, какъ я думаю, должны вырабатываться коллективные навыки, общественныя же права нужно собирать около муниципіи.

Главный доводъ въ пользу общины и противъ государства г. Новоторжскій видитъ, однако, не въ возможностяхъ будущаго,

а въ пережиткахъ прошлаго и въ соотношеніи силъ настоящаго. Онъ опасается недостаточной демократичности государства.

У насъ нѣтъ—говоритъ онъ—основанія думать, чтобы въ Россіи, въ особенности въ первое время по введеніи народнаго представительства, государственная власть была бы особенно демократична. Если бы даже представительное собраніе, собравшееся въ минуту широкаго общественнаго возбужденія, и декретировало бы націонализацію земли второго типа, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, то гдѣ у насъ ручательство, что представительное собраніе не перерѣшитъ дѣло заново и не вернется къ только, что разобранному типу. Развѣ мы не знаемъ реакцій и контръ-революцій? Ихъ было болѣе, чѣмъ достаточно. А благо всеобщаго и т. д. избирательнаго права и пропорціональнаго представительства народная масса оцѣнитъ не сразу. Опытъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ показываетъ черезчуръ медленный, а не скорый ростъ голосовъ, подаваемыхъ за демократическія партіи. Тяжелое наслѣдство вѣковъ невѣжества, безправія и угнетенности народу не легко сбросить съ плечъ...

Я понимаю все серьезное значеніе высказываемыхъ въ данномъ случаѣ г. Новоторжскимъ опасеній, и всетаки думаю, что допускаемое имъ противоположеніе общины и государства основано на недоразумѣніи. Какъ „союзъ земледѣльцевъ“, община будетъ вѣдь жить и дѣйствовать совершенно въ иной плоскости, чѣмъ въ какой будетъ функціонировать государство. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что послѣднее захочетъ перерѣшить проблему и будетъ достаточно для этого сильно. Какимъ путемъ оно можетъ это сдѣлать? Не иначе, конечно, какъ законодательными актами, судебными рѣшеніями, финансовыми мѣропріятіями, экономическою политикой. Системой налоговъ, напримѣръ, государство можетъ придать всей націонализаціи фискальный характеръ (чего, между прочимъ, и опасается г. Новоторжскій); судебными рѣшеніями оно можетъ дать въ экономической борьбѣ перевѣсъ совсѣмъ не трудовымъ элементамъ; экономической политикой оно можетъ создать и усилить ихъ. Какимъ же образомъ община убережетъ непосредственныхъ производителей отъ такого поворота въ общемъ теченіи государственной жизни? Какимъ образомъ она убережетъ ихъ право на землю? Вопросъ о землѣ во всякомъ случаѣ будетъ рѣшаться въ государствѣ, а не внѣ его. Для того, чтобы сохранить ее, непосредственные производители должны будутъ вести политическую борьбу и она, конечно, будетъ продуктивнѣе внутри государства, чѣмъ если она отольется въ форму аполитическихъ движеній.

Въ сущности и г. Новоторжскій предвидитъ необходимость перенести борьбу на государственную арену. „Чрезъ правовое государство, а не помимо его—говоритъ онъ – намѣрены мы, сознательные элементы, воздѣйствовать на народно-хозяйственную жизнь“. Союзы дѣйствительныхъ земледѣльцевъ могутъ, конечно, оказать въ этомъ случаѣ сильную поддержку. Но для того, чтобы сдѣлать ихъ политическою силою, вовсе не нужно надѣлять ихъ правами собственности на землю. Послѣднія, напротивъ, могутъ только ослабить ихъ, ибо породятъ въ нихъ внутреннія междуусобія. Съ тѣмъ же лавочникомъ „непосредственнымъ производителямъ“ придется тогда вести двойную борьбу: одну въ общинѣ, другую—на государственной аренѣ.

Можно думать, что предположеніе, которое допускаетъ г. Новоторжскій, имѣетъ другой смыслъ. Выдвигая свой доводъ, онъ, повидимому, разсматриваетъ уже общину не какъ профессіональный, а какъ территоріальный союзъ, и, противополагая его государству, можетъ быть, желаетъ сказать, что мѣстные органы самоуправленія, по его мнѣнію, будутъ болѣе демократичны, чѣмъ центральные. Въ этомъ смыслѣ противополагать общину и государство, конечно, можно. Долженъ однако сказать, что я лично не рѣшился бы въ этой общей формѣ настаивать на большей демократичности мѣстныхъ учрежденій сравнительно съ обще-государственными. Правда, интересы трудящихся массъ тамъ ближе и давленіе ихъ сильнѣе, но за то идеалы дальше и видны они хуже. „Сознательные элементы“ въ Россіи такъ еще немногочисленны, что покрыть жизнь внизу болѣе или менѣе ровнымъ слоемъ они еще не могутъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что губернское земство, напримѣръ, нерѣдко оказывается въ настоящее время демократичнѣе уѣзднаго. Предоставить при такихъ условіяхъ рѣшеніе важнѣйшихъ земельныхъ вопросовъ каждой общинѣ въ отдѣльности, это значитъ завѣдомо идти на то, что страна покроется пятнами. Однѣ общины поставятъ дѣло вполнѣ демократично, въ другихъ же легко одержатъ верхъ темныя силы. Перспективы при этомъ могутъ быть разныя. Возможна и такая: сегодня „чумазый“ одержитъ побѣду въ одной общинѣ, завтра въ другой, а, выждавъ подходящій моментъ, одержитъ, наконецъ, верхъ и въ третьей, демократичной. Поэтому-то, если бы интересы трудящихся массъ необходимо было вручить какой-нибудь одной

территоріальной единицѣ, то долженъ признаться, что я скорѣе ихъ довѣрилъ бы русскому народу въ его цѣломъ, чѣмъ городу Глупову или деревнѣ Неѣловой въ отдѣльности. Но, какъ я уже сказалъ, коллективныя права на землю могутъ быть подраздѣлены между территоріальными союзами во всѣхъ ихъ градаціяхъ и при томъ, конечно, это нужно сдѣлать такъ, чтобы вопросы, въ которыхъ замѣшаны непосредственные интересы трудящейся массы, были предоставлены вѣдѣнію мелкихъ союзовъ, а болѣе сложные, разобраться въ которыхъ можно только при свѣтѣ идеаловъ,—болѣе крупнымъ.

Опасенія г. Новоторжскаго, какъ уже сказано, я въ извѣстной мѣрѣ раздѣляю. „Если бы мы получили—говоритъ онъ—народное представительство, основанное даже на всеобщей, тайной, прямой и равной подачѣ голосовъ при всѣхъ свободахъ и вольностяхъ и свободѣ предвыборной агитаціи, то и то представляется сомнительнымъ, чтобы большинство народныхъ представителей было на сторонѣ истинно-демократическихъ началъ, не говоря уже о томъ, что молодое народничество само не составитъ этого большинства". Но я думаю, что кромѣ представителей, за насъ будетъ сама жизнь, властно требующая преобразованій въ извѣстномъ направленіи. Давленіе такъ велико, что и не демократическія партіи должны будутъ за нихъ высказаться. Молоде народничество, можетъ быть, и не составитъ большинства, но оно съиграетъ свою роль въ исторіи тѣмъ, что усилитъ это давленіе. Самъ г. Новоторжскій указываетъ, что не случайно появилась программа „второго освобожденія". Я, конечно, предвижу, что соотношеніе силъ въ рѣшительную минуту можетъ оказаться далеко не такимъ, чтобы воплотить наши пожеланія въ жизни. Неибѣжны будутъ компромиссы. Но дѣловые компромиссы, какъ я писалъ въ другомъ мѣстѣ, не страшны; опасны компромиссы принципіальные. Мы должны употребить всѣ усилія, чтобы предотвратить ихъ и во всякомъ случаѣ не предлагать такихъ компромиссовъ сами. Закрѣпленіе же земли за „союзами земледѣльцевъ" т. е. передача ея въ частную собственность, хотя бы и „непосредственнымъ производителямъ", представляется мнѣ именно такимъ принципіальнымъ компромиссомъ.

Есть и еще одно соображеніе, въ силу котораго я не могу полностью раздѣлить опасенія г. Новоторжскаго. Я уже сказалъ, что предо мною нѣтъ такого жупела, какъ государство, до „конца"

остающееся буржуазнымъ. Поэтому я и писалъ: „государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленномъ направленіи, не страшно и въ качествѣ земельнаго собственника“. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключаются или должны заключаться „пріобрѣтенія переходнаго времени“? Въ томъ, что земля будетъ передвинута въ сторону трудящихся массъ. Но, благодаря этому, соотношеніе политическихъ силъ рѣзко измѣнится. Стоитъ только представить себѣ, какъ перемѣнится, напримѣръ, мѣстная жизнь, когда въ ней перестанутъ главенствовать „ціи паны“. Аграрной реформой мы высвободимъ не буржуазію, т. е. не чуждыя и враждебныя намъ силы, а наши собственныя. Этимъ и сильна наша программа: каждое соціальное пріобрѣтеніе, какое мы сдѣлаемъ, увеличитъ нашу политическую силу, а каждый политическій шагъ мы используемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соціальной сферѣ.

Содержаніе.

стр.

I. Крестьянское движеніе 5

II. Мѣры, предпринятыя правительствомъ 17

III. Анархическій и государственный элементы въ крестьянскомъ движеніи 34

IV. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы 45

V. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы (Продолженіе) 57

VI. Сущность аграрной реформы 71

VII. Сущность аграрной реформы (Продолженіе) 81

VIII. Программа дополнительнаго надѣленія 93

IX. Платформа съ умолчаніемъ 113

X. Община и государство 122

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ** и основныя задачи аграрной реформы. 2-е изд. Ц. 60 коп.

2) **КРЕСТЬЯНЕ** и **РАБОЧІЕ** въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. 3-е изд. Ц. 25 коп.

3) **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ.** Цѣна 30 коп.

4) **ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА.** 2-е изд. Ц. 10 к.

5) **НАКАНУНѢ.** (Печатается).

6) **СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ.** Ц. 6 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала „Русское Богатство" (С.-Петербургъ, Баскова 9) и ея московскомъ отдѣленіи (Москва, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Ежемѣсячный литературный и научный журналъ

„Русское Богатство",

издаваемый подъ редакціей **Вл. Г. Короленко**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Мельшина).**

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Спб. и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Баскова ул. 9; отдѣленіе въ Москвѣ: Никитскія Ворота д. Гагарина.